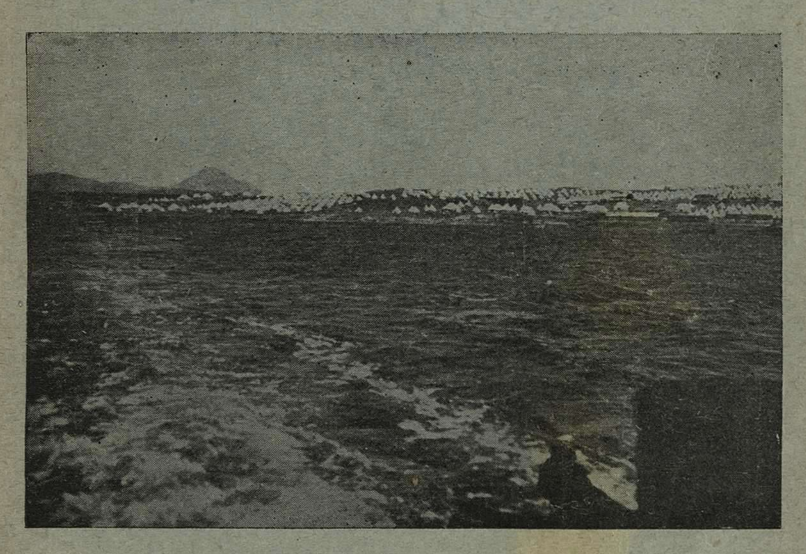
А-6191
Краинский Н.
Без
будущего
НЕ КОПИРОВАТЬ

6462
К 77
634
А-6191

БЕЗЪ БУДУЩАГО.

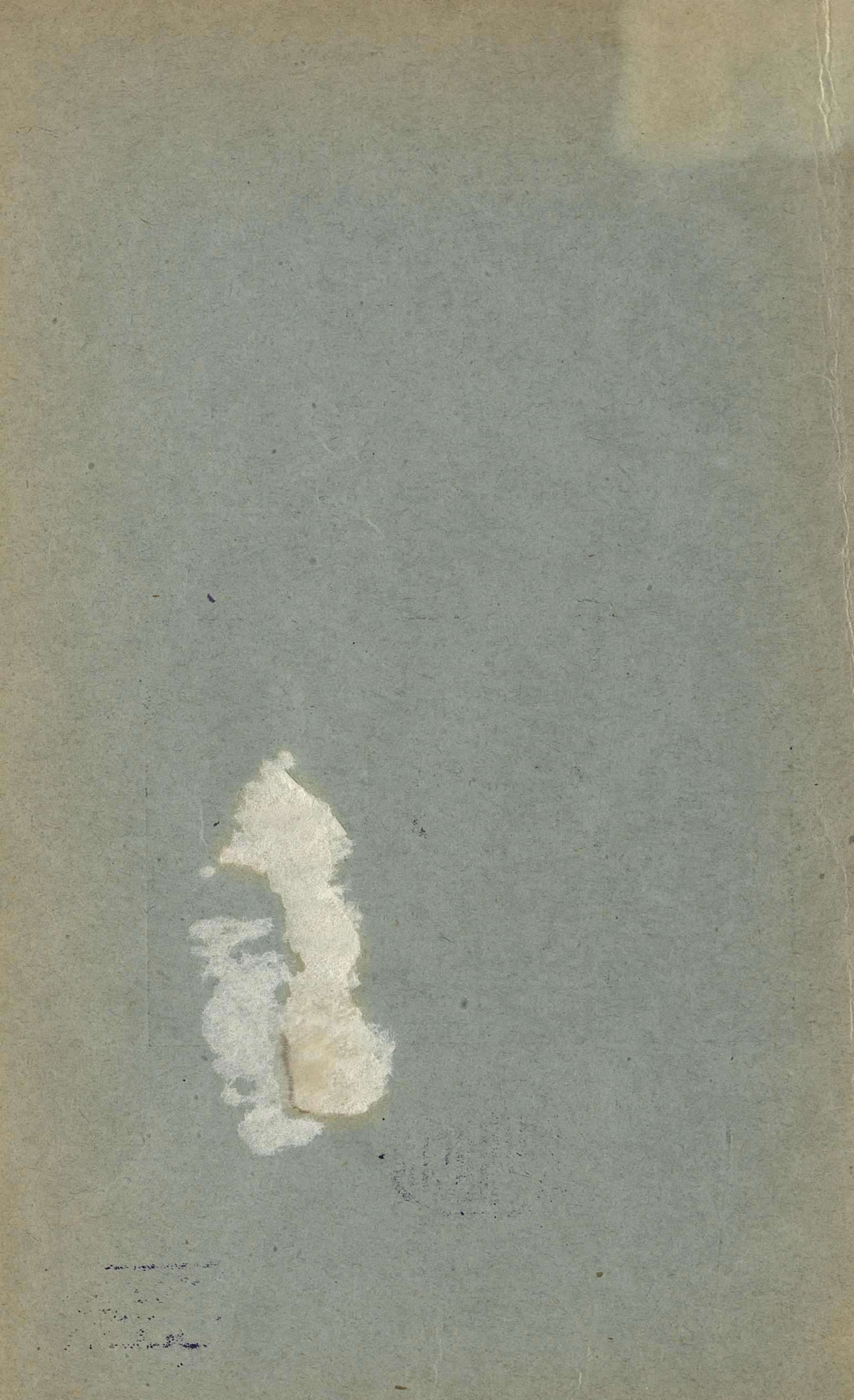
Очерки по психологiи революцiи и эмиграцiи

Проф. Н. В. Краинскаго.

Бухта острова Лемноса.

БѢЛГРАДЪ.
1931.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплетной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстраций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	19 . г.
12							10	3

А-6191
801-95
5153-2
6

БЕЗЪ БУДУЩАГО.

Очерки по психологіи революціи и эмиграціи

Проф. Н. В. Краинскаго.

Бухта острова Лемноса.

ЦГАОР Книга № Инв. №

БѢЛГРАДЪ.
1931.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА 13 ОТДЕЛ им. В. И. Ленина
81-3479

2014021198

Исп. М. Г. Ковалевъ, Бѣлградъ, Поенкареова ул. 42.

За Штампарију „Слово“ И. Попов и А. Бољшаков,
Београд, Престолонаследников Трг, 28.

I.

ГОСТИ КОРОЛЯ АНГЛІЙСКАГО

Когда судно снималось съ якоря, надъ городомъ уже висѣли разрывы непріятельскихъ шрапнелей. Люди покидали родину, сброшенные въ море. Англичане, — недавніе союзники, поддерживавшіе добровольческую армію, — теперь умывали руки и увозили на восьми пароходахъ „на отдыхъ" раненыхъ и больныхъ русскихъ офицеровъ, содѣйствуя эвакуаціи остатковъ разбитой арміи на Крымскій полуостровъ. Палъ Новороссійскъ, послѣдній оплотъ разлагающейся арміи, и люди уходили искать пріюта въ чужихъ краяхъ.

Пережито было такъ много. Катастрофа надвигалась давно и непредотвратимо. Люди бились въ тискахъ гибели, стараясь выбраться изъ покидаемаго города. Надъ каждымъ висѣлъ Дамокловъ мечъ и грозно возникалъ вопросъ: „быть или не бытъ?" Онъ оттѣснялъ на время назойливыя воспоминанія. Прошлое тяжелымъ кошмаромъ ложилось на душу и въ мрачныхъ краскахъ мѣшалось съ будущимъ, въ которое тщетно стремилось проникнуть воображеніе.

Завтра, или черезъ день сюда придутъ другіе люди, когда то близкіе, теперь — непримиримые враги, и развернется дикая картина. Польется кровь, и звѣрь сброситъ маску человѣка.

Обрисовываются въ памяти проклятыя картины: смерть, трупы безъ конца... Все это уже въ прошломъ.

Въ анатомическомъ залѣ университета стройными рядами, плечомъ къ плечу, вытянутые и страшные, лежатъ покойники. То жертвы перваго нашествія большевиковъ. Въ залѣ царитъ идеальное соціалистическое равенство: трупъ генерала бокъ о бокъ съ останками бандита-матроса и касается своею рукой тѣла случайно убитой женщины. На лицахъ павшихъ нѣтъ слѣда предсмертныхъ мукъ и ужаса, въ которомъ трепетало тѣло въ тотъ страшный часъ, когда людей хватали на улицахъ и ставила „къ стенке". Раздѣтыя тѣла застыли въ разныхъ позахъ, которыя не выправила смерть. Тѣснымъ строемъ мертвецы заняли рядами всю пло-

щадь пола громадной мрачной залы. Нагіе, или въ остаткахъ рубища, которымъ побрезгалъ товарищъ-бандитъ, они наводили воображеніе на сцены, когда подъ знаменемъ свободы съ теплыхъ еще тѣлъ, въ которыхъ быть можетъ не угасъ послѣдній лучъ жизни, жадными руками сдирали все имѣвшее хоть признакъ цѣнности. Ничего не стоила въ тѣ дни жизнь человѣка, и обобраны были всѣ въ чистую.

Страшенъ этотъ покой и мертвенная неподвижность человѣческихъ тѣлъ. Разможенные черепа съ обезображенными лицами говорятъ о дѣяніяхъ человѣка, въ которомъ уже порвались всѣ струны человѣчности. Тѣла раздуты. Вотъ трупъ до половины чисто обглоданный собаками: кости и бедра словно отпрепарированы. Лицо спокойно и оловянный взглядъ безжизненно устремленъ въ пространство. Ничего не говоритъ оно о завершенной драмѣ жизни. Кровь застывшею корою обезображиваетъ члены. Костлявыя конечности сцѣпляются другъ съ другомъ.

Въ углу залы высокимъ штабелемъ навалена груда тѣлъ: ихъ не успѣли разобрать. Тамъ все разложилось до потери очертаній человѣческихъ фигуръ, расплылось липкой массой и тянется вонючей слизью. Нестерпимый смрадъ повисъ въ воздухѣ, и тихій ужасъ воцарился въ душѣ живыхъ. Молчаливо пробирается публика между страшными рядами въ поискахъ близкихъ. Притихли, подавленные страшною картиною. Движенія почтительны и медленны и, словно боясь спугнуть царящій здѣсь покой смерти, говорятъ въ полголоса. У носа — платки, чтобъ облегчить вдыханіе смрада.

На двухъ лежащихъ рядомъ тѣлахъ къ груди приколоты бумажки: „Шульга — отецъ“ и „сынъ“. У анатомическаго стола два служителя въ запачканныхъ кровью халатахъ убираютъ покойника, котораго отыскали родные.

Стоятъ спокойно: нѣтъ словъ — они не нужны. Нѣтъ плача: слишкомъ грандіозно зрѣлище человѣческаго безумія — сегодня здѣсь они, а завтра, быть можетъ, будете и вы.

Встаетъ изъ тьмы вѣковъ фигура человѣка съ кровавымъ ужасомъ его исторіи: вѣдь только на сценѣ жизнь надѣваетъ маски и рядится, а здѣсь картина настоящая. Разступается толпа передъ громадной фурой ломовика. Горою нагружена площадка мертвыми тѣлами и офицерскія рейтузы на трупѣ говорятъ о томъ, какъ отблагодарило отечество своего защитника на полѣ брани...

Работа человѣка во славу революціи подъ знаменемъ прогресса!

* * *

Вотъ садъ кругомъ особняка богатаго буржуя Бродскаго. Среди развѣситыхъ деревьевъ разрыты ямы и обна-

жились груды тѣлъ засыпанныхъ землею. Причудливыми пластами отслоилась кожа голыхъ тѣлъ, пересыпанныхъ пепельно сѣрою землею. Сюда зарыли чекисты свои послѣднія жертвы, покидая городъ передъ вступленіемъ добровольцевъ. Во дворѣ и въ разоренныхъ комнатахъ, гдѣ жилъ чекистъ Угаровъ, — кучи мусора, бутылокъ, ящиковъ, стклянокъ отъ кокаина. Въ сосѣднемъ домѣ — бывшей резиденціи генералъ-губернатора, гдѣ помѣщалась губернская Чека, внутри разгромъ: все въ щепкахъ. Мебель разбита вдребезги, обои оборваны, и груды бумагъ и документовъ разбросаны по полу.

На стѣнкахъ подвальныхъ помѣщеній, превращенныхъ въ казематы для заключенныхъ, — графики души: предсмертныя записи осужденныхъ. Въ нихъ слышится послѣдній стонъ: „невинно погибаю"... ...„сообщите близкимъ" адресъ... Обрывокъ дневника на штукатуркѣ у окна, написанный карандашомъ.

Въ рамкѣ начертанъ календарь съ зачеркнутыми числами и подпись „поручикъ Бимонтъ". Оборвался счетъ дней: авторъ ушелъ туда, гдѣ нѣтъ времени, и гдѣ не нуженъ счетъ днямъ... Налѣво отъ входа на стѣнкѣ шаловливою, талантливою рукою набросанъ портретъ великаго растлителя Россіи: у порога смерти въ казематѣ чека, изъ подъ густыхъ бровей непривѣтливо глядятъ глаза знаменитаго писателя на дѣло рукъ своихъ ...„непротивленье злу"... Злая шутка въ этотъ жуткій часъ! Какъ страшно глядѣть на эти надписи людей, только что ушедшихъ въ тотъ міръ, гдѣ церковь грозитъ грѣшникамъ карами, которыя теперь для нихъ не будутъ новы.

Вотъ крестъ. Подъ нимъ фамилія „П. Колонтаровъ", и дата. Былъ человѣкъ — и нѣтъ его. Немного выше написано: „Здѣсь жилъ Корницкій, Сержъ! Мнѣ всего семнадцать лѣтъ; такъ хочется еще пожить, я такъ, вѣдь молодъ"... Затѣмъ пробѣлъ и торопливый, прощальный вопль: „ведутъ!" Подвалъ. Стѣна забрызгана мозгами, на потолкѣ и стѣнахъ кровь. Здѣсь убивали людей.

Ласкаетъ новый строй свободныхъ гражданъ дарами рая, а лучезарный образъ безкровной революціи диктуетъ право и справедливость. Надъ городомъ спустилась ночь. Не спится. Слышны звуки ружейной трескотни: то люди стрѣляютъ въ себѣ подобныхъ. Промчался съ шумомъ автомобиль и гулкимъ эхомъ отозвался въ человѣческой душѣ. Но, слава Богу, мимо! Тяжелой поступью поднимаются по лѣстницѣ сѣрыя фигуры въ шинеляхъ, съ винтовками, и нагло врывается въ квартиры комиссаръ. Прогрессъ! Свобода! На утро въ газетахъ кровавый бредъ и списокъ новыхъ жертвъ.

Проклятыя картины!

Бомбардировка города! какъ въ древности, онъ данъ на разграбленіе. „Смерть буржуямъ, миръ хижинамъ". Но вотъ деревня и хижины. Ночная тишина... Вдругъ стукъ въ двери, и дикія фигуры врываются: „Бери, годится все!"... Давно забыли люди и здѣсь, что значитъ мирный сонъ.

Три года непрерывнаго кошмара отравляютъ душу. Бьется она въ тискахъ прошлаго и рвется къ лучшему будущему.

Меркнетъ красавица міра — душа мудраго человѣка, и спадаютъ маски, обнажая звѣря.

Впослѣдствіи историкъ безнадежно извратитъ картину. Подобно бандѣ арлекиновъ, стасуютъ карты прошлаго. Въ терновые вѣнки страданій и мукъ вплетутъ букеты розъ. Ненависть и злобу превратятъ въ любовь. Большое безобразіе опишутъ какъ подвигъ во имя идеала. Пройдутъ вѣка и снова найдутся подражатели великимъ образцамъ. Паяца, своимъ кривляньемъ повергнувшаго въ гибель великую державу, назовутъ кристально-чистымъ, и имена, проклятыя для Родины, будетъ чтить безумная толпа.

Прелестный вечеръ. Великолѣпенъ садъ на берегу Днѣпра. Тянетъ погулять. У входа въ садъ смятеніе:

— Облава!

Хватаютъ всѣхъ. Кто поприличнѣе одѣтъ — буржуй. „Къ товарищамъ, въ казармы! Убрать тамъ нечистоты".

И хохоталъ матросъ: бывшая еще недавно „дамой", женщина-интеллигентка, засучивъ рукава, въ одной рубашкѣ копошилась въ нужникѣ на службѣ демократіи и мыла чаши, вдыхая нечисть.

Подъ сводами университетской аудиторіи собрались ученые. Серьезны лица и скорбь въ задумчивыхъ глазахъ. Большевикъ, приватъ-доцентъ Назаровъ поучаетъ профессоровъ, какъ надо пролетаризировать науку. Безумный бредъ причудливо смѣшался съ дѣтскимъ лепетомъ.

Нѣтъ силъ терпѣть.

Помня завѣтъ учителя, интеллигенція умирала въ чека, съ достоинствомъ, въ непротивленіи злу. И только у порога бойни, дикій матросъ-убійца, когда чекистка Роза готовилась его казнить, съ внезапнымъ воплемъ бросился на нее: „не хочу, чтобы меня убивала жидовка"! Оттащили взбѣсившагося матроса отъ жертвы и вмѣсто „жидовки Розы", его пристрѣлилъ еврей Берманъ. Послушно ложился въ „гробъ на четверыхъ" цвѣтъ русской интеллигенціи, и только старикъ Цитовичъ съ презрѣніемъ клеймилъ своихъ убійцъ. „Какимъ я былъ, такимъ умру, а васъ я презираю". Родная дочь, медичка-коммунистка присутствовала при обыскѣ у отца. Она безстрастно стояла у окна, пока комиссаръ шарилъ въ

бумагахъ отца. Но вдругъ „дочь вѣка" встрепенулась: коммисаръ потянулся за фунтомъ чая въ шкафу.

— Этого не трогать! Мое! — сказала коммунистка, — вотъ съ нимъ, — кивнула она въ сторону отца, — дѣлайте, что знаете, а этого не троньте!

Что пережилъ покойникъ, привезенный изъ чрезвычайки въ мертвецкую и тамъ очнувшійся? Вдругъ спохватились: не страхъ передъ воскресшимъ, а опасеніе чрезвычайки и недовѣріе другъ къ другу вдругъ охватило служителей: „А что какъ донесутъ?" Наперегонъ кинулись за милиціонеромъ, съ призывомъ: „Добить его!" Блюститель новаго режима спокойно вынулъ наганъ и безъ волненія души добилъ. Такъ раньше добивали сбѣсившагося пса.

* * *

Отходитъ армія, еще недавно славная, порывомъ метнувшаяся до Орла. Теперь порывъ угасъ и цѣпи таятъ. Мѣняютъ флагъ и измѣняютъ старому. Тянутся обозы по грунтовымъ путямъ, и поѣзда облеплены на крышахъ и буферахъ.

Тяжелый, крестный путь! Пальба, крушенія, банды. Въ теплушкахъ коситъ смерть. И подмѣнился доброволецъ бѣлой арміи бандитомъ-товарищемъ. Смѣшалась пестрая толпа людей. Остатки рыцарей и гражданъ, дезертиры, трусы, грабители, большевики... все тянется назадъ. Все уходило безъ будущаго, безъ надеждъ. Подъ защитой обломковъ арміи отходитъ съ ними волна людей, когда-то бывшихъ смѣлыми въ борьбѣ съ Императорскою властью, провозглашавшихъ зарю новой жизни. Тутъ цвѣтъ интеллигентной мысли, борцовъ либерализма. Имъ также стало невозможно жить. „Подальше лишь отъ тѣхъ!"

Тоскуетъ душа, вся въ прошломъ. Въ настоящемъ одинъ кошмаръ, и время не сулитъ просвѣта. Не выбиться, кажется, изъ тисковъ сковавшихъ обезумѣвшее человѣчество.

Уѣхать! Покинуть родину: вѣдь были же счастливцы, уходившіе во время французской революціи въ эмиграцію!

Увы: не такъ легко!

Эпидемія косила во всю. Очередныя жертвы безропотно ложились на одръ смерти и, теряя сознаніе, уходили сначала въ міръ страшныхъ грезъ, а затѣмъ въ нѣдра небытія. Въ хаосѣ больныхъ видѣній все грезились большевики. Товарищи-санитары обирали теряющихъ сознаніе людей до гола. А когда послѣ долгодневнаго разобщенія съ дѣйствительностью больной приходилъ въ себя, онъ съ тревогою спрашивалъ: „Ну, какъ положеніе? Что большевики?"

— Да недѣлю еще продержимся, — неутѣшительно гласилъ отвѣтъ.

Не спится ночью. Полна тревоги душа. Вотъ оно то тяжелое настоящее, которое такъ долго тянется. Хватитъ времени, чтобы оправиться отъ тяжелой болѣзни и уйти? Полная безпомощность.

— Вамъ надо уходить, — предостерегаетъ сестра, — пощады вамъ не ждать.

И снова развертываются воспоминанія. Тогда, годъ назадъ, — спасся чудомъ. Когда товарищи пришли разстрѣливать, мы были случайно на блинахъ въ компаніи врачей. Въ тѣ времена люди еще помогали другъ другу. Предупредили во время. Пришлось скрываться, какъ тогда „скрывались" тысячи людей. Нѣтъ, лучше пулю въ лобъ, чѣмъ въ руки большевиковъ.

Армію эвакуировали въ Крымъ, а больныхъ офицеровъ англичане увозили въ Египетъ и на Лемносъ. Въ тѣ времена Лойдъ-Джоржъ еще не торговалъ съ людоѣдами и не выдавалъ обезпечившихъ побѣду Англіи русскихъ офицеровъ на разстѣлъ въ чека. Тогда онъ умывалъ лишь руки.

Но, Боже мой, какъ было все безнадежно глупо! Погибающая армія обставляла послѣднюю эвакуацію такою кучей нелѣпыхъ формальностей и регистрацій, которыя не снились даже большевикамъ. Пройти ихъ было не подъ силу даже здоровому. Двадцать восемь штемпелей на заграничномъ паспортѣ для эвакуаціи у англичанъ. Груды ненужныхъ бумагъ и сотни барышень въ ненужныхъ канцеляріяхъ. Люди, со штыкомъ въ рукахъ свершившие свой крестный путь, теперь больные, получали патентъ на жизнь съ великой мукой и протекціей. За всякимъ пустякомъ длиннѣйшая очередь. Мифическія клейма контръ-развѣдокъ, словно сама откатывающаяся армія не была вся заражена и смутой, и грабежомъ, и большевизмомъ.

Зачѣмъ все это дѣлается? Развѣ нельзя упростить эту чепуху, когда даже генералъ Императорской арміи, завѣдывавшій эвакуаціей, отрекся давно отъ царскаго режима и его такъ горячо порицаемаго формализма? Люди пожимали плечами и говорили:

— Рыба съ головы воняетъ.

И клеймили генерала, выдумавшаго всю эту глупость. Въ Европѣ вѣдь никто не спроситъ этихъ бумаженокъ, изъ за которыхъ васъ будто бы нарочно суютъ въ пасть непріятеля. Горе больному, если знакомый генералъ, не выручитъ изъ затрудненій. Повсюду матерная ругань. На крыльцѣ у закрытыхъ дверей очередная давка офицеровъ: нуженъ какой-то штемпель на клочкѣ бумаги. Вдругъ короткіи крикъ и дикая картина: офицеръ русской арміи со всего размаха даетъ „по мордѣ" другому офицеру... Молчаніе и никакой реакціи: поспорили за очередь... — Бросятъ... Оставятъ... Не

вывезутъ, — твердитъ больной. И уже примиряется душа съ неизбѣжнымъ.

Странно играла жизнью людей судьба. Въ крайнiй моментъ вдругъ улыбнется, протянетъ руку и спасетъ.

Случайная встрѣча съ товарищемъ — не съ большевистскимъ, а съ настоящимъ товарищемъ — врачемъ.

— Въ чемъ дѣло? Эвакуировать? Прекрасно: все сдѣлаю. Приходите завтра къ 10 часамъ ко мнѣ въ канцелярiю!

Не вѣрится: неужели удастся эвакуироваться? Но вотъ бумажки въ рукахъ, и начинаются мытарства посадки на пароходъ. Тамъ новый диктаторъ, самозванно распоряжающiйся жизнью людей: военный врачъ изъ Харькова Беллинъ. Онъ долженъ еще поставить помѣтку, тридцатую по счету на бумажкѣ. Это патентъ на жизнь. Кому захочетъ — подпишетъ, не захочетъ — оставитъ за бортомъ этотъ преступникъ добровольческой эвакуацiи. Кто далъ ему право на выборъ праведныхъ, на кару грѣшнымъ?

Наконецъ спасенъ. Уже на палубѣ. Вздохъ облегченiя: что будетъ дальше?

* * *

Горѣли однимъ желанiемъ — уѣхать! Скрывали страхъ, переживая его внутри себя. Все чудилось, что не удастся спастись. Никто не говорилъ что думалось, никто не зналъ своей судьбы. И когда шансы на эвакуацiю казались не надежными, люди утѣшали себя иначе. При всякомъ новомъ нашествiи большевиковъ ихъ идеализировали. Говорили, что они уже не тѣ; что стали мягче и могутъ пощадить. Кто послабѣе духомъ, вѣрилъ и оставался въ надеждѣ, чтобы потомъ, въ предсмертный часъ сознать свою ошибку. Такъ забываютъ люди недавнiй урокъ.

* * *

Дивнымъ раннимъ утромъ пароходъ отчалилъ. Ширится полоска моря, и отдаляется берегъ. Синѣютъ въ туманѣ горы и таютъ, сливаясь съ фономъ неба дымки шрапнелей. Минуя валъ, плавно уходимъ въ море.

— Выскочили изъ положенiя. Спасены. Ну, хорошо, а что же будетъ дальше?

Еще не улеглась тревога, а что-то новое и нехорошее вздымается изъ тайниковъ души. Сомнѣнье, горечь. Какъ будто сдѣлалъ что-то нехорошее.

Скоро скроется за горизонтомъ берегъ родной земли. Тамъ, сзади вся жизнь, тамъ близкiе у многихъ. Тамъ все поругано, осквернено, и хаосъ разрушенiя царитъ надъ всей землей.

Освободили родину отъ царскаго режима! Отвергли вѣковые символы и бѣлая армія, спасая Единую Россію, пѣла: „Царь намъ не кумиръ!“...

Учили насъ ревнители свободы, что скорбь о родинѣ есть пережитокъ старины, что просвѣщенный человѣкъ найдетъ ее вездѣ. Посмотримъ. Съ недоумѣніемъ глядишь на лица отъѣзжающихъ: да понимаютъ ли они? Когда морская ширь поглотитъ тускнѣющіе контуры, которые сольются съ небомъ, порвется послѣдняя связующая нить.

Вернемся ли когда нибудь? Кошмаръ пройдетъ, но прошлое не возвратится. Жизнь въ чужихъ краяхъ рисуется въ туманныхъ образахъ. Погаснутъ огни воспоминаній и пережитое отойдетъ въ область исторіи.

Выброшенные волною соціальной катастрофы, мы превратимся въ изгнанниковъ и эмигрантовъ. Прибьетъ ли къ тихой пристани?

— Не скоро.

Мытарства не кончены. Погибнутъ многіе. Тѣ, кто плохо помнитъ старую Россію, быть можетъ, еще увидитъ жизнь настоящую и возрожденіе, но тѣ, надъ кѣмъ уже пронеслась вереница долгихъ лѣтъ и, кто такъ или иначе былъ причастенъ къ разрушенію великой страны, умрутъ въ изгнаніи.

Вспоминались пророчества: „будутъ люди искать спасенія въ пещерахъ и горахъ и всюду будетъ смятеніе великое. Съ востока будутъ бѣжать на западъ и съ запада на востокъ. Но не найдутъ покоя ни на морѣ, ни на сушѣ. Трупы на улицахъ и стонъ въ домахъ и гады будутъ жалить людей“...

Все это уже пережили и только сколопендры и змѣи ожидаютъ русскихъ на Лемносѣ. Теперь впередъ: къ пустыннымъ берегамъ Лемноса, гдѣ на голыхъ скалахъ, безъ воды, раскинуты палатки для русскихъ бѣженцевъ! Тамъ нѣтъ ни кустика, ни деревца и подъ камнями стережетъ пришельца гадъ.

Смирись душа изгнанника и подведи итогъ свершившемуся.

* * *

— Ѣдемъ!

— Не ѣдемъ, а везутъ!

Два года сражались мы въ великой войнѣ, вѣрные союзникамъ и гибли. Въ порывѣ самоотверженія спасли Парижъ и подготовили побѣду Антантѣ. Послѣ гибели Императорской арміи, офицеры добровольческихъ войскъ остались вѣрными союзникамъ, и въ теченіе двухъ лѣтъ охраняли Европу отъ вторженія большевизма.

Теперь намъ платятъ, спасая отъ большевиковъ.

— Союзникъ? Эмигрантъ? Военно-плѣнный?

Сразу повѣяло послѣднимъ, и взбудоражился національный духъ.

— Что съ нами дѣлаютъ!... Мы не хотимъ! Мы не позволимъ!... Негодованіе. Былыя рѣчи... Но жалко теперь звучатъ слова и выдыхается порывъ.

— Мы не бѣженцы — мы русскіе солдаты...

Но смотрятъ „солдаты" уже не на врага впередъ.

Не нужды они теперь властителямъ морей. Благодарите, что вывезли и что даемъ паекъ!

Мы проливали кровь. Мы дали имъ побѣду!

Все правда. А побѣдитель равнодушно вопрошаетъ:

— Ну, такъ что-жъ?

Нельзя предусмотрѣть, какъ будутъ поступать „цивилизованные" англичане со спасенными ими отъ чрезвычаекъ плѣнниками, но чувствуется, что будетъ стѣсненъ свободолюбивый русскій духъ.

— Приспособишься. Не унывай! — твердили смѣльчаки. Все ни по чемъ! Профессоръ станетъ огородникомъ, а инженеръ матросомъ. Разсѣемся по всей землѣ. Одни погибнутъ, другіе уцѣлѣютъ, а можетъ быть въ далекомъ будущемъ вернутся на Родину „американскими дядюшками" съ милліонами.

Изгнанники и эмигранты... Безъ родины... Въ туманѣ времени... Безъ догмата и безъ надеждъ.

*
* *

Два мѣсяца скитался зачумленный пароходъ, подъ желтымъ карантиннымъ флагомъ, по Черному и Эгейскому морямъ набитый русскими эмигрантами и долго не знали англичане, куда ихъ дѣть. Море настоящее было къ русскимъ бѣженцамъ милостивѣе, чѣмъ взбаламученное море людскихъ умовъ. На западѣ у просвѣщенныхъ побѣдителей пробуждалось демократическое помраченіе умовъ. Ллойдъ-Джоржъ неистовствовалъ и лѣвыя партіи, передъ которыми всегда благоговѣла русская интеллигенція, кричали въ парламентѣ:

— Что за пикникъ на наши деньги? Зачѣмъ кормить? Въ море русскихъ! Парижъ? Варшава? Львовъ? Теперь это не нужно: въ море! A bas les Russes!

Такъ пѣла демократія. А русскіе вторили:

— Насъ сбросятъ въ море!

— Отправятъ въ колоніи!

— Насъ разстрѣляютъ съ „Дублина"! — и втихомолку повторяли: „мы проливали кровь"...

Когда пароходъ поравнялся съ моломъ, въ рупоръ донесся прощальный русскій голосъ:

— Курсъ на Константинополь!

Какъ будто оборвались струны прошлаго и въ тайникахъ безсознательной сферы зашевелились сомнѣнія. Съ этого момента тысячи людей, переполнившіе трюмы и палубы парохода, начали ту свою новую полуберложную, трюмную жизнь, которую имъ было суждено влачить долгіе годы, скитаясь по чужимъ морямъ и землямъ въ полной неизвѣстности будущаго.

Съ одной стороны ими испытывалось чувство облегченія: сегодня и завтра, а можетъ быть и дальше не убьютъ! Уже три года чувство безопасности не было знакомо людямъ, только что закончившимъ тяжелый путь скитаній и борьбы. Но это сознаніе не снимало оскомины съ души.

Безъ родины. Неизвѣстно въ чьихъ рукахъ. Призракъ „англичанина", отнынѣ владѣющаго нами еще не выкристаллизовался въ представленіи русскихъ, съ момента отхода парохода превратившихся въ „бѣженцевъ". И было странно на душѣ.

Да „гости короля англійскаго на Лемносѣ"! Вы этого не ожидали? Подождите, еще увидите не то: настанетъ день, когда коронованные „царствующіе, но не управляющіе" властители цивилизованныхъ народовъ, будутъ пожимать руку портняжному подмастерью изъ Воронежа, чекисту Угарову, а международные авантюристы и жулики возсядутъ на креслахъ дипломатическаго корпуса...

Да, здравствуютъ завоеванія революціи.

Лемносъ, 1 іюня 1920 г.

II.

НА КОРАБЛѢ.

— Ма-а-мма... Не бей меня!...

Сверху, изъ клѣтки корабельнаго трюма доносится кристально-чистый, звонкій, мелодичный голосокъ малютки-мальчика. Онъ рѣжетъ пробуждающую тишину наступающаго утра. Сквозь полусонъ врывается въ невышедшую еще изъ состоянія оцѣпенѣнія психику это первое впечатлѣніе наступающаго дня.

Проклятая ассоціація! Зачѣмъ будитъ милый дѣтскій образъ мрачныя мысли, неудержимой вереницей отравляющія человѣческую душу?

Откуда-то изъ нѣдръ еще скованнаго утреннею истомою тѣла клубкомъ подступаетъ къ сердцу жалость. Рядомъ съ образомъ ребенка обрисовывается некрасивое лицо матери

съ маленькою угловатою головкой, коротко остриженною по модѣ эмигрантокъ.

Но довольно. Спать больше не удается. Тяжело поднимаются вѣки и уже развертывается передъ зрителемъ скучная панорама дѣйствительности. Впечатлѣнія настоящаго тяжело ложатся на душу и мѣшаются съ воспоминаніями, скудно оживляясь фантазіей.

Въ трюмѣ полумракъ. Въ широко открытый люкъ сверху, яркимъ потокомъ, врывается свѣтъ и, заглядывая въ закоулки трюма, причудливо мѣшается съ мракомъ.

Тамъ, на морѣ, уже царитъ ясный, майскій день и тонкій ароматъ еще неугаснаго утра порою проникаетъ въ дебри трюма. Здѣсь все густо заставлено лѣсами корабельныхъ коекъ и все набито людьми.

Но люди эти особенные. Душа ихъ отравлена тяжелыми переживаніями только что минувшаго. Каждый изъ нихъ только что вырвался изъ когтей смерти и, покинувъ родину, ищетъ пріюта въ чужихъ краяхъ.

Послѣдняя картина уходящаго въ даль, скрывающагося въ горахъ города, сдаваемаго непріятелю, сильно запечатлѣлась въ памяти. Надъ нимъ на фонѣ весенняго голубого неба появились дымки разрывающихся шрапнелей и долго стояли на мѣстѣ, словно пришпиленные къ небосклону булавками.

Ушли увезенные въ послѣднюю минуту отошедшимъ пароходомъ. Но не видно на лицахъ спасенныхъ выраженія радости дарованному судьбою продленію бытія. Муравейникъ человѣческихъ страстей кипитъ въ узкихъ проходахъ и на двухъ этажныхъ койкахъ мрачнаго трюма. Гаснутъ благородные порывы, проявленные еще недавно людьми бывшими героями. Ихъ затягиваетъ нечистая тина мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.

Изъ нижняго трюма дерзкимъ возгласомъ взлетаетъ кверху человѣческая ругань. Очередной скандалъ раздатчиковъ съѣстного изъ госпитальнаго цейхгауза тамъ пріютившагося. Онъ будоражитъ обитателей голоднаго трюма, которыхъ не пробудилъ жалобный голосокъ ребенка.

И каждый день одно и то же. Люди, когда-то сдержанные, теперь даютъ волю странному чувству враждебности къ себѣ подобнымъ, которое уже заползло въ душу.

Весь трюмъ знаетъ имя Леонида Леонидовича, висящее въ воздухѣ каждое утро, произносимое то ласково-просительно, то оглашаемое со злобою и ненавистью.

О! Вокругъ этой пищи бурлитъ котелъ людскихъ желаній. Позабывъ оковы чести, когда-то связанные съ мундиромъ, люди выходятъ изъ себя и разражаются непристойною руганью и криками.

— Ого, уже началось!

Въ открытый люкъ изъ верхняго трюма высовываются головы любопытныхъ. Люди не прочь позабавиться скандаломъ и слышится подчасъ вздохъ затаеннаго сожалѣнія о неосуществленномъ желаніи жаждущаго впечатлѣній зрителя: „По мордѣ бы его!“

Все стихло. Поднимающіяся съ коекъ фигуры вылезаютъ изъ своихъ клѣтокъ и принимаются за дѣло житейское.

Почему-то по утрамъ публика любитъ острить. Страннымъ диссонансомъ вдругъ прозвучитъ заимствованный у команды возгласъ: „виро по малу“!

Ему вторитъ безсмысленный, прерывистый хохотъ.

Но скоро кипятокъ поглощаетъ всѣ мысли человѣческія, и сосредоточиваетъ на себѣ пожеланія.

— Что-о-о!? Принесли?...

Быстро напяливая непослушную штанину и волоча по полу конецъ сапожнаго шнура, фигура ковыляетъ къ ведру и норовитъ захватить или перебить у другого очередь.

О, Боже, что за народъ!

На босу ногу разшнурованный башмакъ, болтающіяся небеснаго цвѣта невыразимыя и пресловутое — не то „пижама“, не то, для большаго шика, „пижамо́“, однимъ словомъ, — рубаха съ разрѣзомъ.

Но сколько страстей бурлитъ вокругъ ея полученія! И этика, и статистика, а главное, упраздненное большевиками право — все привлечено къ доказательству необходимости ея полученія.

— Даютъ!... Даютъ!... Пижамо.

Глаза горятъ...

Самъ Троцкій не могъ бы лучше защитить принципы коммунизма и всеобщаго равенства, чѣмъ это дѣлали люди трюма, во всѣ глаза глядѣвшіе, чтобы кто-нибудь не захватилъ лишняго...

Смотримъ дальше.

На бритыхъ по новѣйшей модѣ головахъ красуются даровапные благодѣтелями мѣшки. Не то чулокъ, не то колпакъ былыхъ временъ сумасшедшаго дома, онъ все таки напоминаетъ неаполитанскій головной уборъ. Съ распахнутою грудью юноша изъ трюма подчасъ похожъ на опернаго, но все же героя.

Котелъ кипитъ. Всѣ голодны, но всѣ ѣдятъ. Галеты, хлѣбъ и чай въ жестянкахъ отъ консервовъ. Его пьютъ съ чувствомъ. Толкутся, ходятъ и... чешутъ свое тѣло.

Враги человѣчества, отравляющіе его смертоноснымъ ядомъ, выращиваемые въ тѣлѣ заболѣвающаго, — стерегутъ свои новыя жертвы.

Одинъ за другимъ, покорные неизбѣжному, сваливаются

люди въ тяжелой болѣзни и хоронятъ своихъ товарищей. Но врагъ непримиримъ. Ему помогаетъ невѣроятная грязь. Но и къ ней привыкли.

Часто, когда лебедка поднимала на верхъ тяжести, она задѣвала за доску подъемнаго пола и выворачивала на полъ ведро съ нечистотами, красовавшееся посреди трюма. Сначала это вызывало брезгливое содроганіе, а потомъ, когда привыкли, — публика смѣялась.

Тяжеловѣсная фигура солдата Дудникова, большевистская душа котораго по недоразумѣнію воплотилась въ тѣло добровольца, давно открыла на своемъ тѣлѣ культуру безвинно гонимыхъ существъ, созданныхъ божественною волей для дружнаго симбіоза съ человѣкомъ.

Увы! Сколько ни почесывайся, мудрый человѣкъ, не одолѣть тебѣ врага. Жди покорно неизбѣжной очереди.

Она царитъ повсюду въ новомъ обществѣ эта очередь. Въ трюмѣ водворилось *равенство*. И только... *свободу* съѣли англичане, а злые языки принесли пришельцамъ вѣсть, что даже на пустынный островъ Алляго нельзя пускать русскихъ, которые способствуютъ уничтоженію барановъ... Одного не досчитались послѣ посѣщенія бѣженцами острова.

А *братство*?... Заблужденіе французовъ! И показала революція, что такое *братство?*...

* * *

— Ма-а-ма... Милая... Я такъ люблю тебя!... Мамочка, я такъ люблю тебя! — звенитъ, купаясь въ волнахъ свѣта, проникающаго въ трюмъ, голосокъ малютки. И что-то радостное подступаетъ къ сердцу.

Скоро вся семья идетъ на палубу. Тамъ хорошо. Залитое солнцемъ море и живописные берега бухты опьяняюще дѣйствуютъ на душу. Спадаютъ на минуту сѣрыя впечатлѣнія трюма. Свѣжій ароматъ морского воздуха жадно вдыхается широкой грудью.

Пароходъ „Владиміръ“ лѣниво стоитъ въ прекрасной бухтѣ Лемноса въ виду каменистыхъ безплодныхъ береговъ. Тамъ уже раскинуты лагери бѣженцевъ. Пожилой матросъ на палубѣ, заглядѣвшись на картину, задумчиво остановился со шваброю въ рукахъ, потомъ сказалъ:

— Вотъ будь спокойно на душѣ, какъ славно жилось бы здѣсь. А то сосетъ!

Онъ выразительно ударилъ себя по сердцу и продолжалъ:

— Бывало, уйдешь на четыре мѣсяца въ дальнее плаваніе и знаешь, что все спокойно. Придетъ жена въ агентство, а тамъ на доскѣ вывѣшено, что нашъ пароходъ про-

шелъ, скажемъ, Портъ-Саидъ по дорогѣ въ Одессу... Придешь домой — тамъ радостно и тихо... А теперь?...

Матросъ махнулъ рукою и принялся за работу.

А правда: какъ много зависитъ отъ состоянія духа. Вся природа надѣваетъ на себя нарядъ веселья и счастья. И кажется тогда голубое море прекраснымъ и воздушная ширь необъятною. Но когда душа мрачна, а думы тяжки, на все надѣто траурное покрывало. Все сѣро, тяжело и красота природы давитъ душу.

Растаялъ гнетъ души. Почувствовалъ зритель всю прелесть созерцанія. Миръ воцарился на душѣ.

— И, право, ужъ не такъ страшенъ пустынный островъ Лемносъ, какимъ казался, когда пришибленные горемъ пораженія мы прибыли къ этимъ берегамъ.

Берегъ, въ первыхъ числахъ апрѣля лишенный растительности, былъ голъ и каменистъ. Очертанія горъ глядѣли непривѣтливо. Тамъ не было ни кустика, ни деревца, ни травки. Палатки лагеря на берегу страшили будущаго обывателя и накипь тоскующей души срывалась ропотомъ на англичанъ. Чувствовали себя на положеніи военно-плѣнныхъ.

Съ далекой родины неслись вѣсти тяжелыя и сердце сжималось болью. Будущее рисовалось безнадежнымъ. Слухи одинъ другого безотраднѣе, подчасъ нелѣпые, напоминали о гибели всего, что сердцу близко.

Желтый флагъ на мачтѣ парохода напоминалъ объ уходящихъ въ лучшій міръ жертвахъ страшной эпидеміи царившей на кораблѣ.

Какъ просто умирали люди! Спокойно говорили о нихъ. Ушелъ человѣкъ и нѣтъ его. Никто не пожалѣетъ объ этихъ далекихъ людяхъ, за образомъ которыхъ скрывалась вѣдь цѣлая жизнь человѣческая. Гдѣ-то далеко и у нихъ есть близкіе. Но подъ тяжелыми ударами судьбы, они давно ужъ потеряли изъ виду близкихъ и можетъ быть оплакивали того, кто невѣдомо для нихъ лишь вчера почилъ покоемъ смерти.

По утрамъ на верхней палубѣ лежали трупы завернутые въ саванъ. На нихъ глядѣли спокойно, и больше говорили о кускѣ желѣза, что подвяжутъ къ ногамъ покойника, вспоминая акулъ и осьминоговъ.

По ассоціаціи часто разсказывали, какъ въ Одессѣ водолазъ спустившійся на дно морское, въ ужасѣ подалъ сигналъ подъема. Онъ разсказалъ, что тамъ, въ глуби морской пучины, с т р а ш н о.

„Митингъ мертвецовъ“. Фигуры утопленниковъ, спущенныхъ съ привязанными къ ногамъ тяжестями съ борта крейсера „Аврора“ озвѣрѣвшими матросами, стояли въ страшныхъ позахъ на днѣ морскомъ...

Матросъ сошелъ съ ума.

* * *

Но прочь печальныя воспоминанія! Природа ласково манитъ въ свои объятья и снаряжающаяся лодка увозитъ на островъ Алляго. Тамъ крабы подъ камнями и чудище морскихъ глубинъ — осьминогъ Эгейскаго моря.

Мысль отвлекается, смиряется душа человѣка и ласковый голосокъ ребенка лепечетъ матери о красотѣ природы.

* * *

Гуляй свободно, душа русскаго человѣка! Разверни во всю широкую мощь свой русскій духъ и не ударь лицомъ въ грязь предъ пресловутой заграницей! Покажи этимъ туркамъ и продавцамъ губокъ — грекосамъ лихую удаль залихватскую. Напомни о подвигахъ славныхъ на полѣ брани. Пусть знаетъ міръ, каковъ бываетъ русскій воинъ!

И показали.

Темной ночью съ парохода, днемъ вошедшаго въ воды Босфора, отважно спустилась по веревкѣ фигура лихого „ахвицера". Спрыгнула въ подкараулившую шлюпку греческаго лодочника и тихо направилась въ столицу падишаха. Развернулась тамъ широкая натура и такъ показала свою удаль въ пьяномъ скандалѣ, что на слѣдующій день герой былъ доставленъ на пароходъ двумя кавасами. Его смирили „варварской силой", но духъ его остался непоколебимъ:

— Ловко! — говорили люди съ восторженной улыбкой, — вотъ такъ потѣха! Ай-да молодецъ! Надулъ и администрацію парохода и глупыхъ кавасовъ.

— Хулиганъ! — брюзжали люди проспавшіе революцію и не оцѣнившіе ея завоеваній.

— Позоръ Россіи предъ лицомъ культурнаго міра...

— Пустяки! Шутки. Невинныя забавы... Ну, выпилъ человѣкъ, — оправдывали третьи.

А по пріѣздѣ въ Салоники за лихость почиталось удрать съ парохода, стоявшаго подъ карантиннымъ флагомъ, и, наплевавъ на международныя постановленія, отправиться въ притоны порта.

— Какая чепуха! Какого чорта не пускаютъ! Стану я подчиняться дурацкимъ правиламъ. Наплевать!

И такой удрали скандалъ на улицахъ европейскаго города. Съ мордобитіемъ, какъ слѣдуетъ.

И, главное, что забавно: поколотили глупую греческую полицію, вздумавшую смирить русскій духъ и навести порядокъ.

— Слышали? Вотъ такъ номеръ! — радовались въ трюмахъ, — всыпали грекосамъ. Ай да наши!

— Отчаянье... — шептались ретрограды. — Скоро русскихъ пускать не будутъ никуда. Стыдно...

Но звучали эти голоса уныло, одиноко, и также не трогали душу человѣка, какъ голосокъ ребенка, призывавшій: „Мама, не бей меня!“...

Захлебываясь отъ удовольствія, разсказывалъ здоровенный, пышущій физическою силой поручикъ о своихъ забавныхъ похожденіяхъ. Онъ, бѣдный, тоже чувствовалъ себя небоеспособнымъ и, покинувъ фронтъ, купался въ водахъ Лемноса.

— Я его спрашиваю, куда онъ ѣдетъ. Онъ отвѣчаетъ: въ Крымъ. Я ему говорю: „Глупо и неостроумно“. А онъ мнѣ: „Дуракъ“. Я въ отвѣтъ: „Самъ дуракъ“. А онъ какъ бросится на меня. Я ажъ скорюжился...

И поручикъ залился дикимъ хохотомъ. Очень было забавно, какъ чуть не побилъ его русскій офицеръ.

— Гдѣ же совѣсть? Гдѣ же честь? — ропталъ кавалерійскій генералъ. — Фу, гадость какая!

А когда въ трюмѣ однажды завязался споръ между отсталымъ профессоромъ и бравымъ поручикомъ о томъ, слѣдуетъ ли красть казенные матрасы, послѣдній энергично защищалъ современный тезисъ этики, что „взять“ еще не значитъ „украсть“.

— Надулъ! — радовался человѣкъ въ офицерскихъ погонахъ, — этимъ дуракамъ спустилъ сторублевку добровольческаго командованія за романовскую. Ловко: даже не разобрали!

*
* *

На зеркальной поверхности моря, у парохода, разыгрался громкій скандалъ. Парившія въ воздухѣ чайки замѣтили добычу выброшенную за бортъ въ видѣ остатковъ пищи. Дикой стаей бросились чайки въ одно мѣсто. Въ густой кучѣ птицъ поднялся невыразимый гвалтъ и драка, изъ за пищи.

Птицы вырывали другъ у друга куски изо рта. Одинъ и тотъ же обрывокъ мяса много разъ подхватывался то въ воздухѣ, взлетая въ высь, то во время паденія на поверхность моря.

Глупыя птицы не додумались еще до соціализма настоящаго и птичья культура не научила ихъ держать очередь...

Въ трюмахъ раздавали пищу, а сцена такъ напоминала чаекъ. И наводила она на грустныя размышленія: о природѣ мудраго человѣка, воображающаго, что онъ такъ далеко ушелъ въ своихъ нравахъ отъ міра животнаго.

* * *

— Жрутъ!... Тащатъ!...

— Мерзавцы... морятъ голодомъ!...

Изъ нижняго трюма несутъ наверхъ кофе, сыръ, молоко въ жестянкахъ.

„Все наверхъ!“ А въ трюмахъ, гдѣ ютятся больные, ежедневно слышенъ стонъ:

— Мы голодны .. Не кормятъ...

На столбѣ въ трюмѣ виситъ раскладка и значится въ ней, что выдаютъ англичане на удивленіе русскаго желудка: кофе, шеколадъ, варенье, сыръ...

Воображеніе играетъ какъ при чтеніи чеховской „Сирены“. Но... Безсмысленнымъ мечтамъ осуществиться не суждено. Земныя блага и даянья англичанъ плывутъ въ высь, къ голубому небу проглядывающему въ люкъ, и таютъ въ тихомъ сумракѣ каютъ-кампаніи.

— Опять „кандеръ“, — раздается громкій голосъ генерала, брезгливо отворачивающагося отъ ведра. — Нѣтъ, благодарю покорно! Развѣ эту мерзость можно ѣсть?

Но чайки держатся другого мнѣнія.

— Не хватитъ, — безпокоятся онѣ... — Выловили все сало!

— Не съ той клѣтки начинаете! Несправедливо!

— Постойте, господа, — всѣмъ хватитъ.

Ведра быстро пустѣютъ.

Въ каютъ-кампаніи молодой поручикъ изъ госпитальнаго штаба опоздалъ къ обѣду. Передъ нимъ задумчиво стоитъ тарелка супу и миска жаренаго мяса, которое вкусно шибаетъ въ носъ и дѣйствуетъ на желудокъ голоднаго больного вошедшаго по дѣламъ. Большой кусокъ честера самъ лезетъ въ ротъ. Но ропщетъ поручикъ, что порція мала...

Въ трюмѣ хорошо знали, что по утрамъ супруга завѣдующаго хозяйствомъ госпиталя, угощаетъ своего власть имущаго мужа вкуснымъ кофе съ молокомъ... И ропщутъ, говорятъ, что персоналъ ихъ объѣдаетъ.

Бравый полковникъ - хозяинъ энергично повѣствуетъ, что ему плевать на всѣ жалобы и разговоры. И если туда доносится лейтъ-мотивъ трюма: „мы голодны“, — тамъ философски отвѣчаютъ: „Плевать“...

Въ трюмѣ ночь. Все тихо. Но не суждено покоящимся сномъ бездѣлья и скуки уйти отъ времени, оковы котораго снимаетъ мирный сонъ. Отчаянный вопль корабельнаго колокола, висящаго надъ головою и отбивающаго стклянки, ежечасно пронизываетъ мозгъ ударомъ бронзоваго звука. И выворачиваетъ душу. Кто тихо спалъ — перевернется. Кто видѣлъ мирный сонъ, въ короткій періодъ звона — успѣетъ

подогнать его содержаніе подъ рѣзкій звукъ. Впечатлительные люди пробуждаются и ропщутъ. Невеселы часы ночной безсонницы. Не удается уйти отъ самого себя. Ощущенія неудобно лежащаго тѣла непрошеннымъ потокомъ врываются въ сознаніе и сквозь открытыя вѣки взглядъ притягивается неподвижною картиной, обрисовывающеюся въ полумракѣ.

Человѣку не суждено жить одиноко. Темной ночью его не покидаютъ твари, которымъ предназначенъ тѣсный симбіозъ съ царемъ природы.

По лѣстницамъ и переходамъ трюма, въ полумракѣ ночи, вдругъ быстро промчится крыса. Но Божье созданіе не радуетъ сердце проснувшагося человѣка. Онъ весь поморщится и содрогнется. И чудится ему, что крысы уже бѣгутъ по головѣ и къ тѣлу чувствуется прикосновеніе гада. Видѣнье гонитъ сонъ, а мелкая фауна со всѣхъ сторонъ стремится выразить свою любовь къ высшему земному существу и огненнымъ лобзаніемъ кладетъ на тѣлѣ человѣка свое клеймо.

Мысли и образы воспоминанія тяжелыми рядами проходятъ въ оцѣпенѣвшей психикѣ. Сгладится слѣдъ удара колокола и истомленный житель трюма уносится въ міръ грезъ. Но вдругъ вновь пробуждается сознаніе.

Малютка въ трюмѣ залился приступомъ коклюша. Онъ боленъ. Охватываетъ чувство жалости къ будущему человѣку, который еще пребываетъ въ невѣдѣніи, но уже позналъ страданіе. Вмѣстѣ съ нимъ страдаетъ слушающій и хочется, чтобы кончилось оно скорѣе...

А гдѣ-то въ нижнемъ трюмѣ глубокой ночью рѣжутся въ азартную игру и слышится „родная мать“.

* * *

Кто были эти люди? Съ душой и внѣшними отличіями героя, съ повадками и обликомъ падшаго человѣка, съ совѣстью дезертира, огромное большинство ихъ надѣло маски. Лживо, неискренно звучатъ слова. Скрыты отъ непосвященныхъ душевныя переживанія и помыслы. Странно слышать ихъ рѣчи. Здѣсь были люди съ крупнымъ именемъ, были настоящіе герои и были люди съ душою зайца. Здѣсь были раненые и больные, но были и здоровые, молодцоватые воины, вполнѣ боеспособные, ушедшіе съ поля брани.

— Почему?

Въ ихъ рѣчахъ чувствовался затаенный стыдъ. Потребность оправдаться.

Зачѣмъ напр. здѣсь этотъ симпатичный, почти юноша? Онъ пышетъ здоровьемъ и обстановка госпиталя такъ не

идетъ къ нему. — „Двѣ тысячи офицеровъ на фронтѣ", а „сорокъ тысячъ въ тылу"... Горе побѣжденнымъ! Взглядъ уходитъ въ сторону:

— Не вѣрю въ нихъ. Не вѣрю въ армію. Не вѣрю въ Врангеля, — повѣствуетъ молодой поручикъ.

Нѣтъ въ лживомъ самоутѣшеніи искорки стыда. Увы! Прозрачна маска и свѣтитъ изъ смущенныхъ глазъ лучъ трусливой слабости... Не можетъ понять юноша, что не вѣры въ армію, а жизни его требуетъ погибающая родина. Но вѣрный инстинкту жизни, онъ не хочетъ гибнуть и... труситъ. Стыдъ и мужество угасли. А гдѣ-то въ глубинѣ души сосетъ. И думаетъ симпатичный юноша съ университетскимъ значкомъ и георгіевскимъ крестомъ на груди, что не понимаетъ собесѣдникъ его тайныхъ думъ. Онъ пространно объясняетъ, почему не вѣритъ въ добровольческую армію и не считаетъ своимъ долгомъ ѣхать въ Крымъ. Въ интонаціи голоса и тонкой мимикѣ было еще возможно уловить непорвавшуюся струнку, звучавшую смущенно.

— Этотъ, быть можетъ, еще и не погибнетъ...

А старый генералъ, съ георгіемъ на шеѣ, краснорѣчиво убѣждалъ, что „рыба съ головы воняетъ". И простодушно не замѣчалъ, что „рыбой" молодежь его-то именно и величаетъ. Шутили, что какъ-то Пироговъ такому генералу задумалъ промыть мозги и, вынувъ, положилъ ихъ на тарелку. Въ это время вошелъ деньщикъ и доложилъ, что его превосходительство произведенъ въ полные генералы. Услышавъ это полный генералъ вскочилъ съ операціоннаго стола и бросился къ себѣ. Пироговъ въ догонку крикнулъ, что не готовы еще мозги. Тотъ отмахнулся:

— Теперь они мнѣ не нужны!

Злословила молодежь, что въ зеркалѣ не всякій узнаетъ себя.

Бѣдные люди! Они все обвиняютъ другихъ, все критикуютъ. Послушаешь ихъ, такъ каждый изъ нихъ, получивъ власть, перевернулъ бы все. А очутились всѣ на Лемносѣ, въ костюмѣ полудезертира.

Психологія обыденной жизни вступала въ свои права. Простота нравовъ была необычайна. Всѣ видѣли соломинку въ чужомъ глазу и не замѣчали у себя бревна.

На первый планъ выступала жадность. И не за что клеймить несчастныхъ: „Цивилизованные" англичане морили голодомъ измученныхъ, спасенныхъ отъ смерти, только что оправившихся отъ тифа людей. А голодъ перерождалъ людей. Англійская культура дѣлала эксперименты надъ психикой. Вызвавшись вывезти больныхъ и посуливъ имъ пріютъ и ласку, она обратила пріютъ въ загонъ, а человѣка въ скота. Забота выразилась въ оскорбленіи человѣческой личности и

обернула въ водевиль легенду о законѣ „habeas corpus“. Хваленый спортъ тѣла низвели на паекъ „мечтаній и грезъ“. Человѣкъ отъ голода преображался въ звѣря и алкалъ. Хамы проявляли свою жадность матерною руганью и кричали: „Другіе получаютъ больше!“ Люди болѣе воспитанные и въ высшихъ чинахъ заглядывали въ ротъ другому и старались выхлопотать себѣ привиллегіи.

Не то ихъ огорчало, что сами получаютъ мало, а во всѣ глаза глядѣли, чтобы кто-нибудь не получилъ больше. Ловкачи однако устраивались великолѣпно. Юнкеръ Лукашевичъ, обладатель импозантнаго баритона, не терялъ напрасно времени. Онъ поражалъ сердца стриженныхъ красавицъ и хорошо оріентировался въ положеніи. Здоровый, хоть бы на выставку, онъ умудрялся „по слабости здоровья“ освободиться отъ работъ и былъ записанъ на всѣ добавочныя порціи.

Когда раздавали бѣлье, припоминались слова романса Глинки: „Уймитесь волненія страсти“ и нападало на зрителя сомнѣнье въ благородствѣ присущемъ человѣку. Только и слышалось:

— Это значитъ — одному хорошее, а другому дрянь?...

— Всѣмъ одинаково, — упорствовалъ раздатчикъ и всѣмъ давалъ дары отъ англичанъ — сплошную дрянь.

Это равенство на кораблѣ, гдѣ генералъ и солдатъ содержались на одинаковомъ пайкѣ, радовало сердце Дудникова и онъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы какъ-нибудь генералу не дали больше. Въ пылу увлеченія онъ однажды взобрался на чужой чемоданъ и, когда собственникъ ему замѣтилъ, что чемоданъ принадлежитъ ему, Дудниковъ важно заявилъ, что собственности теперь не существуетъ.

Тамъ, далеко, въ страшныхъ судоргахъ агоніи гибла родина и армія. Въ крайнемъ напряженіи падающаго духа сдерживала напиравшихъ большевиковъ. Но какое до этого было дѣло товарищу Дудникову, дородное тѣло котораго услаждалось англійскимъ шеколадомъ, вареньемъ и прописаннымъ ему „по слабости здоровья“ молокомъ.

Много надо было пережить, чтобы опуститься такъ низко, какъ вотъ тотъ полковникъ русской арміи. Фигура его напоминала мѣшокъ съ костями, мускулы были разслаблены и члены висѣли въ томъ положеніи, которое придавала имъ сила тяжести. Нижняя челюсть отвисала въ тѣ короткіе періоды, когда она не пережевывала пищу. Старикъ больше распустился, чѣмъ былъ слабъ. Его мутный взоръ ловилъ только съѣстное, скользя зеркально по всему другому. Онъ пригоршнями собиралъ на своемъ тѣлѣ паразитовъ и тутъ же сбрасывалъ ихъ на полъ. Никто не слыхалъ отъ него человѣческой рѣчи и мысль его уже покоилась вѣчнымъ

сномъ. Былъ здѣсь и юноша прозванный королемъ воздуха. Онъ непомѣрно много ѣлъ и потому царилъ надъ атмосферой трюма. И горе было его сосѣдямъ, когда по крику:

— Опять?... Фууу!! — вся клѣтка, какъ по командѣ, затыкала носъ пальцами.

Были здѣсь и настоящіе больные.

Зато зрителю — врачу открывалось обширное поле для наблюденія той изобрѣтательности, что проявляли авторы всевозможныхъ болѣзней: для того вѣдь, чтобы попасть въ англійскую эвакуацію, надо было быть признаннымъ больнымъ.

Шустрый поручикъ съ быстро бѣгающимъ взглядомъ, величественно поучалъ доктора:

— У меня приступы нервной лихорадки: работать я не могу.

Другой „ахвицеръ" только что кричавшій, что кого-то не слѣдуетъ „пущать", властно заявилъ, что у него травматическій неврозъ.

Ахъ, эти контузіи! Гдѣ-то пропѣлъ снарядъ... Ну, и довольно!... Въ тылъ, тамъ разберутъ...

Одинъ полковникъ былъ внесенъ на носилкахъ и разслабленный положенъ на койку. Пароходъ пришелъ въ Ялту. Больной воскресъ и бодро вышелъ самъ, уѣхавъ къ знакомымъ. Это чудо никого не удивило. Видали еще и не такія картины: спастись вѣдь хочется каждому.

Собственность съ одной стороны была упразднена. Одинъ „полковникъ" — съ позволенія сказать — „взялъ" забытую на минуту бутылку вина и такъ, просто не вернулъ ея. Какъ надо было глубоко пасть!

Андреевская „бездна" разверзлась подъ многими и многихъ поглотила. А главное, ее не замѣчали тѣ, кто падалъ. Вещи, несмотря на твердое состояніе, испарялись, и воровство на кораблѣ стало явленіемъ обычнымъ.

Но, къ чорту эти блѣдныя картины. Сквозь нихъ чудится могучій духъ большевизма и въ трюмѣ часто слышится хвала героямъ.

— Я вамъ говорю, что вы меня не поняли, а вы мнѣ „мать твою такъ"... — слышится убѣдительная бесѣда двухъ офицеровъ. И виситъ всюду въ воздухѣ „русская мать", поносимая и склоняемая на всѣ лады. Выливаетъ свое горе обезсиленная русская душа въ безграничной ругани. Поднимается въ душѣ зрителя то горечь презрѣнія, то чувство нестерпимой жалости къ несчастнымъ, брошеннымъ на путь паденія.

Рѣдкими огоньками вспыхивали благородные порывы еще неугасшей психики. Но не радовали они сердце. Казалось, что и они угаснутъ подъ гнетомъ страшнаго развала.

Такъ гибли люди недаво сильные, всѣ охваченные душевнымъ недугомъ. Безпросвѣтно было ихъ будущее и печальна была судьба ихъ. И трудно было рѣшить: были ли они несчастные заблудшіе, достойные сожалѣнія люди, или преступные сыны своей родины? Забыли ли они, неблагодарные, свою истерзанную мать и, потерявши совѣсть и честь, въ дикомъ разгулѣ хулиганства справляли тризну своей гибели и моральнаго паденія, или паденіе ихъ временно и снова воспрянутъ они героями, которые отдадутъ свою жизнь за спасеніе родины?

Тоскливо сжимается сердце и на фонѣ тяжелыхъ думъ вновь обрисовывается образъ ребенка, съ мольбою взывающаго къ родной, любимой матери:

— Мама, не бей меня!

И чудится издалека доносящійся заглушенный страданіями голосъ изнемогающей матери-родины, со стономъ зовущей своего заблудшаго сына — русскаго человѣка — и безнадежно молящей:

„Не бей меня!"...

III.

НА ОСТРОВѢ.

Надъ островомъ Лемносомъ куполъ голубого неба. Темная синева морской бухты красиво оттѣняетъ желто-песчаный берегъ. На каменистомъ пустырѣ раскинутъ лагерь для русскихъ бѣженцевъ. Въ сторонѣ отъ правильныхъ рядовъ палатокъ — навѣсы надъ походными кухнями и загороженныя листами волнистаго желѣза уборныя.

Спокойно. Тихо. И странно: нѣтъ выстрѣловъ. Васъ не убъютъ сегодня ночью. Чувствуетъ ли русскій мятежный духъ, привыкшій къ бою и трепету, этотъ контрастъ мертвеннаго покоя съ пережитой бурей? Или, еще не отдохнувъ, уже тоскуетъ и „ищетъ бури, какъ будто въ бурѣ есть покой?"

Не такъ давно, въ дни радостнаго экстаза революціи свободолюбивый русскій умъ мечталъ о равенствѣ подъ знаменемъ соціализма. Теперь, въ лемноскихъ лагеряхъ для русскихъ бѣженцевъ, спокойно — безъ убійствъ и ограбленій — воцарились настоящій соціализмъ и равенство. Порядокъ. Справедливость. Безчисленныя регистраціи, вмѣсто человѣка — номеръ и категорія. Всѣ равны: и князья и генералы, превратились въ „бывшихъ". Всѣ должны работать и подчиняться дисциплинѣ.

Тысячелѣтія тому назадъ Эзопъ писалъ о томъ, какъ царь звѣрей, величественный левъ, въ глубокой старости низвергнутый болѣзнью съ трона, сталъ „бывшимъ“ и какъ лягалъ его оселъ. Еще недавно кричала вся Россія своему Царю: „ты — бывшій“. И видитъ глазъ на Лемносѣ все „бывшихъ“. Рокъ гналъ ихъ по стопамъ Царя.

Лагерь русскихъ бѣженцевъ на Лемносѣ.

У кухни очередь. На высотѣ колесъ походной кухни, въ живописной позѣ арлекина, съ ковшемъ въ рукѣ, гордо возсѣдаетъ демократъ-раздатчикъ. Скромно, въ очередь, подходитъ „бывшій“. Онъ въ пижамо, безъ внѣшнихъ знаковъ отличія. Но чуетъ товарищъ духъ стараго режима. Игривымъ жестомъ, повѣсивъ въ воздухѣ свой ковшъ, онъ долгимъ, наглымъ взглядомъ пытаетъ „бывшаго“ и издѣвается.

— Вамъ развѣ на двоихъ? Вы-жъ брали первое на одного!

И наслаждается, какъ трепещетъ въ негодованіи бывшій генералъ.

Все по шаблону. Все во время. Сегодня какъ вчера, а завтра какъ сегодня. Какое дѣло соціализму до души, до тяжкихъ думъ и размышленій! И станетъ пусто, тоскливо на душѣ. Потомъ привыкнешь, махнешь рукою и скажешь: „А!... все равно!“

Все подъ гребенку. Прочь выдающихся! Здѣсь нѣтъ чиновъ, а прошлыя заслуги — ничто.

— Охъ! — смѣясь вздыхаетъ кавалерійскій генералъ,

— всю жизнь ни разу не одѣлъ пальто самъ, — другіе подавали. А теперь?...

И тужится, шнуруя башмакъ, а затѣмъ, голый, любуется на только что заштопанную имъ самимъ рубаху.

* * *

Говорятъ, что средиземное море прекрасно. Но красоту картинѣ даетъ не берегъ, а небо и вода. Берега отъ Босфора до Салоникъ лишены растительности и голы. Но въ тихій лѣтній день, когда безоблачное небо шлетъ мягкій свѣтъ, а море такъ сине, что кажется накрашеннымъ, и голые берега Лемноса красивы.

Великолѣно бываетъ утро. Повсюду царятъ прозрачные цвѣта и, обычно мертвыя горы на западѣ, теперь озарены особеннымъ свѣтомъ, который невозможно описать. Правильно говорятъ, что, если бы художникъ нанесъ эти цвѣта на полотно, ему бы не повѣрили. Въ природѣ здѣсь нѣтъ пафоса и страсти. Она какъ будто отдыхаетъ, не трудясь. Томительно знойный день тянется долго. Весь лагерь бездѣйствуетъ. Въ немъ нѣтъ движенія. Въ оцѣпенѣніи лѣнивой неподвижности томятся обитатели лагеря и тяжелѣютъ ихъ члены. Раннимъ утромъ не спѣша, помахивая хвостиками, невозмутимо шагаютъ ослики, груженые тюками и корзинами. На спинахъ этихъ крѣпышей въ живописныхъ, своеобразныхъ позахъ флегматично возсѣдаютъ греки изъ Партьяно. Цѣлый день по голымъ скаламъ пасутся стада овецъ, какъ и тысячелѣтія тому назадъ.

Тихи вечера и длинны ночи, въ которыя звѣздное небо сверкаетъ алмазами, или полная луна заливаетъ волшебнымъ свѣтомъ пустынный лагерь. Въ это время Лемносъ прекрасенъ.

Невозможно описать темно-стальной цвѣтъ моря съ его отполированною поверхностью, когда въ звѣздную ночь оно выдѣляется на фонѣ земной поверхности своею темнотой.

Весною и раннимъ лѣтомъ здѣсь было царство чаекъ. Но въ одно прекрасное утро онѣ разомъ улетѣли, покинувъ островъ и съ тѣхъ поръ стали здѣсь рѣдкими гостями. И стало безъ нихъ скучнѣе.

Давно, давно, еще въ третичную эпоху, за много тысячелѣтій до появленія на землѣ человѣка, вывернула природа вулканическія образованія Лемноса и образовала пустынный островъ. Надъ нимъ промчались вѣка исторіи. Въ Эгейскомъ морѣ когда-то разыгрывались героическія битвы древнихъ грековъ, а въ послѣдніе вѣка съ нимъ связаны имена славныхъ русскихъ адмираловъ. Въ великую войну на Лемносѣ

была база англійскаго флота, безуспѣшно пытавшагося форсировать Дарданелы.

Теперь безлюдный островъ вновь погрузился въ историческую спячку. Русскіе составили о немъ легенду. Господь, распредѣливъ всѣ твари по мѣстамъ, назначилъ Лемносъ ишакамъ. Имъ было скучно и возроптали они. Тогда имъ обѣщали съ неба, что настанетъ день, когда придетъ имъ смѣна: въ тотъ день они услышали звонъ бубенцовъ. Прошли вѣка и на Лемносъ пришли стада барановъ. Звенѣли бубенцы и взволновались ослы: „насталъ ли часъ?“ Но съ неба отвѣтили, что этотъ звонъ не тотъ: придутъ другіе. И долго ждали ишаки. Явились русскіе и разсѣлились подъ открытымъ небомъ. Въ часъ обѣда воздухъ оглашался звономъ колокола. И вопрошали ишаки: „Пришла ли смѣна?“ И подлинно-ль смѣнили бараны ишаковъ, а русскіе барановъ?

Когда восточная природа надѣвала праздничный нарядъ, душа смирялась и уходила въ міръ грезъ. Но въ дни унынія, когда дико завывая, проносился надъ островомъ пордъостъ, — какъ все мѣнялось! Тогда вспоминались слова почти забытаго поэта:

Если пасмуренъ день, если ночь не тиха,
Когда вѣтеръ осенній бушуетъ,
На душѣ воцаряется мгла,
Умъ, бездѣйствуя, вяло тоскуетъ.

И бушевалъ вѣтеръ и тосковала душа русскихъ, заброшенныхъ на безплодный островъ, послѣ сплошныхъ мученій и кошмарныхъ переживаній. Когда англичане увозили изъ Новороссійска первые транспорты эмигрантовъ и больныхъ, усталые, измученные люди ожидали земного рая.

Безводный, голый островъ съ загономъ для людей въ видѣ лагеря обнесеннаго проволочными загражденіями, съ нежданнымъ плѣномъ вмѣсто гостепріимства, скоро спустилъ мечтателей на землю. А въ лагеряхъ для „новыхъ плѣнныхъ“ подъ Константинополемъ впослѣдствіи зуавы колотили русскихъ обезоруженныхъ офицеровъ напоминая: „не спасай Парижъ, когда тебя не просятъ“...

Со-о-юз-ни-ки!...

Отнынѣ безнадежно давило русскихъ униженіе. Великая страна топталась горделивымъ западомъ. Чести и гордости не дозволялось имѣть тѣмъ, кто потерялъ отечество и назывался русскимъ. И многіе не разъ жалѣли, что не погибли *тамъ*.

На островъ почти не долетало вѣстей съ родины, но слухи нелѣпые, несообразные, противорѣчили одни другимъ, заражая изгнанниковъ то страхомъ, то надеждою.

То, говорили, Врангель двинулся впередъ въ побѣдо-

носномъ шествiи, то пѣсня русской армiи была ужъ спѣта и Врангель сброшенъ въ море.

Вдругъ разливалась радость: „Идемъ въ Москву! Конецъ большевикамъ! У нихъ развалъ и бѣгство".

Русская душа не знаетъ мѣры: выдыхались мечты и наступало безразличiе.

Тѣнь Обломова витаетъ надъ лагеремъ: онъ полуспитъ, томясь въ бездѣльи. Лѣнь двинуться въ невыносимую жару: по цѣлымъ днямъ лежатъ въ палаткахъ не шелохнувшись.

Всѣ ходятъ одѣтые во что попало. Большинство уѣхало изъ Новороссiйска голыми, безъ денегъ и безъ вещей: жили на иждивенiи у англичанъ.

Пижама пришлась по вкусу русскому. Что порвана она? — ну, чортъ ее дери! Здѣсь не столица. Генеральша ходитъ оборванная, босякомъ. Совсѣмъ родная русская баба! И говоритъ такъ выразительно — по бабьи. Но вдругъ ввернетъ тираду по французски, не разберешь!

Генералъ въ подштанникахъ, въ туфляхъ на босу ногу. Полковникъ въ шлемѣ — костюмъ полу-Пьеро! А вотъ у молодца прорѣха во всю спину: солнце грѣетъ бронзовую кожу и оттѣняетъ мускулы лѣниваго бойца, словно отлитые изъ метала. Лѣнь — зашить прорѣху. Убрать палатку? Къ чорту! И если бы не проклятые англичане, надъ лагеремъ бы скоро воцарился русскiй духъ. Дремлетъ спокойно умъ и мысли вяжутся лѣниво.

Когда обитателей палатки по наряду требуютъ на работу — на кухню, колоть дрова — бѣда! Сначала поработаетъ языкъ. Вспомянется родная „мать". Наконецъ выйдетъ на работу потянувшись могучими мускулами...

— Ой, дубинушка!... Родная... Сама пойдетъ!...

И сядетъ покурить.

Полураздѣтыя фигуры. Позы нѣгъ. Желанное бездѣлье и мечты. Гоголевскiй Маниловъ есть вездѣ. Вотъ онъ и на Лемносѣ.

— Вы знаете, я много думалъ... Не дурно было бы соединить Лемносъ тунелемъ съ Австралiей! Вѣдь говорятъ, что англичане рѣшили отправить насъ туда...

Потомъ, вы знаете, я много думалъ объ экономическихъ путяхъ: здѣсь, съ нами, есть калмыки. Съ ними слѣдуетъ войти въ связь. Можно будетъ доставлять товары прямо изъ Монголiи...

Вольно вьется пышная фантазiя. Рѣчь льется пламенно и страстно... Затѣмъ покушалъ, легъ спать и сонъ Обломова смѣнилъ мечты Манилова.

На островѣ царитъ обыденная жизнь. Вотъ боевой вопросъ: „бёфъ или мясо?" Что Гамлетъ со своимъ вопросомъ: „быть или не быть"! И только слышишь: „Давали

пижамо!“ „Въ кооперативахъ появились баклажаны!“ „Партьяно, виноградъ, англійскій фунтъ и всюду драхмы, драхмы, драхмы“... — вотъ темы всѣхъ бесѣдъ.

Нерасчленимыя колоды дровъ — даръ русскимъ отъ англичанъ. Ихъ расколоть — невольно вспомнишь здѣсь, гдѣ-то близко жившихъ Данаидъ! Коли! Руби! Ворочай — все безполезно. И возится съ полѣномъ лемносецъ какъ муравей. Все дѣло въ дровахъ. И бродятъ по склонамъ горъ, между колючками, которыя ѣдятъ ослы, „бывшія“ дамы и собираютъ деликатными руками въ корзины сухой пометъ: будетъ на чемъ сварить обѣдъ — колоду вѣдь не расколешь.

Полуголодъ у питомцевъ благородныхъ англичанъ. Хорошій матерьялъ для соціальныхъ экспериментовъ: какъ падаетъ мораль отъ голода? Какъ люди становятся эгоистичными, теряя благородство? Увы! Пороки и нарушенія этики, которыми такъ попрекали англичане русскихъ, были реакціей души на голодъ тѣла. Всѣ стонутъ отъ голода и отвращенія къ консервамъ. Кто не имѣетъ драхмъ, шатается и падаетъ. Но обморокъ не страшенъ англичанамъ: отъ голода вѣдь не помрутъ...

Всѣ помыслы устремлены на съѣстное: просто смотрятъ въ ротъ тому, кто ѣстъ.

На цѣлый день — полъ миски супа. Протестъ?... „Цивилизовенные“ не услышатъ.

Въ очередяхъ тирады возмущенія, ропотъ, негодованіе.

— Я бы...

Но если это „я“ взлетитъ на верхъ, ничуть не станетъ лучше: то онъ критиковалъ, теперь его ругаютъ всѣ, а „возъ и нынѣ тамъ“.

Съ утра повсюду очередь. Приходится стоять по часу. Сначала чай. Потомъ клозетъ: Тамъ услышите всѣ новости, особенно о похожденіяхъ русскихъ дамъ и критику начальства. Затѣмъ убрать палатку. Боже мой, какая скука эта чистота! Потомъ вари обѣдъ, рѣжь сало и такъ дѣли, чтобы не обсчитать сосѣда! И часто слышится:

„Другому дали лучше“...

Мечты не идутъ дальше сытаго обѣда: селедка, сало, молоко. Жалѣли о сырѣ-честерѣ, который перестали давать.

Сидя въ палаткахъ на землѣ или на банкахъ отъ керосина замѣнявшихъ мебель, часто говорили:

„Увидимъ ли мы когда нибудь опять жизнь настоящую? Придется ли сидѣть за столомъ накрытымъ скатертью, опрятно убраннымъ при свѣтѣ не тусклаго походнаго фонаря, а настоящей лампы?“

А когда проходили мимо досчатаго барака англичанъ,

глядѣли черезъ окно въ маленькую комнату залитую электрическимъ свѣтомъ. Эта клѣтушка казалась раемъ.

Жизнь учитъ, и скоро стали приспособляться русскіе.

Нельзя отнять: талантливый народъ! Повсюду открылись лавки, мастерскія, какъ грыбы выросли комиссіонные магазины. Бѣженцы умудрились повывозить предметы стараго режима и комиссіонная лавка напоминала музей сошедшей уже со сцены жизни. Духъ спекуляціи начиналъ рѣять надъ станомъ отверженныхъ. И странно: что ни генералъ, что ни полковникъ, то членъ правленія кооператива или приказчикъ въ лавкѣ. И ловко какъ! Какая выдержка, снаровка!

Н-да!... Торговля не труднѣе командованія полкомъ.

Русской гвардіи полковникъ и даже графъ, забрался въ городъ Кастро на Лемносѣ, открывъ тамъ лавку. И жаритъ по утрамъ на осликѣ верхомъ съ покупками...

Гм... Не рано ли? Вѣдь Врангель еще воюетъ въ Крыму!

Прапорщикъ изъ университетскихъ пришелъ въ палатку-маркизу, гдѣ работали сапожники. Предъ нимъ фигура въ англійскомъ шлемѣ и пижамо.

— Господинъ сапожникъ..

— Я вамъ не сапожникъ, а генералъ!

— Увы! Вы *были* генераломъ. Получите двѣ драхмы и наложите латку.

— Гм... Двѣ драхмы? Ну, давайте!

А если повернется колесо фортуны, сапожникъ возвратившись на родину, закричитъ: „не по чину дали мѣсто!“ Сапожникъ станетъ генераломъ, приказчикъ получитъ полкъ.

— По нашему выходитъ, только наоборотъ, — будутъ подсмѣиваться бывшіе большевики.

Не всегда хватало выдержки перестрадать и съ честью выдержать тяжелый, крестный путь.

Недавно на берегу морскомъ, подъ скалами былъ обнаруженъ трупъ молодого офицера. Онъ былъ въ нарядномъ френчѣ, съ раною на лбу, и съ крѣпко зажатымъ въ рукѣ наганомъ. Поговорили два часа о смерти, о томъ, какъ былъ одѣтъ покойникъ. Потомъ пошли обѣдать... и забыли.,. Днемъ англичане отвозили на флегматичной фурѣ останки офицера. Съ боязливымъ любопытствомъ сторонилась публика. А сухопарый возница-англичанинъ, безстрастнымъ жестомъ, тыкая въ сапогъ покойника, сказалъ:

— Финишъ!

Въ нѣкоторыхъ палаткахъ есть любители порядка: красиво отдѣланъ бордюръ изъ ракушекъ вокругъ палатки и даже кустикъ дикаго растенія посаженъ у входа. Одинъ артистъ даже умудрился расписать ракушками и цвѣтными камушками бордюръ вокругъ палатки.

„Владиміръ“ 20 іюля 1920 г.

Владимірскій лагерь получилъ свое названіе отъ парохода, на которомъ мы странствовали два мѣсяца. Но въ большинствѣ палатокъ было безобразіе: все валялось какъ попало.

Удивительный человѣкъ этотъ русскій. Даже на высотѣ Трояновой башни, красовавшейся на островѣ, онъ оставилъ свой слѣдъ. Какъ онъ взобрался туда, наверхъ?

Съ этой башни открывался живописный видъ вглубь острова. Въ ущельяхъ ютились греческія деревушки съ красивыми домиками и тѣнью деревъ. Но ходъ туда отверженнымъ былъ запрещенъ.

Чего таить грѣха: лемносецъ любитъ безпорядокъ: вынести банку съ мусоромъ и нечистотами? Зачѣмъ? Онъ лучше норовитъ во тьмѣ ночной плеснуть ее къ сосѣду.

Гулять — не любитъ русскій. Вотъ за виномъ, въ Партьяно — другое дѣло. Въ мигъ сбѣгаетъ!

Днемъ въ палаткахъ говорили мало: ужъ надоѣло все. Что слышалось въ одной палаткѣ, то повторялось всюду и мысли были однѣ и тѣ же у всѣхъ. Скучно проходило время.

А вечеромъ надъ лагеремъ висѣла пѣснь.

Вотъ эта палатка знакома по пѣснѣ, по ней узнаешь ея жильцовъ.

Похабная обѣдня... Гнусавый голосъ на распѣвъ, церковнымъ ладомъ, протяжно тянетъ фальцетомъ:

„Бѣлый ты Царь-государь,
Сидоръ Поликарповичъ,
А сколько тебѣ лѣтъ?“

Дикимъ, нестройнымъ аккордомъ, дающимъ рѣзкій контрастъ съ гнусавымъ запѣваломъ, хоръ подхватываетъ:

Семьдесять, бабушка, семьдесятъ!...
Семдесятъ, Пахомовна, семьдесятъ!...

И значило это, что сосѣди выпили. По недѣлямъ лежатъ они въ палаткахъ, валяясь раздѣтыми съ папиросками въ зубахъ. Ноги причудливо закинуты наверхъ и окуриваютъ они свою душу дымомъ.

„Сидора Поликарповича“ смѣняетъ „кума“ и знойную атмосферу оглашаетъ пѣснь:

На работу, кума, на работу!
На работѣ, кума, припотѣли
Припотѣвши поѣсть захотѣли.

За этой противной, грубой пѣсней, слѣдовалъ фальшивый хоръ: каждый старался врать во всю. Было слушать смѣшно и горько.

Тутъ же рядомъ, жилъ странный типъ. Его въ шутку называли то украинцемъ, то Петлюрой. Онъ кривлялся и

коверкалъ рѣчь на хохлацкій ладъ. То пѣлъ, то говорилъ самъ съ собою вслухъ и всюду изображалъ шута. Жутокъ былъ этотъ юморъ, когда подъ нимъ временами вскрывался глубоко образованный, интеллигентный человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ. Не сразу снимешь человѣческую маску: зачѣмъ юродствовалъ этотъ человѣкъ въ тяжелой атмосферѣ моральнаго паденія? Зачѣмъ игралъ онъ роль паяца въ лагерѣ, гдѣ душу давила тяжелая драма, а тоска и гибель звучала сквозь слезы? Демократическій нарядъ такъ часто бываетъ карикатурой! Сложны бываютъ переливы русской психики: свѣтлый праздникъ революціи. Большевики. Лемносъ. Страданіе. Пьяное веселье, пахабный разгулъ и пѣсня...

..."Создалъ пѣсню подобную стону и духовно на вѣки почилъ?"

Или снова "проснешься исполненный силъ" и великою духовною культурой озаришь весь міръ?... То "сѣрая скотинка", побѣждающая своимъ штыкомъ полъ міра и захватывающій шестую часть суши — герой солдатъ! То "товарищъ", дикій разрушитель, убійца и бандитъ. Ермакъ и Стенька-Разинъ и благодушный интеллигентъ-самоубійца непротивляющійся злу. Полу-хамъ — недоучка и русскій геній, порабощающій весь міръ!

Противорѣчія, контрасты безъ конца. Но вотъ другіе звуки, мелодичные: то юнкеръ Гюнтеръ напѣваетъ модную частушку, англійскую пѣсенку, передѣланную на русскій ладъ, которая начинается словами:

"Далеко намъ до Темперари".

Повѣтствуетъ пѣснь о томъ, какъ умиралъ герой на полѣ брани, какъ будутъ хоронить его и поведутъ за гробомъ любимаго и вѣрнаго коня. Два дня потомъ весь лагерь, заразившись, будетъ напѣвать все ту же пѣсенку и врѣжется въ душу ея навязчивый мотивъ Весь вечеръ въ лагерѣ поютъ. Сначала въ пѣснѣ слышенъ алкоголь и юморъ, но скоро онъ выдохнется. Вьются вмѣстѣ тоска и удаль и все груснѣй звучитъ напѣвъ. Издалека доносится могучій голосъ солиста русской оперы и все стихаетъ кругомъ. Виситъ надъ лагеремъ и стонетъ голосъ: всѣ зачарованы и улетаютъ въ міръ грезъ. Ночью лагерь спитъ. Все тихо, тихо... И кажется тогда, что на Лемносѣ царитъ идилія. Когда въ объятьяхъ южной ночи все замерло, ничто не говоритъ о томъ, что лишь на время успокоилась душа отверженныхъ. Грезится во снѣ далекое, невозвратимое, въ чемъ было когда-то счастье. Отдѣляется душа отъ соннаго тѣла и покидаетъ Лемносъ, уносясь на крыльяхъ сновидѣній. Въ причудливыхъ видѣньяхъ мѣшается то что было съ тѣмъ, что не было и

что не может быть. И въ мірѣ сказочныхъ видѣній отходитъ Лемносъ въ небытіе.

До ранняго утра. А тамъ душа, вернувшись къ тѣлу, увидитъ снова пустыню, небо и дикій островъ снова станетъ фактомъ.

У береговъ Лемноса много осминоговъ и каракатицъ. Если молюскъ почувствуетъ опасность, онъ напускаетъ кругомъ себя туманъ изъ черной сепіи и ускользаетъ отъ врага подъ покровомъ дымовой завѣсы. Этотъ мудрый пріемъ переняли люди.

Кто какъ попалъ сюда, разсудитъ Богъ. Вѣдь только больныхъ и раненыхъ приглашали англичане на свой пикникъ. Иные попали къ англичанамъ поневолѣ, въ бреду. Другіе пришли на пароходъ разбитыми и слабыми, но многіе вполнѣ здоровые улизнули ловкими маневрами отъ боевъ.

Врывались нагло въ палатки полисмены. Маіоръ кричалъ на русскихъ офицеровъ за безпорядокъ. А русскій все твердилъ, что Англія культурная страна. Тамъ идеалъ парламента. Все повторяетъ урокъ великаго растлителя — непротивленія злу.

Душа устала отъ униженій.

Мерзавцы тонкимъ ядомъ униженія отравляли душу. Смѣялись за виномъ на „Дублинѣ" англичане надъ „русской сволочью".

Да, угодили прямо съ парохода въ тюрьму. Оцѣпили лагерь патрулями и не выпускали. Впослѣдствіи давали пропускъ въ Партьяно по билетамъ и, если не вернулся во время и не вернулъ билета, — накажутъ, какъ гимназиста, оставивъ безъ отпуска и безъ варенья.

Чортъ знаетъ что!

Раньше говорили, что полисменъ тождественъ съ джентельменомъ, а нашего городового всѣ звали держимордой. Сравнимъ теперь...

Но, впрочемъ, будемъ справедливы: скандалы, дебошъ и пьянство въ Партьяно бывали?

Конечно были.

Продажа платья? — Была.

Мордобитье? — Тоже было. Безъ этого нельзя.

Двинулъ однажды одинъ другого „въ морду". Тотъ плачетъ. А третій, для примиренія, говоритъ:

— Не безпокойся: онъ бьетъ лишь на эффектъ!

Но ропщетъ жалобно побитый:

— Какой тамъ „на эффектъ?" По мордѣ прямо...

Все правда. Нечего скрывать...

Но англичане на Лемносѣ? — Пороки тѣ же, хотя они сыты. Пьянство такое же. Напьется какъ свинья и лезетъ къ русскимъ дамамъ цѣловаться. Рыгаетъ даже.

Подглядываетъ за русскими купальщицами. „Грубъ, какъ англичанинъ“ говорили на Лемносѣ. Выводили изъ ресторана „Сколопендра“ вдрызгъ пьяныхъ сержантовъ.

— А крали?

— О... о .. о! Про то спросите желудокъ русскаго.

Въ послѣднее время англичане получили сдачи и побаивались русскихъ. Полисмены держались группами. Чванство и гордость граничатъ съ наглостью. Духовная культура? Гдѣ она? Всмотрѣвшись въ ихъ жизнь, даешься диву. Ничего не читаютъ. Помахиваютъ стеками, какъ и ослики хвостами и напѣваютъ одну и ту же пахабную пѣсенку. Внѣшность лучше отшлифована, чѣмъ у русскаго, но англичанинъ приличенъ лишь тамъ, гдѣ надо, а тамъ, гдѣ можно, грубъ и наглъ.

Въ одной палаткѣ, поздно ночью не спятъ. Тамъ пьютъ. Фальшивый голосъ разгульно оборвался. На высокой нотѣ разсыпался звонкимъ раскатистымъ смѣхомъ:

— Ну, выпьемъ?

— Выпьемъ!

— За что?

— За что хочешь, но только не за эту сволочь, не за англичанъ...

— За муловъ хочешь?

— Валяй!

Такъ поминали англичанъ на Лемносѣ. Сочтемся ли когда нибудь? Настанетъ ли и нашъ чередъ?

Увы! Со сколькими придется расчитаться? Съ англичанами — за Лемносъ. Съ румынами — за преступленія на Днѣстрѣ. Съ поляками — за гадости. Съ французами — за трусость и измѣну.

Уѣзжая „гость короля англійскаго“ не помянетъ хозяевъ добромъ. И къ чорту ихъ. Пусть безопасенъ Лемносъ. Когда-жъ ихъ спроситъ оскорбленный:

— За что и по какому праву я былъ у васъ въ плѣну? И почему забыли вы, что на нашихъ спинахъ воздвигнута побѣда англичанъ?

Неслись мечты *туда*, къ своимъ, гдѣ нѣтъ покоя, гдѣ днемъ и ночью пальба, грабежъ, убійства. Гдѣ чернь бунтуя, сжигаетъ сама себя. Тамъ, все же, не торгуютъ съ людоѣдами!

Мы вспомнимъ васъ, англійскіе друзья!

* * *

Послѣ дивнаго утра на островѣ наступалъ томительно жаркій день. Весь лагерь выходилъ на пляжъ купаться. Песчаный берегъ былъ довольно грязенъ, занесенъ водоросля-

ми. Сбросивъ скудную одежду на берегу, голыя тѣла бросались въ море, упиваясь блаженствомъ. Первые шаги по острымъ камешкамъ кололи ноги, но дальше дно было великолѣпно. Повсюду говорили: „Какъ хорошо!“

Кадеты неутомимо ныряли, плавали, кувыркались. Обливались, брызгались, ругались басомъ и ловили подъ камнями морскихъ ежей. Здоровенный солдатъ, съ бакенбардами на старинный ладъ, съ мѣднымъ крестомъ на шеѣ, подвѣшеннымъ на обрывкѣ шнура отъ шторы, дурилъ съ кадетами. Въ модѣ были солнечныя ванны: Богъ вѣсть, откуда пошла молва, что это полезно и нужно! Каждый день на берегу, рядами, подъ жгучими лучами солнца лежали голыми и старики и молодые. Лежали неподвижно, о чемъ-то думали и жгли свою кожу. Отдѣльныя тѣла ужъ загорѣли до цвѣта бронзы и все казалось имъ, что еще мало. Всѣ говорили — „наслажденіе“.

Подальше — женскій пляжъ. Туда влечетъ невѣдомая сила щеголей поручиковъ, корнетовъ и даже капитановъ. Они не прочь полюбоваться красотою. Хоть не блистали формами красавицы Лемноса все-жъ на нихъ направлены бинокли съ берега. Смѣсь старыхъ тѣлъ и неуклюжихъ фигуръ съ отвислымъ животомъ и жирной грудью. Лишь рѣдко ласкало взглядъ красивымъ контуромъ нетронутое тѣло. Влеченіе къ женскому пляжу стало однако настолько сильнымъ, что англичане огородили колючей проволокой скалы берега и пригрозили любителямъ женской красоты. Но сами полисмены въ трусикахъ, съ оголенными ногами и стекомъ въ рукахъ, любили созерцать формы женскихъ тѣлъ. Что запрещалось русскимъ, — имъ было позволено. Любопытство — развѣ порокъ? И если что красиво — почему не показать?

Не много на людяхъ Лемноса красотъ: ни въ платьѣ, ни въ тѣлѣ, ни въ душѣ. Въ морѣ у береговъ много всякой дряни. Не любитъ лемносецъ морскихъ ежей: неосторожно наступивъ, наколетъ ногу и возится, вытягивая хрупкія иглы изъ кожи на ступнѣ. И только кадеты, говорили, отъ голода ловили морскихъ ежей и жрали ихъ живьемъ. Морскія звѣзды, медузы, морскіе огурцы — все тащили сначала къ профессору. Вскрывали морского чорта и осьминога. Дивились мудрому устройству морской природы. Потомъ поохладѣли: все стало обычнымъ и мало интересовало. Долго морщились на осминоговъ и не рѣшались ихъ попробовать. Но греки ихъ ѣли и наконецъ рѣшились послѣдовать ихъ примѣру. Находили, что вкусно.

Чего только не говорили про осьминоговъ! Такъ и не узнали правды. Правда ли, что во время учебнаго купанія и плаванія осьминогъ схватилъ англійскаго матроса съ „Дубли-

на“ и утащилъ? Кто говорилъ, что это правда, кто, вѣрный предостереженію „ничему не вѣрь на Лемносѣ“, все это отрицалъ. Говорили, что умеръ матросъ, потомъ утверждали, что живъ. Самъ осьминогъ вѣсилъ то пудъ, то сто пудовъ, а щупальцы его тянулись то на версту, то на аршинъ. Богъ знаетъ, какъ было на самомъ дѣлѣ.

На берегу царила сколопендра и скорпіоны. Образъ гада грезился всюду. Поочередно то здѣсь, то тамъ, то съ ужасомъ, то съ любопытствомъ, то даже съ нѣжностью кричали „сколопендра!“ Собирались люди. Волненіе. Крикъ дамъ. Опрокидывали хламъ, швыряли вещи и убивали тварь. Любители ловили гада живьемъ и, привязавъ на ниткѣ, играли имъ какъ дѣти, которыя пускаютъ воробушка на привязи. Сколопендра извивалась спиралью и кольцомъ, сверкая блескомъ своихъ гнѣдыхъ боковъ. Сначала сильно пугались. Брезгливо содрогались и утверждали, что укусъ гадины смертеленъ. Бѣженцы валялись на землѣ, а гады ютились подъ каменьями. Потомъ привыкли. И если сколопендра жалила кого-нибудь, то равнодушно спрашивали: „куда и сильно ли?“ „Раздуло морду?“ И заливался смѣхомъ корниловецъ съ откормленнымъ лицомъ, словно было на самомъ дѣлѣ смѣшно.

— Ну сколопендра, такъ сколопендра и чортъ ее дери!

Ждали августа, думая что въ этомъ мѣсяцѣ укусъ смертеленъ. Пришелъ и августъ. Всѣ живы, и только отъѣзжая, одинъ изъ русскихъ имѣлъ на головѣ повязку. Кто говорилъ, что сколопендра тому виною, а кое-кто подозрѣвалъ другое...

На Лемносѣ царство змѣй. Ихъ много, ядовитыхъ.

— И знаете, — шепталъ поручикъ, — здѣсь кобра есть — очковая змѣя!

Тревожились и вопрошали Брэма. Отъѣзжая, вспоминали, что видѣли на островѣ трехъ змѣй. Тыкая пальцемъ въ разможженную голову одной изъ нихъ, грекъ говорилъ: „Noo gut“, что значитъ „ядовита“. Убили ее въ палаткѣ.

Туземцы — греки, сколопендры, змѣи, даже ишаки — всѣ любили русскихъ, не то что англичанъ. И даже осьминогъ похитилъ не русскаго, а англичанина. Когда „гуляли“ русскіе въ Партьяно, греки привѣтливо прощали имъ дебошъ и, улыбаясь, говорили: „русъ карошъ“. „Калисперо“ (добрый вечеръ). А „инглишменъ но гудъ“.

Много было на Лемносѣ и блохъ, но жизнь съ насѣкомыми бываетъ легче чѣмъ съ людьми.

Красный крестъ на Лемносѣ. Въ немъ восемнадцать членовъ: двѣ княгини, пять царскихъ генераловъ и нѣсколько бывшихъ крупныхъ чиновниковъ. Все сливки общества. Изъ демократіи — одни только врачи. Увы! печать паденія легла и здѣсь. Имущество влечетъ къ себѣ и тянетъ.

Везли пять ящиковъ съ коровьимъ масломъ изъ Константинополя. Ну и не довезли... Везъ бывшій генералъ...

„Списать со счета!"... И сѣтовали потомъ врачи, что на Лемносѣ жировое голоданіе, что дѣти мрутъ... А масло изъ Константинополя?

— Тьфу, гадость!... Мимо!...

Привезли комплектъ одежды для тѣхъ, кто не имѣетъ. Не досчитались одного костюма.

— Мнѣ дали... Мнѣ лично, — заявляетъ „бывшій" и даже не покраснѣлъ...

Комитетъ постановилъ: „отчислить одиннадцать комплектовъ въ распоряженіе предсѣдательницы". Это значило: „раздать членамъ комитета по одному". Старый генералъ съ двумя георгіями наканунѣ похлопалъ по плечу члена комитета и шепнулъ ему:

— Получимъ съ вами завтра по костюмчику...

И только глупый докторъ съ возмущеніемъ отказался.

*
* *

На Лемносѣ однако былъ даже утвержденный англичанами университетъ. Тамъ ежедневно читались лекціи и собиралось до трехсотъ слушателей. Профессоръ исторіи читалъ лекціи о быломъ великой страны. Тамъ анализировали душу мудраго человѣка на лекціяхъ психологіи и математикъ знакомилъ съ интегралами...

Лемносскій Университетъ.

На время въ „научной палаткѣ-маркизѣ“ отходили отъ мелочей жизни и русскій умъ возвращался къ своимъ великимъ образцамъ. И снова вспыхивали отраженія величайшей культуры духа русскаго народа, который не могли затушевать ни голодъ, ни плѣнъ, ни даже казавшееся полнымъ паденіе русскихъ бѣженцевъ въ англійскихъ лагеряхъ. Появилась „музыкальная палатка“. Неожиданно истрепанная фигура въ пижамо, въ шлепанцахъ на босу ногу, извлекала изъ разбитаго рояля звуки, обнаруживающіе одареннаго артиста.

Появились литературные рукописные сборники, организовались концерты и даже духъ кабаре не могъ стерѣть высокихъ качествъ русской интеллигенціи, которыя вознесли ее на высоту цивилизаціи, чтобы оттуда низвергнуть въ пропасть революціи. Въ одномъ изъ такихъ сборниковъ появилось стихотвореніе за подписью Хомицкаго, написанное на Лемносѣ въ іюнѣ 1920 г. въ легкомъ юморѣ очертившаго лемносскую жизнь:

Любовь лемносца.

Не знаю, что со мной случилось,
Морской ли воздухъ опьянилъ,
Но голова моя вскружилась
И я тебя вдругъ полюбилъ.
Прошу тебя склонивъ колѣни:
Не отвергай любовь мою,
Дай мнѣ огромное полѣно,
Тебѣ его я расколю.
Въ сосѣдній лагерь за водою,
Коль ты захочешь, я пойду
И самой жаркою порою
Огонь къ обѣду разведу.
Когда субботній день настанетъ,
И комендантъ нашъ рядовой
Продукты раздавать намъ станетъ,
Я ими подѣлюсь съ тобой.
Бѣлье твое перестираю
И рано въ очередь схожу,
За „бёфъ“ „мѣшочковъ“ намѣняю
И въ нихъ тебя я наряжу.
Я подмету твою палатку,
И отнесу помои внизъ,
Куплю за драхму шеколадку
Любой исполню твой капризъ.
Но коль на пылкія признанья
Ты вмѣсто „да“ мнѣ скажешь „нѣтъ“,
Не будетъ у меня желанья

Тогда глядѣть на бѣлый свѣтъ.
Я сколопендру вмигъ поймаю,
Я изловлю въ камняхъ змѣю
И честнымъ словомъ увѣряю
Я уничтожу жизнь свою.

* * *

Тотъ, кто близко наблюдалъ берложную, полуголодную жизнь русскихъ бѣженцевъ глубоко страдалъ отъ этой картины страшнаго духовнаго разложенія. Временами казалось, что эти люди погибли навсегда. Но тотъ кто умѣлъ поближе проникнуть въ человѣческую душу, вдругъ обнаруживалъ въ отдѣльныхъ лицахъ, необычайную высоту духовной мощи, глубоко образованныхъ людей съ громаднымъ прошлымъ. Эти люди теперь становились рядовыми бѣженцами, сборище которыхъ носило безобразныя черты толпы.

Революціонныя теченія сохранили свою идеологію и въ эмиграціи. Они съ презрѣніемъ третировали „бывшихъ генераловъ, губернаторовъ, исправниковъ и городовыхъ".

Старая Россія молчала, нащупывая настоящее общественное мнѣніе, а создатели новой Россій, ушедшіе отъ большевиковъ, все еще говорили о „завоеваніяхъ революціи" и о томъ, что „къ старому возврата нѣтъ".

Люди были одни въ кругу близкихъ, а другіе на трибунѣ и въ обществѣ. Ореолъ революціи былъ еще слишкомъ силенъ, чтобы можно было открыто признать себя ея противникомъ. Старая идеологія и лозунги были отвергнуты, новые еще не сформировались. И всѣ ходили въ маскахъ. Не были сняты маски и въ рядахъ доблестной добровольческой арміи, совершившей рядъ величайшихъ подвиговъ: тамъ убѣжденные монархисты сражались рядомъ съ непредрѣшенцами и скрытыми республиканцами подъ неопредѣленнымъ лозунгомъ „единой, недѣлимой". Императорскіе полки еще носили свою форму, погоны, признавали Царскіе чины и знаки отличія. Такъ называемые „цвѣтные" полки, покрывшіе себя славою на поляхъ сраженій, пѣли въ своемъ гимнѣ: „Царь намъ не кумиръ".

Такая психика не могла дать стойкости и армія быстро разлагалась.

Съ эвакуаціей Новороссійска кончила свое существованіе Добровольческая армія. Ганералъ Деникинъ передалъ командованіе генералу Врангелю, который преобразовалъ армію въ „русскую", въ распоряженіи которой находился одинъ лишь Крымъ. Бывшій начальникъ штаба добровольческой арміи, генералъ Романовскій, ненавидимый офицерами, былъ убитъ въ Константинополѣ русскимъ офицеромъ, какъ

„злой геній“ ведшій армію по неизвѣстному пути. Добровольческая армія погибла вслѣдствіе неопредѣленности ея идеологіи и цѣли, къ которой вели ея вожди. Вокругъ командованія въ комитетѣ господствовали „кадеты“, поддерживая политику временнаго правительства, а Кубанская рада неистовствовала въ украинской самостійности. Благородные призывы къ единенію и предупрежденія Деникина оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ послѣдніе дни Новоросійска офицеръ добровольческой арміи, встрѣтивъ другого офицера кіевскаго отряда, спокойно сказалъ:

— На г . . . о-дѣло пріѣхали! Сражаться?... *За кого?*

Въ этомъ „за кого?“ и лежала психологически причина гибели: нельзя сражаться не зная за что, нельзя идти, не зная куда.

Но когда вдругъ обнаруживалась величайшая индивидуальная цѣнность русскихъ, выброшенныхъ въ эмиграцію, даже грубѣйшіе эксплоататоры ихъ дѣятельности, пріютившіе изгнанниковъ на своей землѣ, должны были признать, что эти цѣнности произведеніе и плоть отъ плоти старой, низвергнутой и оклеветанной Россіи, а вовсе не завоеваній революціи. Новая Россія еще не сказала своего слова и не создала ничего.

Вполнѣ естественно, временное паденіе русскаго бѣженства было неизбѣжно и странно было бы искать высокихъ душевныхъ качествъ въ трюмахъ парохода и въ лагеряхъ для бѣженства. Въ послѣднемъ порывѣ своей энергіи, не пріявшіе большевистской революціи, русскіе воины вписали въ исторію достаточно подвиговъ и доблести на поляхъ сраженій добровольческой арміи. Очутившись въ изгнаніи безъ лозунговъ и цѣлей, не рѣшаясь поднять свой голосъ за старую великую Россію, русское бѣженство неизбѣжно должно было броситься въъ объятья того страшнаго разложенія, которое и поглотило его на долгіе годы.

IV.

ПАНИХИДА.

„Берегись, публика! Хамъ идетъ!“ — предостерегалъ въ семидесятыхъ годахъ Достоевскій.

Не вняли. Не повѣрили.

И хамъ пришелъ: многообразный, пластичный, подчасъ неуловимый. Разсѣялся по всей землѣ Русской и отравилъ ее своимъ дыханіемъ. Прошелся онъ по всѣмъ рядамъ: воплотился въ царедворца, загадилъ мундиры славной арміи,

сдружился съ интеллигентомъ, державшимъ свой путь житейскій безъ руля. Онъ побратался съ земцемъ, обласкалъ школьнаго учителя, акушерку, и полюбилъ типъ недоучки. Онъ совратилъ чиновника: сбилъ спѣсь съ него и самъ сталъ имъ. Своимъ тлетворнымъ духомъ заразилъ науку, и развалилось все.

Въ мундирахъ гофмейстера и генераловъ, онъ измѣнилъ присягѣ, отрекся отъ Самодержца и заклеймилъ славное историческое прошлое, создавшее величайшую культуру духа, двумя словами: „старый режимъ". Грязной пѣной вознеслась на поверхность взбаламученнаго моря вся низость душевная и началось великое кривлянье.

Хамъ осквернилъ все то, что въ символахъ исторіи хранило Государство.

Въ отсутствіи господина вѣдь любитъ рабъ покоиться въ его палатахъ.

*
* *

Царскій кабинетъ Освободителя рабовъ. Подъ сводами его лелѣялись, росли и зрѣли великія идеи свободы и блага родины. Тамъ сохранилось все нетронутымъ въ теченіе десятилѣтій. Хамъ пришелъ и грязными ногами залезъ на царскую постель.

Смѣялись зеркала тому, какъ горделиво глядѣло въ нихъ и не могло налюбоваться на отраженье бритое лицо.

Историческая шутка. Эпизодъ въ исторіи: наглое лицо присяжнаго повѣреннаго въ зеркалѣ, вѣками отражавшемъ лицо Царей!

Бываютъ карнавалы въ исторіи и наряжаются шуты въ одежды царскія. Въ палатахъ дворцовъ, гдѣ вѣетъ духъ тысячелѣтія, гуляютъ „бабушка революціи съ внукомъ" и... ковыряютъ блюдо осетрины...

Власть хамовъ...

Дивятся придворные лакеи. Имъ странны новыя затѣи и новый духъ.

Измѣняютъ наперегонъ Царю люди стараго режима и ластятся къ большевикамъ.

*
* *

На островѣ Лемносѣ жаркій день. Сегодня скорбная годовщина событія изъ жизни революціи. Два года тому назадъ убили русскаго Царя. Начертано въ законахъ вѣчности, что рабъ, взбунтовавшись, низвергнувъ властелина, сначала топчетъ свой кумиръ. Потомъ лягаетъ „бывшаго", какъ льва Эзопа лягалъ оселъ. Потомъ, наиздѣвавшись, подлый рабъ вонзаетъ ножъ въ тѣло господина...

Мрачный погребъ... Безымянные убійцы... Мальчикъ на рукахъ... Изящныя царевны трепещатъ въ рукахъ убійцъ...

Туманомъ бездны покрыто преступленье. Старательно заметены кровавые слѣды.

И торжествуетъ хамъ. Ему жмутъ руку тѣ, кто раньше чтилъ Царя и осыпаемъ былъ ласкою, кто древнимъ родомъ и исторіей былъ связанъ съ Царемъ и родиной.

Равнодушно пріяли вѣсть. Не содрогнулись отъ ужаса: обмакивали руки въ кровь господина недостойные рабы. Спѣшила отрѣчься титулованная челядь, сановники и генералы отъ всего стараго, отъ своего Царя.

Сквозь зубы говорили: „самъ виноватъ! Надо было дать отвѣтственное министерство“.

Вдолбили крѣпко въ голову: чтó утруждать разсудокъ размышленіемъ?

На островѣ бугоръ, а на бугрѣ маркиза-шатеръ. Въ немъ церковь. Сюда лѣниво тянутся и медленно идутъ.., Ихъ мало. Не считаетъ долгомъ чести русскій почтить покойнаго Царя. Изъ тысячъ бѣженцевъ здѣсь нѣтъ и сотни.

Изподтишка бросаетъ взглядъ кругомъ пришедшій. Напрасно: уже надѣты маски. Люди осторожны. Молчатъ, не довѣряя другъ другу.

Вчера осмѣлились: рѣшились отслужить панихиду въ день смерти Императора. Долго думали, судили: можно ли? Удобно ли здѣсь на Лемносѣ, помолиться за убитаго Царя? И сильно сомнѣвались, не будетъ ли неделикатно объявить о панихидѣ по лагерямъ? Пугливо озираясь, пророчили, что „мало ли что можетъ? Вѣдь политическое дѣло тонко“.

— Не лучше-ль потихоньку? Безъ шуму, знаете?...

И шепчетъ самъ себѣ: „Идти иль не идти?“ А ночью, наединѣ переживаетъ стыдъ. „Потомъ вѣдь не легко будетъ отречься... Не стоитъ путаться въ исторію.. Пусть дѣлаютъ другіе“...

Рѣшили сдѣлать дѣло тихо, по семейному... Робко заявили коменданту и другъ чрезъ друга оповѣстили „своихъ“.

По лагерю нежданно прошелъ „герольдъ“ и возгласилъ, что „завтра будетъ панихида по „бывшемъ Царѣ Николаѣ Александровичѣ“...

Смѣлый голосъ изъ палатки отозвался:

— Неправильно титулуете: „Его Императорское Величество, Государь Императоръ!“

Молчали „бывшіе“. Не протестовалъ никто. И каждый только думалъ: „Идти иль не идти?“

Иниціаторы пошли сначала за разрѣшеніемъ къ коменданту.

Маститый старецъ, полный генералъ съ двумя георгі-

ями. Русскій воинъ увѣнчанный наградой Государя, — онъ бралъ когда-то Эрзерумъ.

Хитро смотритъ острый взглядъ изъ подъ сѣдыхъ бровей. Ищетъ словъ и думаетъ: „Ахъ, эти патріоты!“

Лукавитъ старецъ и въ тайной думѣ говоритъ:

— „Служите! А я — шалишь! Я не дуракъ, чтобы, пойти молиться за *бывшаго* Царя!“

Онъ разрѣшаетъ: „Если хотите, молитесь за гражданина Николая!“

Идутъ къ Епископу. Благообразное лицо. Не старый. Изгнанникъ на Лемносѣ. Десятки лѣтъ отецъ духовный поминалъ въ богослуженіи благочестиваго Царя, и величаво возглашалъ Самодержцу долголѣтіе. На проповѣдяхъ говорилъ о Вѣрѣ, о Царѣ, Отечествѣ...

— Что? Панихида? По Царѣ?

— Постойте! Дѣло не такъ просто.

И думаетъ: „Что скажутъ партіи? Эсъ-эры? Кто побѣдитъ?“

Вслухъ:

— Нѣтъ, я разрѣшить молиться за Государя не могу!

Вдругъ спохватился пастырь:

— Да, впрочемъ, оффиціально неизвѣстно, убитъ ли Царь! А если живъ? Нѣтъ, — неудобно...

А въ тайникахъ души звучитъ:

„А если?... Если снова воцарится Императоръ? Тьфу, чортъ возьми! И что за мысль дурацкая — молиться!“

— Ну, знаете, — я не могу: поговорите съ отцомъ Георгіемъ. Какъ хочетъ, такъ пускай и дѣлаетъ, я умываю руки.

Идутъ къ священнику.

Модный проповѣдникъ. Громитъ порокъ и разгильдяйство. Требуетъ отъ паствы долга, служенія родинѣ: онъ не откажетъ!

Сухопарый, некрасивый человѣкъ съ лицомъ аскета.

— Гм... Не того... Гм... За Царя? — Подернулось суровое лицо брезгливой судоргой. Недовольство овладѣло на мигъ обыкновенно послушной мимикой.

„Вотъ выдумали! Тьфу какая непріятность! За Царя... Служить иль не служить?“ Ахъ, впрочемъ вспомнилъ:

— Но позвольте: онъ не Царь. Онъ „бывшій“! Служить нельзя!

И краснорѣчіе полилось: „Нельзя, Онъ самъ отрекся!“

Забылъ ораторствующій попъ, что самъ онъ „бывшій“, что вмѣстѣ съ Царемъ низвергнутъ „именемъ народа“ алтарь и что въ тяжелую годину катастрофы уже не слышно властнаго призыва служителя престола Божьяго.

— Ну, ладно, отслужу, но только не за Царя, а за Николая и это помните!

Пришли къ палаткѣ-церкви отдатъ честь Родинѣ въ лицѣ почившаго Царя. Все больше старики, въ погонахъ съ орденами. Здѣсь были бойцы Императорской арміи, два-три чиновника. Немного женщинъ. Пришли оплакивать Россію. Но скрыты глубоко были мысли и лживо оскверналъ святыни храма языкъ. Кто думалъ многое — молчалъ. Кто ничего не думалъ, старался оправдаться, — зачѣмъ пришелъ сюда!

Было тихо въ храмѣ и мрачно. А тѣ, кто понималъ всю низость происходящаго, шептали:

„Вотъ *подлость человѣка*!“

Нѣтъ коменданта. О, старый не дуракъ! Онъ не придетъ. Нѣтъ архіерея. И многихъ не было, кому бы надо было быть. Увы! Ихъ не было и тамъ, гдѣ вѣрные знаменамъ бойцы еще сражались за Россію!

— Мы переписаны здѣсь всѣ! — шептались трусы. — Здѣсь есть большевики!

Затихло все. Въ полусвѣтѣ храма торжественно и строго горѣли передъ иконами огни. Отблескъ тысячелѣтнихъ отраженій отъ золотыхъ ризъ, изъ глубины вѣковъ ласкалъ мистическимъ покоемъ душу. Въ эти моменты человѣкъ чувствуетъ дуновеніе Божества и къ горлу подступаютъ слезы.

Вотъ вышелъ служитель храма. И полилась изъ устъ его — не рѣчь, не слово. Неуклюже торчала золотая риза на угловатыхъ плечахъ. Въ порывистыхъ движеніяхъ сжимали руки крестъ святой и злобно искривлялось суровое лицо. Чѣмъ больше лгалъ языкъ, тѣмъ рѣзче, суше рѣзалъ воздухъ фальшивый голосъ и тихій ужасъ разливался въ храмѣ. Дерзко кощунствуя, священникъ надругался надъ тѣмъ, кому еще недавно передъ Богомъ возносилъ хвалу и славу. Слуга Царя небеснаго такъ поносилъ Царя земного.

Онъ былъ смущенъ и путался, громя съ амвона тѣхъ, кто долгомъ чести почелъ явиться въ храмъ и помолиться за Царя.

— Не Царь, а „бывшій“! Не Государь, рабъ Божій Николай! Кто чтитъ Царя, — уйдите вонъ!

Такъ подлый рабъ, смердящимъ словомъ жалилъ душу! Молчатъ сѣдые генералы. Смущенъ взоръ женщинъ.

— Онъ долженъ такъ говорить изъ соображеній политики. Иначе не позволяли служить — пытались оправдать поклонники аскета...

Увы. Кто раньше сотни разъ, при нужной и ненужной обстановкѣ провозглашалъ готовность умереть за Самодержца, теперь молчитъ, склонивъ угрюмо голову. Такъ надругались въ храмѣ надъ прошлымъ родины и надъ почившимъ Императоромъ.

Отслужили панихиду не по Царѣ, а по безъимянномъ Николаѣ.

Окончилось. Всѣ разошлись и словно шапку-невидимку надѣли на то, что видѣть было стыдно.

*
* *

Когда „великая, безкровная“, — какъ называли ее льстецы, — своимъ покровомъ накрыла міръ, все бросилось на церковь, на Бога, на мораль. Вѣрные своимъ завѣтамъ, въ великихъ мукахъ гибли тысячи неизмѣнившихъ пастырей. Страшный синодикъ замученныхъ митрополитовъ, архіепископовъ, священниковъ начертанъ на лентѣ революціи... *). Но голосъ мучениковъ заглушался ревомъ безумныхъ массъ и гимномъ революціи. Сломился подъ напоромъ волнъ бушующаго моря духъ сильныхъ: „живая церковь“ пошла на службу къ большевикамъ.

Не церковь, а пастыри съ продажною душою отреклись, какъ только „бѣлоснѣжная“ своимъ покровомъ накрыла жизнь. Какъ просто: десять вѣковъ молились за князей, царей и Государя. Черезъ три дня его уже не поминали. Разрѣзали молитвы, повыкинули имена и огласились своды храма другими именами. То „безымянная держава“, то „временное правительство“, провозглашавшее „быть по сему“, „почли за благо“... то Александръ, то Павло́. Недоставало только Троцкаго.

Въ золоченныхъ ризахъ служитель храма искалъ, кого бы помянуть, кому бы поклониться. Тамъ, гдѣ вчера провозглашалась анафема измѣннику, сегодня гремѣла слава „Павлу“, „Сэмэну“ и ницъ лежали не предъ Богомъ, а предъ измѣнникомъ.

Смотрятъ древнія иконы изъ сумрака глубокихъ нишъ съ укоромъ. Тусклый огонекъ свѣчи изъ воска колеблется, въ смущеніи издавая трескъ...

Все отреклось отъ прошлаго и отъ Царя.

* *
*

А вечеромъ, въ палаткѣ, профессоръ русской исторіи намъ говорилъ другое...

„Не такъ бывало встарь“.

Кто слышалъ про исторію Россіи лишь въ гимназіи, тотъ мало понимаетъ. Прошлое!... Плевать! Оно не нужно. Но тѣмъ, кто вдумался въ былое, казался страшнымъ длин-

*) 28 епископовъ и 1200 священниковъ умученныхъ и убитыхъ.

ный, тернистый путь, которымъ сквозь рядъ тяжелыхъ испытаній шла работа предковъ выковывая Русь на протяженіи вѣковъ.

Въ туманѣ прошлаго чернѣетъ суровый образъ.

— Монахъ? Ну, что же?

А вотъ что: аскетъ-отшельникъ. Дремучій лѣсъ. Обѣтъ смиренія и подвигъ. Древній русскій монастырь — то группа скудныхъ хижинъ въ глубинѣ лѣсныхъ пустынь. Суровый старецъ — когда-то пылкій юноша, боярскій сынъ. Онъ пишетъ лѣтопись: растетъ и катится клубокъ исторіи. Куетъ монахъ и строитъ государство.

— Бездѣльники и дармоѣды! — слышалось за чайными столами передъ революціей.

— Неправда, — твердилъ профессоръ, — Пріюты грамоты и знаній. Колонизаторы лѣсныхъ пустынь. Цивилизаторы зырянъ и сѣверныхъ народовъ. Въ годины бѣдствій даже банки — кормильцы земли родной.

Грозно звучалъ голосъ православной Церкви, объединявшей Русь, когда терзалось тѣло ея на части. Огнемъ неугасимой лампады стелется изъ храмовъ по всей землѣ мораль и владѣетъ на протяженіи тысячелѣтія душой народа. На лентѣ исторіи сверкаетъ ярко рядъ образовъ и строгій голосъ звучитъ изъ глубины могилъ.

Долго собирали Русь князья, цари и церковь. Въ минуты малодушія Іоанна III шлетъ грозное посланіе пастырь. Задушенъ руками Малюты въ ссылкѣ московскій митрополитъ, — не измѣнилъ.

Сергій... Святой Петръ... Макарій... — Фигуры во весь ростъ.

Не измѣняла, не отрекалась и не пресмыкалась Церковь, и съ нею считались и шли въ ногу цари.

Русскій Царь — наслѣдникъ Византіи.

Орелъ двуглавый — древній гербъ великой Византій.

Но какъ далеко все это и какъ забыто прошлое! Когда-то спасли Россію Патріархъ и Царь. И много вѣковъ внимали стѣны храмовъ молитвамъ за Патріарха и Царя.

Древнія святыни! Изъ тьмы вѣковъ со всей земли къ нимъ тянутся паломники. Сюда въ тяжелыя годины бѣдствій широкою рѣкою лилась и скорбь народная, и горе. Туда несла надежда пламенные взоры, — оттуда шла любовь, терпѣніе и покой. Окрыленный вѣрою народъ терпѣлъ и ждалъ.

Сколько слезъ и радости, и горя видали русскія иконы. И тотъ, кто видитъ въ нихъ лишь полотно и краски, тотъ не правъ.

Церковь призывала умирать „за вѣру, за Царя, за родину.

Пусть это символы! Не всякому дано вникать въ смыслъ истины.

Сломались символы и развернулась бездна.

На улицѣ, близъ Лавры, валяется трупъ Митрополита Кіевскаго, еще недавно приказавшаго убрать въ залѣ Синода кресло Императора. Русскій Патріархъ въ плѣну у супостата. Все закрутилось въ хаосѣ разрушенія и кровь лилась, лилась рѣкою. Повсюду стонъ и смрадъ и вопль.

Жадно тянутся руки къ богатствамъ, къ почестямъ и жаждутъ славы...

Но не спитъ исторія. Все видитъ. А психологія гласитъ:

„Толпа, толпа! Въ ней гаснетъ разумъ и звѣрь обнажается въ обликѣ человѣка".

Оживаютъ въ памяти картины прошлаго. Вонъ Соловей-разбойникъ! Вонъ жидовинъ! Тамъ Стенька Разинъ и Пугачевъ. Всѣ на лицо. Знакомые!

Все закружилось снова. Владѣетъ нами Жидовинъ, и снова, прозрительно крутя свой длинный усъ, стегаетъ батогомъ руссина ляхъ. Надмѣнною рукою гребетъ къ себѣ Подляшье и русскій Кіевъ..

Востокъ и западъ отпадаютъ. Югъ горитъ измѣной. Кубанецъ за рѣкой не стережетъ врага, а стелетъ скатертью дорогу разрушителю...

Мракъ безнадежности.

Но было ужъ такъ. Все было.

Исчезли только *русскіе богатыри.*

Въ одеждѣ Пугачева пьетъ русскій человѣкъ родную кровь и нѣкому ему сказать: „опомнись!"

Молчатъ вожди и генералы. Молчитъ — не Церковь, а тѣ ея служители, кто именемъ креста не служитъ больше долгу, переходя къ измѣнникамъ.

Съ пустынныхъ береговъ Лемноса вопрошаетъ гласъ изгнанника.

„Гдѣ же вы? Гдѣ русскіе богатыри?" Гдѣ монахъ суровый, карающій порокъ, и призывающій: „остановитесь!"

Далекимъ эхомъ съ береговъ Россіи, съ тоскою безнадежности звучитъ въ отвѣтъ:

— „Да гдѣ же вы? Гдѣ русскіе богатыри?"

Монахъ Лемноса здѣсь. А тамъ — въ далекомъ прошломъ — монахъ былого, съ душой богатыря!

Придетъ ли онъ?

* * *

Долго вьется знамя Хама надъ эмиграціей. На родинѣ его почти смѣнилъ бандитъ-товарищъ, по недоразумѣнію именуемый большевикомъ.

И сомнѣвается психологъ: чей образъ лучше? Какъ страшный мститель, какъ дикій звѣрь, промчится въ исторіи бандитъ. Онъ много разрушитъ, но все-таки погибнетъ и самъ. На омытыхъ кровью, очищенныхъ огнемъ развалинахъ, воскреснетъ жизнь и обновится государство.

Но ядъ Хама отравлятъ душу медленно, на долго. Онъ испоганитъ все святое и распылитъ мораль. И долго будетъ безнадежно биться въ оковахъ хамства русскій человѣкъ, пока въ отвѣтъ на чуткое предостереженіе Достоевскаго: „Берегитесь, публика: Хамъ идетъ!“ прозрѣвшій сынъ Родины, не скажетъ тихо:

— Будь спокоенъ, онъ прошелъ!

* * *

Неужели же такъ низко палъ *человѣкъ*? Неужели же эти тысячи людей, составляющіе обломки Великой Россіи, среди которыхъ есть вожди Имераторской арміи, высшіе представители духовенства, государственныхъ дѣятелей и ученыхъ, теперь искренно отрекались отъ старой Россіи и предавали своего Императора?

Конечно нѣтъ! Подло было самое время и слабы были люди парализованные страхомъ революціи. Наединѣ съ собою и въ кругу близкихъ люди были прежніе. Но на кафедрѣ, въ собраніяхъ и на слолбцахъ прессы *человѣкъ мѣнялся*. Онъ говорилъ не то, что думалъ. Честные и порядочные люди вторили бредовому общественному мнѣнію, пѣли гимнъ завоеваніямъ революціи, и не вѣрили другъ другу. Животный страхъ владѣлъ душою человѣка и люди искали личнаго спасенія, подлаживаясь къ новому режиму революціи.

* * *

Мрачнѣйшій эпизодъ исторіи. Полная драматизма и ужаса картина прощанія Императора и Верховнаго Главнокомандующаго со своими „вѣрноподданными“ сотрудниками и подчиненными въ Ставкѣ.

Жуткое лобзаніе благороднѣйшимъ Императоромъ своего бывшаго ближайшаго, предавшаго его помощника, сорвавшаго свои генералъ-адъютантскіе вензеля еще въ присутствіи Императора... Когда представленная здѣсь настоящая Россія, парализованная отреченіемъ Императора, плакала вмѣстѣ со своимъ Царемъ, „Желябовы смялись“ и говорили о „великихъ событіяхъ“ въ Ставкѣ.

Простой солдатъ, упавшій въ обморокъ при видѣ этой жуткой сцены, показалъ однако, что не совсѣмъ еще порвались струны человѣчности въ этомъ загипнотизированномъ революціей собраніи...

„Кругомъ трусость, измѣна и предательство“ — таковъ былъ приговоръ послѣдняго Императора своимъ сподвижникамъ...

Увы! — то были неизбѣжные симптомы революціоннаго безумія, которое въ этой сценѣ достигло своего максимальнаго напряженія, и которое на долго поглотило человѣка со всѣми его благороднѣйшими движеніями души.

V.

РАЗГОВОРЪ О РУССКОЙ ЖЕНЩИНѢ И О СЕМЕЙНОЙ ДОБРОДѢТЕЛИ.

— Шкурница! — брюзжитъ сквозь зубы ретроградъ.

— Не шкурница, а героиня! Русская женщина, воспѣтая Некрасовымъ, — поправляетъ мечтатель-оптимистъ.

Ликуетъ Кіевъ, какъ будто въ свѣтлый праздникъ. Побѣда добровольцевъ, и русскій флагъ надъ городомъ. У дома бывшей чрезвычайки толпа. Тамъ въ ужасѣ глядятъ на трупы, на ямы въ саду, гдѣ голыя тѣла набросаны какъ бревна... Смятенье духа. Ропотъ возмущенія:

— Вотъ они — большевики...

На перекресткѣ стоитъ и злобно смотритъ интеллигентная еврейка. Молчитъ. Не выдержала, наконецъ, и громко, смѣло говоритъ:

— Подождите. Не торжествуйте. Еще настанетъ нашъ часъ. Мы мало еще попили вашей крови!

Арестовали.

А русскій интеллигентъ твердитъ:

„Не можетъ быть: вамъ вѣрно послышалось“.

Въ контръ-развѣдкѣ выпустили...

Еврейка — героиня: безъ трепета душевнаго шлетъ брата, жениха на смерть... Работаетъ во славу революціи и своего народа.

Въ германскую войну я видѣлъ много нѣмецкихъ женщинъ. На пепелищѣ страшнаго разгрома въ Роминтенѣ, среди скелетовъ разрушенныхъ домовъ, бродила дряхлая старушка. Я видѣлъ ея слезы, горе. Но ненавистью горѣли глаза.

Набившись въ комнатахъ, въ углу, фигуры женщинъ и дѣтей, молчаливо ждали своей участи, когда, врываясь въ села, мы грабили, уничтожая все.

Во время катастрофы въ Гольдапѣ нѣмка указала намъ даже путь къ спасенію, когда мы гибли. Но всюду германская женщина служила родинѣ и никогда не говорила Гансу: „Останься! Не ходи“...

Въ экстазѣ ненависти полька мечетъ стрѣлы въ врага, выражая презрѣніе къ москалямъ...

Въ Англіи на улицахъ даже суфражистки клеймили молодыхъ людей:

„Зачѣмъ вы здѣсь, а не на фронтѣ?"

Въ Европѣ женщина не говорила другу:

„У тебя семья! Твой долгъ остаться"...

* * *

А русская?...

— Найдите образцы.

— Быть можетъ русскія курсистки, пославшія японскому Микадо привѣтствіе и пожеланіе побѣды надъ русской арміей въ Японскую войну?

— Признаться тему выбралъ неосторожную не лучше-ль помолчать?...

Ну, Ксенія Николаевна! — ваше слово.

Быстро вскинула она глаза на говорящаго, легкимъ жестомъ отвела закуренную папироску и бросила отрывисто:

— Какъ, правду говорить?

— Конечно правду!

— Правда бываетъ непріятна.

Ксенія Николаевна задумалась и медленно отчеканила недавно произнесенную русской женщиной тираду:

„По мнѣ, пусть гибнетъ вся Россія, лишь бы оставили мнѣ моего мужа, лишь былъ бы онъ со мною"... Н-да-а!

Лемносцы были превосходными семьянинами. По утрамъ, лишь только прогремитъ по лагерю желѣзная фура и „греки-испаньолы" вычистятъ уборную, тамъ открывался клубъ и начиналось „засѣданіе".

Сначала англичане объявили, что русскіе офицеры сами займутся ассенизаціей, но тутъ нарѣзались: не согласились плѣнники.

Въ „лемносскомъ клубѣ" степенно бесѣдуютъ, раскуривая папиросы и даже читаютъ газеты.

— Ѣду!

— Въ Крымъ?

— Нѣтъ, — зачѣмъ же въ Крымъ? Въ Александрію, на соединеніе съ семьею!

Такъ повѣствуетъ русскій капитанъ, флегматично пуская дымъ въ сторону.

— И у меня семья въ Крыму, — вторитъ артилеристъ. — Я, знаете, собралъ пижамо, молоко въ жестянкахъ, вымѣнявъ ихъ на мѣшечки. Везу подарокъ дочкамъ.

— Конечно, тамъ дороговизна чертовская. За тряпку платятъ десять тысячь!

— Гм... а у меня жена... — вспоминаетъ третій.

Старый, старый отставной полковникъ, задумчиво сидѣвшій за дѣломъ, вдругъ отозвался:

— И я къ семьѣ... Давно ужъ подалъ рапортъ... На Кипръ...

Тотъ выписалъ семью сюда, да не пускаютъ мерзавцы англичане, и денегъ на это не даютъ... У одного сынъ въ чинѣ штабсъ-капитана гдѣ-то въ Крыму и тоже, вмѣсто участія въ бояхъ, мечтаетъ о „соединеніи съ семьею". На дняхъ пріѣхалъ на Лемносъ генералъ съ позиціи, чтобы повидаться съ сыномъ — кадетомъ... Глубоки родительскія чувства, но все же недостаточный предлогъ уйти отъ боя. Сынишка безпечно хулиганилъ, плескаясь въ морѣ въ толпѣ кадетъ и мало тосковалъ въ разлукѣ съ „папочкой".

Тихій ужасъ. Семья и государство. Тамъ гибнетъ Родина, а краснощекій капитанъ на Лемносѣ „соединяется съ семьею".

Наперекрестъ сидящая, довольно мрачная фигура, вдругъ изрѣдка пускаетъ стрѣлы въ капитана:

— Здоровымъ надо ѣхать въ Крымъ: тамъ нужны люди!...

Но стоекъ капитанъ.

— Ну, это ужъ извините, дудки! Сначала обезпечьте семью.

Бравый воинъ забывалъ, что вся семья вѣдь на пайкѣ у англичанъ.

— Мужчины въ бой должны идти — спасать Россію! — ворчитъ противникъ.

— Ну, это чепуха, — спокойно тужится на мѣстѣ глава семьи, — что мнѣ дала ваша отчизна?...

„Подлецъ! Не стыдно!"

Повѣствуетъ старый генералъ, что не находитъ мѣста. Всю ночь не спалъ, — такъ рвется въ Крымъ!

Вы думаете на фронтъ, къ дивизіи? О нѣтъ! Къ дочерямъ невѣстамъ.

— Конечно, я постараюсь тамъ устроиться...

Н... да-а!... Тутъ разговорчики!

Эхомъ генералу вторитъ шутникъ-поручикъ. Выходя изъ „клуба" и застегивая на ходу пуговицы, поетъ:

„Въ походъ Мальбрукъ собрался
Поносъ былъ цѣлый день
На третій день . . . . . .
И умеръ въ тотъ же день"...

* * *

Красавицы пріѣхали на островъ стриженныя, кто послѣ

тифа, кто по модѣ. Головки угловаты и малы. Глазенки бѣгаютъ по сторонамъ, высматривая, что даютъ? Смѣялись владимірцы, что въ часъ раздачи благъ земныхъ гуріи Лемноса легко преображались въ фурій.

— Что небо? Рай? — Вѣдь здѣсь, земля!

Не создала природа женщину для соціальныхъ бурь.

Работа женщины на островѣ сравнялась съ трудомъ мужчины: всѣ полоскали бѣлье, варили пищу, ходили въ очередь, ругались, злились.

Жена и мужъ. Онъ въ лѣнивомъ изнеможеніи, полуголый развалися въ палаткѣ и, высоко закинувъ ноги, созерцаетъ красиваго жука-богомола, неподвижнымъ изваяніемъ оцѣпенѣвшаго на полотнѣ палатки. Она, когда-то бывшая свѣтской дамой, обливается потомъ, изнемогая отъ жары, и тщетно колотитъ топоромъ по англійскому полѣну, пытаясь расколоть его.

Семья. Онъ молодой корнетъ изъ студентовъ. Жена интеллигентная. Ребенокъ — мальчикъ. И никогда, — вы понимаете, — *никогда* вы не слыхали отъ нихъ о родинѣ, о долгѣ. Лепечутъ что-то о семьѣ.

Да, русская женщина и на войнѣ, и въ революціи не выполнила долга. Десятилѣтія, въ періодъ подготовки революціи курсистки, акушерки, фельдшерицы давали сплошной горючій матерьялъ. Роль женщины въ че-ка была блестяща: княгиня Оболенская, Мансурова, Роза, Дора, Касперовичъ, — были наиболѣе фанатическими чекистками, и даже профессіональный убійца-чекистъ Феликсъ Конъ однажды не вытерпѣлъ на засѣданіи всеукраинской че-ка и далъ реплику на кровожадныя заключенія Касперовичъ:

— Однако!

Только контръ-революція не видѣла въ своихъ рядахъ русской женщины. Были, правда, мстительницы за близкихъ въ рядахъ бѣлой арміи...

Когда теперь зовутъ на поле брани, глава семьи молчитъ, а женщина, съ нѣгой глядя ему въ глаза, и пожимая руку, шепчетъ:

— Ты не поѣдешь, милый, — правда?

Малышъ-ребенокъ, подростокъ-кадетъ, юноша-студентъ — все „дѣти". „Ихъ надобно щадить". „Имъ нуженъ папа"...

— Пускай идутъ другіе, помоложе! А, впрочемъ, поѣдемъ вмѣстѣ: въ тылъ! И я съ тобою! Устроимся, — вѣдь я — сестра.

Сестра!

Какъ много въ этомъ словѣ глубокаго, но странаго теперь: чья сестра?

Высокое призваніе: отрекшись отъ своей семьи, отъ

брата родного, стала женщина „сестрою человѣка“. И много героизма проявила русская сестра.

Теперь перемѣшалось все.

На пароходѣ толпа сестеръ. Сестеръ ли? „Мой мужъ“... „мой братъ“... „мой близкій“...

То жены при своихъ мужьяхъ.

— Святая женщина: самоотверженно ухаживаетъ за мужемъ!

За мужемъ? Да, но не за русскимъ воиномъ. И если рядомъ, близко, простонетъ изнемогающій больной, прекрасное лицо „сестры“ не шелохнется. Въ душѣ не отзовется страданіе, и не поможетъ! Въ обликѣ сестеръ теперь спасались жены офицеровъ. Красавицы-русалки манили русскихъ рыцарей на дно.

Сквозь дымку сыпно-тифознаго бреда вспоминаются слова сестры.

„А этотъ вотъ лежитъ всѣми брошенный“. Одинокъ. Безъ близкихъ.

— Ты собираешься на фронтъ? Нѣтъ, милый, лучше въ тылъ. И я съ тобою... — великолѣпно искушаетъ Ева.

— А если одержатъ верхъ большевики?

— Ну, что же? Талантливъ Троцкій! Не все-ль равно, кто платитъ деньги?

* * *

Любили англичане русскихъ женщинъ. Англійскіе матросы приглашали на броненосецъ „Дублинъ“ русскихъ дамъ „безъ мужей“. Но и англійскихъ офицеровъ въ эти вечера, свозили матросы съ корабля на берегъ: керенщина бываетъ и подъ англійскимъ соусомъ.

Раннимъ утромъ вернулись дамы съ броненосца и говорили, что было весело: англійскій матросъ, напившись рыталъ, „какъ настоящій русскій“...

Въ лемносскомъ клубѣ разсказывали о романѣ русской дамы съ англійскимъ сержантомъ. Неосторожно освѣтилъ однажды прожекторъ пару на берегу въ критическій моментъ...

* * *

Драхмы... шеколадъ...

Некрасовъ! Гдѣ ты? Покажи своихъ княгинь!

Здѣсь тоже есть „княгиня краснокрестная“. Костюмъ не то монашки, не то сестры. Но сынъ — съ головы до ногъ одѣтъ въ краснокрестный подарокъ.

Сестра и женщина. Очнется ли она когда-нибудь? Пошлетъ ли близкаго на смерть, сказавъ:

„Иди впередъ! Не возвращайся, пока не возродится родина. А тамъ уже любовь и счастье!“

* * *

По ассоціаціи контраста вспоминается картина: въ бою бѣжалъ гусарскій полкъ. Ихъ бывшій командиръ, теперь начальникъ фронта, остановился подъ огнемъ какъ статуя. Спокойно, съ укоромъ глядѣлъ на бѣглецовъ. Не шелохнулся и подперѣвъ сѣдую голову, склоненную на грудь, онъ повторялъ съ укоромъ:

— Гу-у-сса-а-ры! Гу-у-сса-а-ры!

Очнулись воины. Вернулись и стройными рядами пошли впередъ, отбивъ, что потеряли раньше. Паденіе бываетъ временнымъ...

* * *

Любили лемносскія дамы автомобиль и летчиковъ, но пользовался успѣхомъ и дезертиръ-спортсменъ. Въ палаткахъ лучшихъ женщинъ вы непремѣнно встрѣтите гусарскаго корнета, организовавшаго литературно-просвѣтительный кружокъ.

Онъ, конечно, категорикъ. Разсказывалъ, что немощенъ и слабъ.

— Сражаться? Въ бой? Благодарю покорно: не ѣду въ Крымъ.

Врачъ въ недоумѣніи: какой же органъ не въ порядкѣ у бѣднаго? И почему онъ такъ жаждетъ женской ласки?

Тщедушная фигурка. Щегольскіе сапоги блестятъ. Гусарскіе штаны, шикарный френчъ, браслеты на рукѣ.

Однако въ немъ что-то есть, за что его лелѣютъ всѣ женщины!

Тлетворнымъ духомъ надъ островомъ пронесся духъ „кабарэ“. Смѣшались въ кашу этюдъ Шопена съ пахабными куплетами. И наибольшій успѣхъ имѣлъ тотъ номеръ, когда сестра на сценѣ, пластично пошевеливая бедрами игриво напѣвала сальную пѣсенку...

А поздней ночью надъ лагеремъ носилась до омерзѣнія противная пѣсня добровольческой арміи:

„Ма-ма, ма-ма, что мы будемъ дѣлать,
Когда настанутъ зимни холода?“...

* * *

Другія фигуры женщинъ.

Древняя Эллада. Мать *настоящая.* Алмазами сверкаютъ

на лентѣ древности ея слова. Вручая сыну щитъ, она сказала просто:

„Съ нимъ или на немъ“.

Прошли тысячелѣтія.

Новая Эллада. Островъ Лемносъ. Палатка лагеря: въ ней женщина и четверо дѣтей. На фронтѣ мужъ — генералъ и съ нимъ два сына.

— Я не поѣду къ мужу и дѣтямъ. Зачѣмъ мѣшать? Пусть исполняютъ свой долгъ.

Отдыхаетъ душа предъ свѣтлымъ, прекраснымъ образомъ. Вотъ она во всей красѣ настоящая русская женщина. Дамокловъ мечъ виситъ надъ ней все время. Шлетъ ободряющія письма на фронтъ. Только женская душа можетъ переживать такъ тонко. И какая сила тогда таится въ ней! И очень часто, анализируя героя, за нимъ найдете прекрасный образъ женщины.

Гордилась жена и мать, что близкіе свершаютъ подвиги, что мужъ ни часу не служилъ большевикамъ. Сидѣлъ въ чрезвычайкѣ, ожидая конца. Нежданно освободили:

— Какъ? Меня? — съ недоумѣніемъ улыбнулся русскій генералъ. Пожалъ плечами, ушелъ и началъ продолжать ковать спасеніе Россіи.

Да, есть герои-женщины!

Мужъ — летчикъ. Жена — сестра. Ребенокъ. Мужъ погибъ, сѣвъ съ аппаратомъ въ кучу красныхъ. Говорилъ всегда: „не сдаемся! Убьютъ — тогда пусть дѣлаютъ, что знаютъ“.

Рука съ наганомъ не дрогнула. Большевикамъ достался трупъ.

Скитанія, лишенья, голодъ. Повсюду сквозняки. Ребенокъ умеръ, и потекли дни нудные, пустые, безъ радости и безъ надеждъ.

Но снова звучитъ призывной колоколъ. Константинополь. Море. Скоро берега Россіи, Крымъ и новый подвигъ. Ласково, безъ ропота глядятъ глаза. Не *къ дѣтямъ*, не *къ семьѣ* — служить *Россіи*, исполнить *долгъ*!

— Не шкурница, а шкурникъ! *Онъ* портитъ женщину!

* * *

Пароходъ отходитъ съ Лемноса. Оправившіеся отъ ранъ бойцы ѣдутъ въ Крымъ къ Врангелю.

Прощаніе на пристани.

Высокая и тонкая натура — дочь адмирала. Съ ней инженеръ въ костюмѣ офицера. Задумчивъ взглядъ и пѣснь безъ словъ уже пропѣта. На золотистыхъ волосахъ играетъ лучъ солнца.

На мигъ она одна. Вкрадчивой походкой подходитъ знакомый офицеръ. То „опытный военно-плѣнный“.

— Здравствуйте!

Въ этомъ словѣ, сказанномъ нараспѣвъ, такъ много слышится: хочется подойти, погрѣться, поговорить...

Пренебрежительный кивокъ, неуловимое движенiе глазъ и голосъ *русской женщины*, короткiй, почти рѣзкiй:

— Вы ѣдете?

Смущенный, вкрадчивый отвѣтъ:

— Н... нѣ... ѣтъ... я...

Не дала кончить:

— Напрасно! — И повернулась вся, не замѣчая больше. Короткiй огонекъ мелькнулъ въ глазахъ исполненныхъ негодованья.

Поплелся дезертиръ: здѣсь мѣста нѣтъ.

Да, были *женщины*, не шкурницы... И, если бы побольше было настоящихъ русскихъ женщинъ...

А издали, съ барки, опять несется пѣсня:

„Не отдали-бъ Москвы!“

VI

ОПЫТНЫЙ ВОЕННО-ПЛѢННЫЙ.

Такъ окрестилъ его вес лагерь.

Широкоплечiй, коренастый капитанъ — артиллеристъ, Нѣсколько медлителенъ, тяжеловѣсенъ. Движенiя неторопливы, размѣрены. Видъ аккуратенъ. Хоть не герой, но на тужуркѣ нашиты ленты орденовъ Георгiя, Владимiра, Богъ вѣсть кѣмъ данныхъ.

Плоское, широкое лицо, все выбритое. Подбородокъ съ нижнею челюстью немного выдвинулись впередъ. Мускулы лица привыкли прежде чѣмъ скажетъ слово, сложиться въ улыбку, искусственно привѣтливую, слегка заискивающую и ласковую: онъ словно предлагаетъ вамъ себя, какъ будто бы на все готовъ. Вкрадчивъ, остороженъ: какъ бы не задѣть, не обезпокоить...

— Можно? Васъ не потревожить?...

Онъ получаетъ всюду и все. Онъ опытенъ: знаетъ, гдѣ что и какъ достать. Въ первый разъ онъ сдался въ Портъ-Артурѣ японцамъ. Когда потребовали слово, что не станетъ дальше русскiй офицеръ сражаться за родину, и тѣхъ, кто далъ его, спокойно отпустили, онъ былъ среди немногихъ, которые пошли на униженiе. Въ четырнадцатомъ году онъ сдался нѣмцамъ и жилъ въ плѣну безъ ропота три года.

Получалъ, что надо, былъ вѣжливъ, „ганцаккуратъ" и незлобливо вспоминаетъ германцевъ. Теперь онъ какъ то очутился на Лемносѣ. Когда его спросили, зачѣмъ онъ здѣсь, онъ выразительно отвѣтилъ:

— Эвакуированъ по неврастеніи.

Дивился врачъ, откуда эта гостья залѣзла въ тѣло Геркулеса и завладѣла душой, которую и бомба не выведетъ изъ состоянія соразмѣрнаго равновѣсія.

Все положительно и методично обдумано. Странно, — Невра-сте-ні-я...

Онъ зналъ всѣ тонкости режима. Угождалъ японцамъ, нѣмцамъ, англичанамъ. Никогда не возвышалъ онъ голоса: безъ ссоры, безъ пререканій жилъ среди другихъ. Въ порядкѣ держалъ всѣ вещи и незамѣтно имущество его росло. Сначала, по знакомству, предложитъ бутылочку вина. Потомъ случайно брюки за 40 драхмъ. Говорили — въ клозетѣ, правда, — что капитанъ скупаетъ у пьяницъ вещи и спекулируетъ, но осторожно. Гдѣ „прикупитъ", гдѣ „спекульнетъ".

Проходятъ дни безъ идеаловъ: „ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга".

Опредѣленное міровоззрѣніе. Не прочь поэксплоатировать другого и если попадется вблизи кто либо изъ новичковъ, онъ имъ командуетъ: тѣмъ кто послабѣе. Пока не нарѣжется и не получитъ отпоръ.

Получитъ, — молча улыбнется, пожметъ плечами и позабудетъ.

Онъ очень вѣжливъ въ разговорѣ и выскажетъ несразу мысль.

Раздатчикъ онъ. Получая для ряда спички, напримѣръ, не дастъ тому, кто некурящій. И странно: все какъ будто бы подѣлено какъ надо, а шеколадъ лежитъ въ углу. Кусочки сыра лѣзутъ въ ротъ.

Сытъ. Спитъ хорошо. И выпьетъ въ мѣру. Уже три года онъ учитъ языки: теперь англійскій, а все успѣха нѣтъ.

VII.

ВОЛОДЯ.

Весь лагерь зналъ Володю — добровольца-женщину И была эта фигурка также типична для владимірскаго лагеря, какъ нѣкогда козелъ въ конюшнѣ. Маленькій, тщедушный солдатикъ въ гимнастеркѣ, не сразу выдавалъ свой полъ Вокругъ такого добровольца всегда вилась легенда: Володя — рядовой изъ женскаго батальона Бочкаревой, сформиро-

вавшагося во время великой войны. Женщины-солдаты попадались въ рядахъ бойцовъ и всегда такой солдатъ имѣлъ типичный обликъ.

Судьба пронесла Володю черезъ великую войну, бросила его въ ряды добровольческой арміи и выбросила въ лагерь бѣженцевъ на Лемносѣ.

Угловатая, бритая головка съ курносымъ вздернутымъ носомъ и слегка надутою, капризно оттопыренною нижнею губою. Плохо привившіяся солдатскія манеры, и слегка обрисовывающіяся подъ гимнастеркой все-таки женскія груди. Это единственный изъ сохранившихся вторичныхъ половыхъ признаковъ солдата-женщины.

Володя жилъ солдатской жизнью, спалъ съ товарищами. И говорили въ лагерѣ, что доброе товарищество не мѣшало человѣческой природѣ отдать ей дань во тьмѣ ночной съ случайными сосѣдями.

Володя былъ больше похожъ на мальчика. Наивный, всегда слегка капризно-истеричный, онъ чувствовалъ, что привлекалъ къ себѣ любопытство. Какъ женщина онъ былъ бы безобразенъ.

И когда однажды Володя преобразился въ женщину, одѣвши платье и даже нацѣпивши на голову ленту съ претензіей на красоту, весь лагерь сбѣжался смотрѣть на „дѣвочку". Каррикатура сплелась съ дѣйствительностью.

Володя шлялся по лагерю безъ дѣла и умудрялся быть на глазахъ при всякихъ происшествіяхъ волновавшихъ лагерь.

Прошли тѣ времена, когда женщина-воинъ имѣла ореолъ героя. Теперь Володя не возбуждалъ большого интереса, но эта фигурка все же забавляла публику. Солдаты были съ нимъ за пани-брата, „на ты" и въ жизни лагеря Володя былъ непремѣннымъ членомъ.

Женскія каррикатуры попадались въ революціи довольно часто. И въ большевистскихъ учрежденіяхъ встрѣчались женщины въ мужскихъ костюмахъ. Я помню шикарную чекистку въ гимнастеркѣ съ великолѣпнымъ бюстомъ, съ обтянутыми панталонами бедрами. Во всѣхъ этихъ женщинахъ-мужчинахъ однако было клеймо душевнаго надрыва и истеріи.

VIII.

КЛАДБИЩЕ.

Высокій берегъ пустынной бухты обрывисто склонился къ песчаной отмели.

Безплодная земля усѣяна камнями и пожелтѣвшіе сухіе остовы колючекъ, здѣсь рано увядающихъ подъ знойными лучами солнца, намъ говорятъ о смерти.

На голомъ плоскогоріи разбито кладбище и стройными рядами своихъ крестовъ свидѣтельствуютъ о порядкѣ, о дисциплинѣ, царящей въ лагерѣ для русскихъ бѣженцевъ въ плѣну у англичанъ на Лемносѣ. Внизу синѣетъ ярко море, а желтый песчаный цвѣтъ подъ золотистыми лучами солнца даетъ всей панорамѣ колоритъ востока.

Пустынный островъ. Все неподвижно тихо. Охвачено оцѣпенѣніемъ лѣни и полусна.

За эти годы смерть сдружилась съ русскими. Вплотную подошла ко всѣмъ.

То грозная и страшная, то безразлично спокойная, то, наконецъ, желанная и званная.

Когда на фронтѣ гремѣли пушки, мы хоронили подъ звуки канонады бойцовъ. И смерть тогда была величественна. Торжественно мы предавали землѣ тѣла людей. Мы чтили жертву родинѣ и славу подвига.

Подальше въ тылу въ тяжелыхъ мукахъ отъ ранъ, въ болѣзняхъ умирали люди. И близкіе примирялись съ неизбѣжнымъ. Смерть порою казалась прекрасною и часто говорилъ герой о деревянномъ крестикѣ, который ждетъ ихъ какъ величайшая награда за подвигъ.

Все больше гасло жизней. Все больше слезъ лилось и горе близкихъ широкою волною разливалось по родной землѣ. Съ потерей дорогихъ людей ихъ примиряла слава и подвигъ чести. Умирали смѣлые за Родину, за свой народъ.

Ударилъ часъ. Смѣнились времена и нравы. Въ высокихъ символахъ хранилась память о героизмѣ, о доблести, о подвигахъ. Но быстро развѣнчаны кумиры, и въ страшномъ потрясеніи разбито прошлое. Стыдливо покраснѣвъ, упали знамена Императорской арміи къ ногамъ старухи.

Въ народныхъ сказкахъ правятъ свой шабашъ вѣдьмы, костлявою рукою заманиваютъ рыцарей и топчутъ ихъ славу и честь.

Стуча костями, бабушка революціи благословила смерть и околдованные внуки въ экстазѣ упоенія разсѣяли ее по всей землѣ.

Нагло плюнувъ въ лицо исторіи, взобрался на высокій постъ вождя непобѣдимой арміи, внукъ бабушки и бритое лицо паяца повсюду посылало своими рѣчами смерть.

Кликушескіе вопли, гимнъ мести, убійству и разрушенію, облеченный въ лживыя трескучія слова, быстро обращалъ героя-солдата въ товарища-бандита съ душою звѣря.

Въ лучахъ „весны“ когда-то провозглашенной малоумнымъ русскимъ княземъ, купалась панорама всеразрушенія и

гибели великой міровой державы. Неровными ударами своей косы, смерть оборотилась отъ фронта непріятеля на своихъ.

Власть тьмы. Кровавая расплата со всѣми, кто оставался вѣренъ долгу, кто не топталъ своихъ кумировъ, не предавалъ Царя, не льстилъ толпѣ, не поклонялся идолу старухи, и оскверненію знаменъ. Какъ факелы свободы, обезображенные, окровавленные, повсюду валялись трупы и кладбищемъ для нихъ была вся родина. Ихъ отпѣвала ревомъ толпа, ихъ хоронили украдкой близкіе. На улицахъ терзали трупы покойниковъ бродячія собаки.

Смерть потеряла свой ореолъ и сдѣлалась обычной. Просто расправлялась толпа: выволакивала человѣка, въ изступленіи кричала: „Бей его!“

А молчаливый товарищъ съ фронта, онъ же дезертиръ, спокойно поднималъ винтовку, стрѣлялъ въ упоръ, и также безстрастно тупо, вскинувъ винтовку за плечо, и сплюнувъ въ сторону шелуху отъ сѣмячекъ, шелъ дальше.

Расправы наэлектризованной экстазомъ мести толпы смѣнили убійства бандитовъ-грабителей. По вечерамъ, какъ волки, выходили люди на улицу, охотясь на людей.

И вотъ уже четыре года, какъ во всей странѣ никто не спитъ спокойно ночью. Все грезится бандитъ-товарищъ, сѣрыя шинели, топотъ ногъ на лѣстницахъ, фигуры съ винтовками.

Кругомъ бушуетъ смерть массовая случайная, безъ выбора.

Когда на землю спускалась ночь, по всей великой когда-то землѣ, щелкали выстрѣлы коротко и сухо.

И вспоминалась сцена изъ Рокамболя.

Въ харчевнѣ на большой дорогѣ, въ мезонинѣ бабушка съ внукомъ, будущимъ разбойникомъ, играетъ въ карты. А внизу хозяинъ корчмы рѣжетъ постояльца. Къ достойнымъ игрокамъ донесся выстрѣлъ. Внукъ выразительно побилъ взятку и философски сказалъ:

— Былъ человѣкъ, — нѣтъ человѣка. Ваша сдача, маменька..,

Были люди. Не стало многихъ.

А внукъ и бабушка сидятъ теперь за ужиномъ въ шикарномъ ресторанѣ демократической Европы и вспоминаютъ:

„Не дурно жилось въ палатахъ царскихъ“... Тамъ тоже былъ человѣкъ — былъ русскій Царь... Н-да... Нѣтъ его!

— Ваша сдача, бабушка.

И грезятся старухѣ незабвенныя минуты: у ногъ ея знамена великой арміи

Не Рокамболь, а фактъ.

Уже три года въ тиши ночной тревожно ловитъ ухо выстрѣлы.

Еще погасъ огонекъ человѣческой жизни.

И восклицали со скорбью люди:

— Боже, Боже. Когда же этому конецъ?

Развернулась въ пышное лѣто княжеская весна русской жизни. Разгорѣлись манящіе вдаль Короленковскіе огоньки и пышнымъ огнемъ запылали помѣщичьи усадьбы. Правитъ свой пиръ народная русская героиня Бабушка-Яга. Разгулялась смерть и коситъ жадною рукою. Въ хаосѣ дикаго убійства со стороны „народныхъ массъ" сталъ проявляться порядокъ, система, ритуалъ...

Молодые люди изъ чрезвычайки выѣзжаютъ ночью на добычу и водворяютъ порядокъ смерти. А въ казематахъ томится цвѣтъ интеллигенціи, тотъ самый, что радостно привѣтствовалъ „весну". Съ наступленіемъ темноты здѣсь наростаетъ тревога ожиданья: ритуалъ извѣстенъ.

— Идутъ.

Тежелые шаги безмолвно глупыхъ юношей-красноармейцевъ. Подъ ихъ охраной творятъ свои реформы кровавые новаторы.

Помощникъ комисара и малограмотный солдатъ-товарищъ читаетъ по засаленной бумажкѣ имена обреченныхъ:

— Собирайте вещи!...

Машина жизни. Колесо заведено и всякія надежды — оставь.

„Они все равно какъ мертвые, они ужъ не живутъ", — хвалился мнѣ одинъ изъ палачей, еврей Янковскій. „Идутъ какъ скотъ на бойню, куда ведутъ". Сначала въ комендатуру. Отсюда черезъ улицу въ подвалъ или сарай.

Почему во всей Россіи въ подвалъ? Всегда однимъ и тѣмъ же способомъ? По ритуалу — безъ приказаній и циркуляровъ.

Мавръ сдѣлалъ свое дѣло. Красноармейцы довели обреченныхъ лишь до входа въ подвалъ. Теперь уйдите, — чекисты сами справятся.

У дверей опять историческій обрядъ, — раздѣваніе. По Карлу Марксу: экономія труда. Чтобъ съ трупа не снимать одежду, — раздѣнься самъ. Вѣрны исторіи, — дѣленіе ризъ...

Когда потомъ эти подвалы съ окровавленными стѣнами и засохшими на штукатуркѣ частицами мозговъ предстали взору публики, стѣны зловѣще молчали. И трудно было воображенію создать картину того, какъ умирали здѣсь люди, какъ думали они и чувствовали въ этотъ тяжелый послѣдній часъ.

Убивали людей какъ скотъ на бойнѣ. Черепная коробка разлеталась вдребезги отъ выстрѣла въ упоръ. Каждой ночью городской обозъ пріѣзжалъ за трупами по росписанію: во всемъ была система.

Когда-то Бого-человѣкъ несъ на Голгофу свой крестъ. Прошли тысячелѣтія, но избранный народъ не измѣнилъ своей души:

„Буржуй пусть роетъ себѣ могилу самъ“.

И рыли...

Масштабъ чекистовъ показался смерти малымъ. И разгулялась ея коса широкимъ взмахомъ эпидемій. Россія загрязнѣла, завшивѣла. И все свалилось подъ нашествіемъ многомилліардной арміи паразитовъ. Дикимъ вихремъ неслась по развалинамъ погибающей державы зараза. Трескъ выстрѣловъ смѣшался со стономъ бредящихъ. Рожденный кровью и желѣзомъ новый соціалистическій строй, все выровнялъ по хаму. Повсюду очередь: и въ жизни, и въ болѣзни, и даже въ погребеніи. Поблекли цвѣты, которыми когда-то убирали могилы близкихъ. Умирали люди далеко отъ родины и часто, обнаруживъ покойника, напрасно вопрошали: „Кто онъ?“

Вши оказались сильнѣе чекистовъ и облегчали революціи поставленную ей міровой исторіей задачу періодическаго очищенія земной поверхности отъ переизбытка населенія. Но наконецъ и это оружіе оказалось слабымъ для должнаго уничтоженія.

Поднялъ свой скипетръ Царь-голодъ. Маленькими показались предъ нимъ чекисты. Легенды говорили, что чекисты кормятъ трупами казненныхъ свиней. Царь-голодъ приказалъ и появилось людоѣдство.

Кладбища въ Россіи хранятъ съѣдобный матерьялъ...

Троцкій не унываетъ:

— Не стоитъ останавливаться передъ пустяками. Милліоны вымрутъ, — легче будетъ управляться съ пайкомъ. Земля достанется другимъ.

И грезятся: „Весна“... „Огоньки“... Старушка-Яга... Пугачевъ и... Троцкій...

* * *

Тяжелый, длинный, тернистый путь. Но въ этихъ скитаніяхъ вдругъ выпадали дни, когда люди собирались дружнымъ обществомъ и проводили время за чашею вина. Во время революціи вѣдь жизнь идетъ своимъ порядкомъ и свойства человѣка остаются прежними. Эти вечеринки бывали не пиромъ во время чумы, а дружнымъ объединеніемъ людей, которыхъ сближало страданіе и стаканъ вина. Въ состояніи легкаго возбужденія свободнѣй говорилъ языкъ. Поднимались тосты за родину и вспоминали близкихъ.

Мирная картина. Какъ хорошо мы провели тотъ вечеръ... Какъ интересно говорилъ нашъ общій другъ.

— Но гдѣ же онъ?

— Убитъ въ бою.
— А гдѣ другой?
— Погибъ отъ тифа.
— А третій гдѣ?
— Застрѣленъ румынами на Днѣстровскихъ плавняхъ...

И страшно станетъ, когда начнешь считать...

Годъ тому назадъ, на Рождествѣ собралась компанія Черниговцевъ. Ихъ было тридцать шесть. Насталъ январь и разбросала людей волна событій. Многіе погибли отъ тифа, а тѣ, кому достался отходъ въ Румынію, нашли себѣ пріютъ упокоенія въ Днѣстровскихъ плавняхъ. Ихъ разстрѣляли румыны. Ихъ грабилъ въ камышахъ русскій мужичекъ изъ мѣстныхъ деревень и ихъ прикончили бандиты-большевики отряда Котовскаго.

Теперь осталось въ живыхъ лишь шесть.

Пришла весна и вынесла своимъ разливомъ изъ камышей тысячи труповъ.

Путь въ Румынію былъ кладбищемъ для русскихъ: изъ тронувшихся въ путь двѣнадцати тысячь границу перешло лишь 1800.

Подъ сводами одной изъ комнатъ средневѣковаго замка бывшей Австріи, превращеннаго въ госпиталь-пріютъ для русскихъ бѣженцевъ, изгнанники и эмигранты молились Богу. Шла служба, обыкновенная обѣдня. Передъ иконою стоялъ священникъ и молитвенно поминалъ усопшихъ. Но становилось страшно. Длинный рядъ записокъ съ перечнемъ погибшихъ во время страшной катастрофы. Монотонно раздавался строгій голосъ въ тишинѣ, перечисляя имена. За каждымъ именемъ „убіеннаго" раба Божьяго вѣдь крылась драма. Кинематографъ воображенія сурово воспроизводилъ въ сгущенной перспективѣ смерть и гибель. Страданья безъ конца

— „Еще молимся объ упокоеніи убіеннаго раба Божьяго Николая, Анастасіи, Ефиміи, Анатолія"... Все быстрѣе и быстрѣе перечисляетъ священникъ имена и все отрывистѣе и ярче мелькаютъ сташныя картины въ душѣ молящихся. Какой страшный синодикъ, перечень. Въ жизни все это было разбросано, не такъ ужасно сгущено. Но здѣсь вѣдь то, что написали на этихъ запискахъ сюда пришедшіе люди, что мрачнымъ речитативомъ читаетъ теперь священникъ, вѣдь это все принесли въ своей душѣ стоящіе здѣсь люди. И только теперь поймешь, какъ много пережито. Вѣдь это не мертвая бумага. Слезами и кровью написаны всѣ эти имена.

Смерть выростала во весь свой ростъ. Поочередно и много разъ она касалась каждаго и всѣхъ. И непонятнымъ казалось: почему капризный жребій такъ странно выбиралъ. Шансы были равны для всѣхъ. Одни гибли легко и быстро, другіе оставались цѣлы, пройдя сквозь строй невѣроятныхъ

приключеній. Сказкой звучатъ подчасъ воспоминанія о пережитомъ. Кіевъ... Сдача города... Тяжелый путь чрезъ Украину... Одесса... Новороссійскъ...

А вѣдь мы разговаривали тогда другъ съ другомъ какъ обычно и тѣ, кто оставался живъ, по вечерамъ строили себѣ планы на завтра такъ, какъ будто міръ все будетъ тѣмъ же и мѣсто въ немъ для говорящаго еще найдется. А черезъ день все отходило въ область прошлаго, и многихъ уже не существовало. Тѣ, кто думалъ дожить до конца переживаемаго безобразія, поочередно сходили въ нѣдра небытія...

На дняхъ къ одному изъ бѣженцевъ пришло письмо. На простенькомъ листкѣ бумаги былъ закрѣпленъ страшный мортирологъ семьи. Но привыкала душа и только казалось страннымъ уцѣлевшему, какъ миновала его пока судьба.

На корабляхъ былъ настоящій адъ.

Море дружелюбно принимало въ свои обьятья покойниковъ и было кладбищемъ для многихъ русскихъ.

Вдоль полотна дороги, по которой вялымъ ходомъ ползли остатки эшалоновъ погибшей арміи, тоже было кладбище. „Ихъ“ просто сбрасывали подъ откосъ во время хода поѣзда. А по проселочнымъ дорогамъ, убитые крестьянами для ограбленія, валялись въ разбродъ отсталые интеллигенты-бѣженцы. И темной ночью въ степяхъ справляли пиръ революціи стаи бродячихъ псовъ.

* * *

На кладбищѣ Лемноса больше ста могилъ. Подъ знойными лучами солнца все выгорѣло. Распланированы могилы по чертежу и аккуратно убраны. Надъ каждою могилою крестъ. Есть надписи. Въ нихъ отголосокъ жизни. Надъ могилой интеллигентной дѣвочки, на бѣлой поверхности креста написаны ея стихи. И въ нихъ уже звучитъ предсмертная тоска. Много знакомыхъ по лагерю именъ. Какъ на всякомъ кладбищѣ здѣсь есть любимыя могилы, и можно видѣть у нихъ тѣхъ близкихъ, кто ходитъ навѣщать своихъ. Нѣсколько могилъ красиво убраны узорами изъ ракушекъ. Геологъ и натуралистъ узнаетъ въ этихъ раковинахъ оттискъ древней жизни. Эти пласты на Лемносѣ отложились давно и поднялись со дна морского еще въ третичную эпоху. Милліоны лѣтъ лежали неподвнжно и безстрастно въ пластахъ земли останки бывшихъ когда-то живыхъ существъ.

Теперь заброшенный на островъ человѣкъ, — чужой пришелецъ изъ далекихъ степей востока, — вѣнчалъ могилу близкаго красивой раковиной.

Причудливо сплетались нити жизни изъ глубины вѣковъ и съ дальнихъ разстояній.

Мирно... Тихо...

Страданія ужъ кончены и скоро разсѣется о нихъ весь дымъ воспоминаній. Пройдутъ года и о далекомъ Лемносѣ забудутъ. Теперь еще всѣ думаютъ о томъ, какъ „если все образуется“, они когда-нибудь пріѣдутъ навѣстить могилы близкихъ.

Едва ли.

И вспоминаются другія могилы.

Не такъ давно въ тѣхъ странахъ, гдѣ теперь, скитаясь, ищутъ себѣ пріюта внуки, ихъ дѣды гибли славной смертью. Духъ русскаго великаго народа порывомъ благороднаго негодованія сбросилъ оковы рабства съ братскихъ маленькихъ народовъ.

И... „мертвые изъ гроба повелѣваютъ“... Ихъ внукамъ даютъ пріютъ и кормятъ.

Другіе братья — болгары и румыны забыли прошлое.

Гонимая толпа людей въ своихъ скитаніяхъ вдругъ натыкалась на „забытыя могилы“ въ Тульчѣ, въ Варнѣ. И внуки вспоминали, какъ умирали дѣды.

Кладбище на Лемносѣ.

Сколько русской крови пролито здѣсь. А много ли людей, не только изъ родныхъ, но просто русскихъ, почтили посѣщеніемъ забытые пріюты упокоенія тѣхъ, кто жизнью заплатилъ за счастье и за свободу другихъ.

Ужъ въ третьемъ поколѣніи сражались въ Добруджѣ внуки освободителей и освобожденныхъ.

Такъ будетъ и съ Лемносомъ.

Сотня могилъ забудется. Въ послѣднiй разъ, махнувъ платкомъ привѣта „остающимся“ въ своихъ могилахъ, уѣдутъ русскiе. Черезъ два-три года, часто проносясь надъ островомъ, нордъ-остъ сотретъ опрятныя могилы и разметаетъ ракушки.

Съ уходомъ англичанъ, „порядка ради“ не станетъ никто поддерживать воспоминанiя прошлаго. И если черезъ десятокъ лѣтъ прiѣдетъ русскiй навѣстить могилу, онъ не найдетъ и кладбища.

А попадется ему подъ ногу ракушка, лежавшая недавно на могилѣ и горделиво скажетъ, что здѣсь, давно, во времена третичнаго перiода, своею скромной жизнью, безъ драмъ въ душѣ, безъ горделивыхъ помысловъ, и плановъ жилъ молюскъ.

Оставилъ онъ здѣсь слѣдъ прочнѣе чѣмъ катастрофа русскихъ и ихъ страданiя на Лемносѣ...

IX.

НА РОДИНУ! ВЪ РЯДЫ БОЙЦОВЪ!

Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать!
То-ли дѣло подъ шатрами
Въ чистомъ полѣ намъ стоять...

Звонко льется широкая русская пѣсня. Волны ея несутся отъ каменистыхъ береговъ Лемноса къ лазурному морю и расплываются въ опрокинутомъ надъ панорамою куполѣ яснаго голубого неба. Сама природа улыбается прощальнымъ привѣтомъ русскимъ плѣнникамъ, покидающимъ сегодня свой островъ убѣжища. Полгода тому назадъ ихъ выкинула сюда волна всемiрной катастрофы. Средиземная природа своею ласкою теперь смываетъ горечь обиды томившей ихъ такъ долго. Люди, возрождаясь, становятся другими.

Залиты солнцемъ море, берегъ и золотистымъ отблескомъ осенняго привѣта одѣты каменистые утесы безплодныхъ горъ. Тонкiй ароматъ великолѣпнаго утра вѣетъ свѣжестью. Прозрачна синева бездоннаго неба. Оцѣпенѣло море подъ гипнозомъ лучей осенняго солнца.

Въ лагерѣ уже два дня царитъ оживленiе и бодрость. Снуютъ повсюду люди, носятъ вещи, а на виду у всѣхъ, въ великолѣпной бухтѣ стоитъ „Херсонъ“ подъ русскимъ флагомъ.

Спокойно море. Неподвиженъ воздухъ. Залита солнцемъ пристань.

Къ ней тянутся высокія англійскія телѣги, груженыя русскимъ багажомъ. На высокихъ козлахъ фигура англичанина съ бичемъ въ рукѣ, управляетъ парою прекрасныхъ муловъ или массивныхъ лошадей. Бритое лицо возницы окаменѣло въ неподвижности.

Англійская работа: безъ суеты, безъ крика... и безъ души... Далекій намъ, особый міръ. Чуждо имъ оживленіе русскихъ, суета и радость кругомъ.

Молчаливо разстаются — раньше союзники, друзья, — теперь далекіе и чуждые другъ другу.

Коректны инглишмены. Въ мѣру активны полисмены, сдерживающіе широкую натуру русскаго. Закоренѣвшая въ понятіи непротивленія злу, не ропщетъ даже русская душа на пережитый британскій гнетъ. Усердные англо-арабы, — такъ окрестили англійскихъ переводчиковъ изъ русскихъ, — суетились свыше мѣры.

Покидаютъ Лемносъ. На берегу двѣ группы: отъѣзжающихъ и остающихся. Подходятъ группы. Прощаются.

Здѣсь тоже были встрѣчи. Посблизились, понравились другъ другу.

— Лемносъ мнѣ далъ друзей, — сказала женщина, — я научилась цѣнить, что раньше не цѣнила...

— Но чувствъ глубокихъ на Лемносѣ нѣтъ, — сказала женшина постарше, поопытнѣе.

Однихъ провожаютъ, другіе отъѣзжаютъ одиноко. Не оставили они на Лемносѣ ни кусочка своей души.

На дамбѣ нѣтъ англійскаго благоустройства: сооруженія временны. Три баржи грузятся и ждутъ „владимірцевъ". Телѣжки съ грудами вещей легко и быстро подаются на рукахъ: теперь не лѣнятся. А остающіеся говорятъ:

— Счастливые! Въ Россію ѣдутъ!

Аккордъ душевныхъ струнъ подчасъ звучитъ нестройно; не каждый попалъ на Лемносъ такъ, какъ слѣдуетъ. Не каждый выполнилъ свой долгъ. Но позабыты теперь укоры совѣсти. Движенія бодры. Въ людяхъ есть порывъ.

— Скорѣй на родину. Въ ряды!

Гордится лемносецъ тѣмъ, что ѣдетъ въ бой. И тотъ, кто самъ виновенъ въ прошломъ, забывъ свой стыдъ, теперь срываетъ на другихъ свое негодованіе: онъ ѣдетъ! Онъ герой! А тотъ, кто остается, тотъ трусъ и дезертиръ!

Краснощекій корниловецъ въ англійскихъ трусикахъ, нескромно оголившихъ мощную мускулатуру поросшихъ волосами ногъ, издѣвается надъ остающимся поручикомъ:

— А вы не ѣдете? Вы инвалидъ? Зеленый?

Въ отвѣтъ тревожный взглядъ. Брезгливый жестъ защиты... и торопливый шагъ... Смущенный взглядъ: „вѣдь почему не ѣдетъ?"

Ну, а тотъ, кто злобно укусилъ? Чистъ ли онъ въ своихъ переживаніяхъ? Забыть бы лучше прошлое! Опасный путь язвить другихъ... Кто самъ ушелъ отъ поля брани, полный силъ, на далекій островъ, глушитъ теперь свой личный стыдъ упреками.

Вотъ группа. Бѣлѣетъ платье, улыбаются, — но только губы. Глаза тоскливо смотрятъ вдаль. Скользятъ прощальныя слова, всегда одни и тѣ же. Вдругъ дрогнетъ голосъ и оборвется рѣчь. Нескромная слеза застынетъ на рѣсницахъ кристальной каплей.... Переливами цвѣтовъ играетъ въ ней осенній лучъ солнца.

Ахъ эти слезы! Какъ непрочны бываютъ вызвавшія ихъ переживанія.

И на пустынномъ островѣ, гдѣ тосковали чувства, сближались люди.

Фигура инженера въ погонахъ поручика. Интеллигентное, слегка смущенное лицо. Рядомъ съ нимъ женская фигура въ бѣломъ платьѣ. Говорятъ какъ всѣ и фразы тѣ же, что всегда. Но для нихъ слова звучатъ иначе и пѣснь иную — безъ словъ — поютъ глаза. Онъ улыбается, краснѣетъ. Легкимъ взмахомъ своихъ рѣсницъ она бросаетъ, только ему понятный взглядъ. Столько хочется сказать и столько остается недосказаннымъ...

Когда увозящая его баржа будетъ долго удаляться къ пароходу, когда всѣ будутъ глядѣть туда, и будутъ развѣваться по воздуху платки и шляпы — одиноко, въ застывшей позѣ на берегу, отдѣльно отъ другихъ, долго будетъ видна фигура въ бѣломъ платьѣ: жадно, ненасытно ловитъ взглядъ удаляющійся образъ. Онъ уменьшается, стремится къ точкѣ и скоро сольется съ темной массой корабля.

Затѣмъ смѣшается картина зеркальныхъ отраженій въ душѣ, послушная законамъ перспективы, и выступятъ въ душѣ воспоминанія. Погаснутъ и они на лентѣ прошлаго и отойдетъ въ былое то, что есть... Бредетъ, вся въ бѣломъ, уныло вдоль берега. И что за дѣло всѣмъ людямъ до ея тоски и чувства!

* * *

Вчера всѣ стали въ строй и сразу переродились люди. Чѣмъ ближе часъ отъѣзда, тѣмъ радужнѣе становились мечты. Всѣ пріодѣлись: нельзя сказать, чтобы парадна была одежда бывшихъ бѣженцевъ. А какъ отражаетъ платье, манеры, жесты все настроеніе и состояніе души! Далекій берегъ Крыма манитъ къ себѣ. И тотъ, кто долго убѣждалъ красавицъ острова, что онъ не вѣритъ въ авантюру и въ Крымъ, теперь молчитъ. Есть и иные. Тоже ѣдутъ. Но эти далеко не

пойдутъ. Не дальше тыла. А ежели судьба швырнетъ ихъ ближе къ фронту — ну, что же! Близко почудится снарядъ, а тамъ „контузія“ и „тылъ“...

Сегодня царитъ экстазъ: туда! Скорѣе! Тамъ ждетъ насъ родина! Прочь кличку бѣженца и эмигранта.

Чуть свѣтъ надъ лагеремъ пронесся звонъ колокола: „пора вставать и одѣваться! Довольно спать!“

Надъ спящимъ лагеремъ покой невозмутимаго востока.

Какъ хорошо! Даже прекрасны „чужія“, прощальнымъ блескомъ блѣднѣющія звѣзды. Багряная заря, играя золотомъ, дразнила забытую на небѣ тучку.

Страница жизни. Еще не ускользнула изъ подъ ногъ пустынная земля, а ужъ мечты далеко. И даже тѣ, кто ѣдетъ только къ „семьямъ“, — не къ Родинѣ, — кому чужды идея долга, честь, стыдятся говорить сегодня о томъ что ждутъ ихъ лишь дѣти и жена.

Дни малодушной тревоги и сѣтованій прошли. Все радостно. Все волновалось. И лица бѣженцевъ, и скалы, и бугры, все улыбалось и посылало русскихъ „впередъ!“

Легко несутъ ноги по каменистой почвѣ и даже не чувствуется тяжесть англійскихъ „танковъ“ на ступняхъ.

„Двѣ роты въ строй!“

Команда: „смирно!“

Организованная часть. Проснулся въ лемносцѣ воинъ. Вчерашній дезертиръ, забывъ о прошломъ, запѣваетъ звонкимъ теноромъ. И вторитъ мощно хоръ:

„Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!...

Замерла на берегу толпа.

И въ пѣснѣ съ моря слышится теперь не стонъ. То звуки прошлаго, былого. Взлетали въ воздухѣ платки, и громкое, веселое — ура! — щемило душу остающихся.

Взглядъ переносится вглубь острова на гору св. Иліи...

Не видитъ лишь англичанинъ.

* * *

Отходитъ баржа.

Изъ трюма поднялся англичанинъ-матросъ. Среди густой толпы онъ одинокъ Весь въ бѣломъ. Матросская фуражка набекрень. Изъ подъ нея торчитъ кудрявымъ локономъ блѣднорусый вихоръ. Засученные рукава открыли пышную татуировку: она красиво отливаетъ блескомъ на солнцѣ, когда свободными движеніями рукъ, морякъ развертываетъ канатъ. Но какъ онъ одинокъ! Словно шапка невидимка надѣта на немъ: его не видятъ.

Безплодный островъ отдалялся. Купаясь въ золотѣ осен

няго наряда, онъ слалъ своимъ невольнымъ гостямъ привѣтъ. И какъ далекъ видъ бодраго солдата отъ вчерашняго бѣженца въ пижамо. И даже тѣ, съ душою труса, на мигъ забыли страхъ.

— Тамъ на „Херсонѣ" хорошо. Уже готовы батальоны. Поѣдемъ въ бой.

Все удалялся берегъ и рѣзче становился контуръ корабля.

Такъ пробуждалась психика отверженныхъ. Больной полковникъ на костыляхъ, плелся наверхъ, на палубу. Услышавъ совѣтъ врача: „остаться", старикъ махнулъ рукою и сказалъ:

— Умереть хоть тамъ!

Слеза сползла съ рѣсницы на щеку, застыла на сукнѣ шинели.

Да! Въ этотъ часъ другіе были люди.

И подхватила съ лодки пѣсня:

Богатыри, не вы!
И если бы на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

* *
*

Подъ русскимъ флагомъ изъ Босфора уходитъ въ Россію „Херсонъ".

Салютовали суда. Отовсюду привѣтствовали ѣдущихъ въ Россію: съ пароходовъ, съ берега.

Торжественно и тихо двигалось судно. Высоко, на берегу, у башни взвился русскій флагъ: тамъ стройными рядами стояли русскіе. Машутъ платками, кричатъ ура.

Знала Европа, что ѣдутъ русскіе на подвигъ. Константинополь провожалъ. На пароходѣ ѣхали: „Египтяне", „Лемносцы", „Кипрцы", — теперь не бѣженцы, не плѣнные у англичанъ. Свободны. Идутъ служить отечеству на полѣ брани.

Заходящими лучами освѣщало солнце Царьградъ. Древній городъ Византіи, блистая золотомъ во всей красѣ, напоминалъ потомкамъ Святослава: „Россія! Я жду тебя!"

Такъ возвращался на поле брани русскій воинъ. И вспоминаются: московскіе колокола, великая Россія, самодержавный русскій Царь...

X.

DIES IRAE.
ГНѢВЪ БОЖІЙ.

И не нашлось семи праведниковъ, чтобы спасти Содомъ и Гомору отъ гибели.

(Изъ предреволюціонныхъ напѣвовъ).
„Такъ жить нельзя!“

„Нѣтъ возврата къ прошлому!“

„Отрѣчемся отъ стараго міра!“

„Ужасы Царскаго Самодержавія,
Произволъ исправниковъ и городовыхъ“.

(Изъ гимна бѣлой арміи).
„Царь намъ не кумиръ!“

Четверть вѣка тому назадъ, въ одинъ изъ Ляоянскихъ дней, когда мы входили съ полкомъ кавказской иррегулярной кавалеріи въ линію огня, вдоль дороги, по которой мы шли, въ боевомъ порядкѣ стоялъ Уссурійскій казачій полкъ. Я встрѣтилъ тамъ командира сотни, моего школьнаго товарища и отъ него впервые услышалъ фразу, торжественно прозвучавшую въ моихъ ушахъ.

„Мы переживаемъ историческое событіе“.

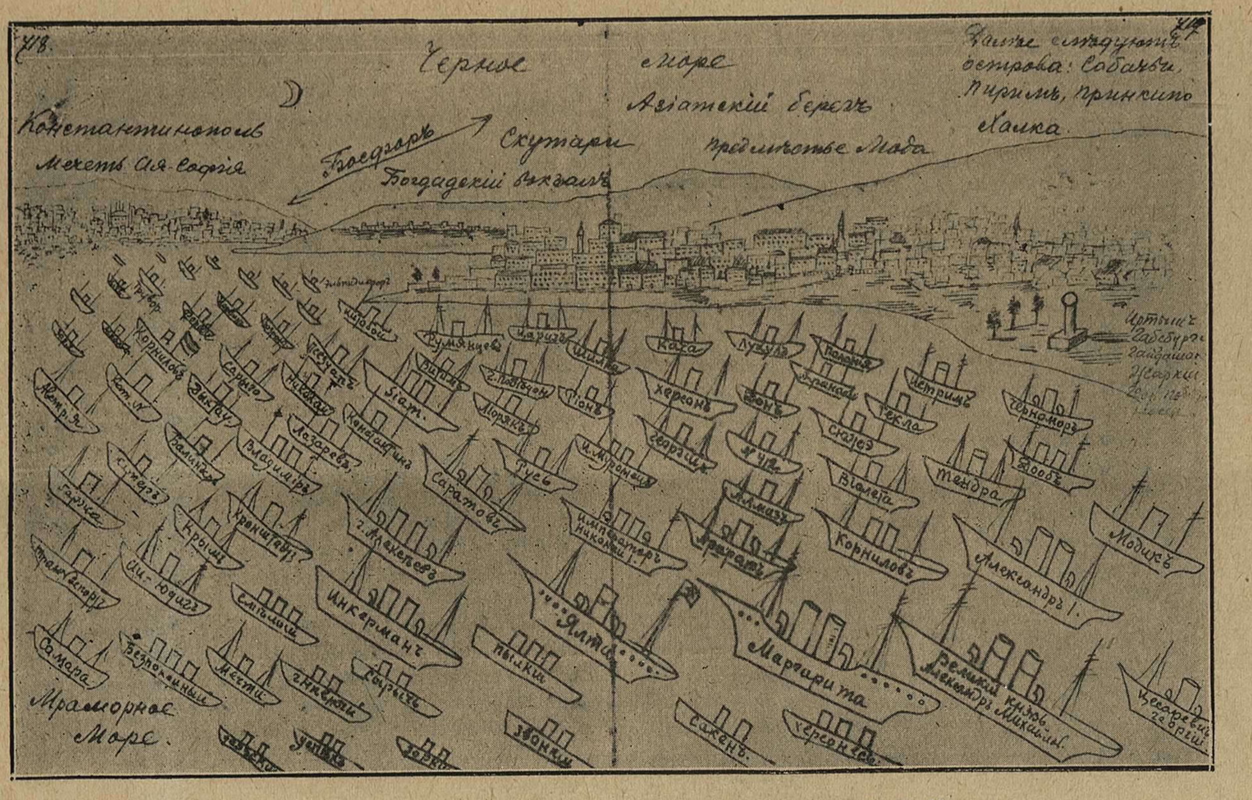
Не думали мы тогда, что величественный Ляоянъ мелькнетъ лишь блѣдной искоркой въ пожарѣ историческихъ картинъ, что то была лишь увертюра „историческихъ событій“.

Съ тѣхъ поръ неслись годы, мелькали страницы жизни, развертывались грозныя событія, потрясавшія цѣлые материки. Одна за другою слѣдовали картины то величаво-прекрасныя, то мрачныя и безобразныя, то нудныя и тусклыя. Исторія раскрывала предъ зрителемъ сцены, о которыхъ потомъ будетъ много думать и говорить потомство.

Картина міровая: у вратъ Царьграда на якорѣ стоитъ эскадра въ 120 кораблей и около 120 тысячъ людей набитыхъ въ переполненныя суда.

Исторія когда нибудь разскажетъ, какъ часть народа шла погибать въ изгнаніи, какъ героическая армія, свершивъ свой крестный путь, ведомая героемъ, теперь превращалась въ бѣженцевъ и эмигрантовъ, которымъ предстояло разсѣяться по всему земному шару и разнести по свѣту остатки духовныхъ цѣнностей, которыя удалось спасти отъ страшнаго развала.

Свершилось чудо. Въ тотъ моментъ, когда, казалось, все оставшееся непоглощеннымъ краснымъ потопомъ, еще

Эскадра ген. Врангеля подъ Константинополем. Рис, съ натуры Д. В. Краинскаго.

державшее русскій трехцвѣтный флагъ, будетъ сброшено въ море, генералъ Императорской арміи, нынѣ главнокомандующій бѣлой арміей, спокойнымъ маневромъ увелъ остатки арміи.

ПРИКАЗЪ

Правителя Юга Россіи и Главнокомандующаго Русской Арміей. Севастополь 29 окт. — 11/XI 1929 г. № 3754.

Русскіе люди!

Оставшаяся одна въ борьбѣ съ насильниками Русская Армія ведетъ неравный бой, защищая послѣдній клочекъ русской земли, гдѣ существуетъ правда и право. Въ сознаніи лежащей на мнѣ отвѣтственности я обязанъ заблаговременно предвидѣть всѣ случайности. По моему приказанію уже приступлено къ эвакуаціи и посадкѣ въ портахъ Крыма всѣхъ тѣхъ, кто раздѣлялъ съ арміей ея крестный путь: семей военно-служащихъ, чиновъ гражданскаго вѣдомства съ ихъ семьями и тѣхъ отдѣльныхъ лицъ, которымъ могла бы грозить гибель въ случаѣ прихода врага. Армія прикроетъ посадку, памятуя, что необходимыя для ея эвакуаціи суда также стоятъ въ полной готовности въ портахъ, согласно установленному расписанію.

Для выполненія долга передъ арміей и населеніемъ сдѣлано все, что въ предѣлахъ силъ человѣческихъ. Дальнѣйшіе наши пути полны неизвѣстности. Другой земли кромѣ Крыма у насъ нѣтъ. Нѣтъ и государственной казны. Открыто, какъ всегда, предупреждаю всѣхъ о томъ, что ихъ ожидаетъ. Да ниспошлетъ Господь всѣмъ силы и разумъ пережить и одолѣть русское лихолѣтіе.

Генералъ Врангель.

Трудно описать ту силу впечатлѣнія, которое произвелъ этотъ приказъ. На полную неизвѣстность! Покинутые союзниками, всѣмъ теперь ненужные и въ тягость.

— Быть можетъ никто не пуститъ къ себѣ! И это можетъ быть.

Вспоминали румынскій разстрѣлъ въ Днѣпровскихъ плавняхъ.

— Вернутъ къ большевикамъ? И это будетъ. Отъ французовъ нечего ждать другого, а англичане давно умыли руки.

— „Другіе“ можетъ быть не предали бы! — намекали на нѣмцевъ.

— Пойдемъ завоевывать себѣ землю, — шутили сквозь слезы.

Не „бѣдные люди“, не „нищіе духомъ“, а героическіе остатки борцовъ Императорской арміи, пополненные добро-

вольцами, боровшіеся съ насильниками за спасеніе отечества! Героизмъ и доблесть сквозили во всѣхъ порокахъ массъ развращенныхъ войною, а надъ всѣмъ этимъ душевнымъ хаосомъ въ ореолѣ славы стояла личность генерала Врангеля.

И въ тотъ моментъ, когда русская эскадра, шедшая подъ французскимъ флагомъ, стояла на рейдѣ подъ Константинополемъ, наши бывшіе союзники, трусливо бѣжавшіе отъ большевистскихъ бандъ въ Одессѣ, показали свое лицо.

Къ кораблямъ подъѣзжали лодки съ французскими офицерами и подъ угрозой разстрѣла требовали сдачи оружія. Дерзкое требованіе разоружить броненосцы, на одномъ изъ которыхъ находился генералъ, было обращено и къ главнокомандующему.

Но получили предатели полный достоинства отвѣтъ:

— У русскаго главнокомандующаго хватитъ силъ, чтобы выполнить свой долгъ и погибнуть съ честью въ бою. Оружія не выдать!

И струсили.

То былъ послѣдній величавый жестъ погибающей Россіи. Времена мѣнялись, демократическіе пары сгущались надъ Европой и скоро „бывшій“ главнокомандующій вынужденъ былъ отдать „приказъ номеръ второй“ (по регистру № 82), превратившій русскую армію въ ландскнехтовъ. Былъ отнятъ лозунгъ „за Вѣру, Царя и Отечество“, русскимъ офицерамъ было запрещено быть монархистами и вся идеологія русской Императорской арміи пошла прахомъ, будучи объявлена политикой.

Какъ и „приказъ № 1“, уничтожившій офицерскую честь, приказъ № 2 убилъ душу русской арміи и повторилась „панихида на Лемносѣ“ со всею ея страшною психологіей.

* * *

Тотъ, кто покинулъ Севастополь въ февралѣ, во время развала Добровольческой арміи едва могъ его узнать въ сентябрѣ 1920 г. Обычная физіономика тылового центра, скопленіе войскъ и учрежденій. Предбатальныя картины, но надъ городомъ чувствуется твердая рука главнокомандующаго, и вѣра въ него. Все еще критиковали тылъ, но говорили объ образцовомъ порядкѣ на фронтѣ и вѣрили въ успѣхъ. Государственный механизмъ работалъ. Всюду лежала печать войны.

Въ реквизированныхъ и переполненныхъ квартирахъ люди жили привычною полупоходною, полуберложною жизнью, типичною для гражданской войны, и для скитаній въ эмиграціи.

Комнаты были биткомъ набиты людьми. На полу, на

ящикахъ, на мѣшкахъ примощены постели. Грязь и безпорядокъ царятъ въ берлогахъ. Пестрый наборъ вещей, одежды, посуды, съѣстного. Постель — что Богъ послалъ: мѣшокъ съ соломой, рядно, но чаще англійское одѣяло на полу, а вмѣсто покрывала англійская шинель. Подушекъ нѣтъ: подъ головою мѣшокъ съ вещами или затасканная сумка. Вещи свалены въ кучу. Все брошено кое-какъ. Аккуратность — рѣдкое исключеніе. Паразиты и здѣсь не покидали людей, — ко всему привыкнешь въ концѣ концовъ.

Всѣ люди давно уже были ограблены и порастеряли свои вещи въ скитаніяхъ. Но страннымъ образомъ отдѣльные предметы привязывались къ человѣку: вдругъ уцѣлѣетъ эмалированная кружка или золотые часы. И человѣкъ дорожилъ такими вещами. Поизносились люди и ходили оборванные. Совершенно исчезли русскія, прекрасныя шинели и замѣнились жиденькими ангійскими. Много вещей было брошено при отступленіяхъ — и что грѣха таить — „позагнаны“, т. е. проданы, промѣнены на выпивку и на самогонъ. И однако вещи вновь накопллялис и человѣкъ долженъ былъ таскать съ собою мѣшки. Говорили, что онъ становится рабомъ своихъ вещей. Привыкли, что всюду „даютъ“ вещи. По цѣлымъ часамъ люди говорили о томъ, что „получили“, о кормовыхъ, о табачномъ и мыльномъ довольствіи, о деньгахъ, какъ будто-бы глупыя бумажки съ обозначеніемъ головокружительныхъ чиселъ, на самомъ дѣлѣ были деньги!

Кормились на эвакуаціонномъ пунктѣ вкусно, сытно: солдатскій борщъ и каша. Каждый дорожилъ своимъ кускомъ чернаго хлѣба.

Базаръ набитъ чѣмъ хочешь, но денежный бюджетъ ограниченъ и чаще приходится полюбоваться на грушу-дюшесъ, чѣмъ ее купить. Цѣны на базарахъ росли въ зависимости отъ обстановки и базаръ былъ самымъ точнымъ барометромъ катастрофическаго состоянія. Когда цѣны баснословно вздувались — это означало конецъ, т. е. эвакуацію.

Внѣслужебное время люди ютились по своимъ берлогамъ, ничего не дѣлали, валялись и проводили время посвински. Говорили одно и то же, пережевывая слухи. Объ удобствахъ давно забыли. Ужасомъ берложной жизни были отхожія мѣста. Черный хлѣбъ плохо переваривался и объемистая пища давала много отбросовъ. Водопроводы повсюду были забиты: полъ, стѣны, все было запакощено, независимо отъ того, жили ли въ домѣ интеллигенты или демократія. Хожденіе въ эти учрежденія было настоящей мукой.

Сервировка обѣденныхъ столовъ была первобытна. Ѣли цѣлый день и все съѣдобное валялось всюду. Скатерти, салфетки давно отошли въ область преданія. Вмѣсто посуды красовались коробки отъ сардинъ и отъ консервовъ. Ножи

и руки рвали пищу на куски. Отбросы тутъ же валились на столъ.

Мебель расхищалась и разбивалась, переходя изъ рукъ въ руки: сидѣли на полу, на ящикахъ. Въ полумракѣ свѣтилъ огарокъ свѣчи прилѣпленный къ столу. Комната напоминала логовище звѣрей. Люди валялись на тряпьѣ, безъ бѣлья и безъ подушекъ.

Водка украшала жизнь. Послѣ Лемносскаго голоданія, люди здѣсь насыщались всласть.

Уличная жизнь, обыкновенная, тыловая однако была довольно упорядочена. Магазины и учрежденія были открыты. Базары торговали.

Война портитъ человѣка, въ особенности затянувшаяся гражданская война. Въ послѣдніе дни Новороссійска духовное разложеніе сброшенной въ море арміи и тыловыхъ учрежденій достигло крайней степени. Теперь, въ Крыму армія подтянулась и даже тылъ сталъ лучше: дисциплина и авторитетъ Главнокомандующаго нѣсколько обуздали психику, но все же люди были уже не тѣ, что раньше.

Пороки были и на фронтѣ, но особенно неустойчивъ былъ тылъ. Сюда, во всякой войнѣ и у всѣхъ народовъ стягиваются уклоняющіеся и дезертиры и они-то и вносятъ главную струю разложенія. Дезертира, несмотря на легализированное, обычно по связямъ и протекціи, положеніе, легко узнать. Въ тайникахъ души — его гложетъ стыдъ и онъ топитъ его въ критикѣ. Онъ быстро усваиваетъ лѣвую идеологію, становится пацифистомъ, порицаетъ войну и все критикуетъ. По этой критикѣ со стороны боеспособнаго офицера, очутившагося въ тылу, сразу можно узнать невыполнившаго свой долгъ труса. Все его либеральное и пацифическое резонерство естъ инстинктивное оправданіе, которое онъ находитъ въ критикѣ и порицаніи режима и командованія. Настоящими пріютами для дезертировъ были полувоенныя организаціи, служащихъ которыхъ остроумно окрестили „земгусарами“. Эти земскіе, городскіе союзы и промышленные комитеты лишь разрушали армію и были полны дезертировъ, трусовъ и революціонеровъ. Они и выковали будущихъ военныхъ комиссаровъ типа Ворошилова и Подвойскаго.

Но разлагало бѣлыя арміи и другое: еще въ славномъ ледяномъ походѣ доблестнымъ бойцамъ пришлось волочить за собою ненужный грузъ, въ лицѣ глупаго русскаго барина, заварившаго смуту, бывшаго предсѣдателя государственной думы, и прочихъ дѣятелей переворота, о которыхъ съ презрѣніемъ отзывались вожди. Вокругъ командованія сплетались сѣти особыхъ совѣщаній и общественныхъ дѣятелей уже развалившихъ Россію при временномъ правительствѣ. Непонятнымъ образомъ въ обществѣ русскихъ генераловъ очутились

величайшіе разрушители Россіи, бомбисты-убійцы Савинковъ и Рутенбергъ. Въ ставкѣ вождей сидѣли представители командованія бывшихъ союзниковъ, предавшіе бѣлыя арміи и участвовавшіе въ заговорѣ противъ Царя.

Нѣтъ войны безъ насилій, грабежей, спекуляціи и злоупотребленій, а тылъ обыкновенно является зловоннымъ мѣстомъ, гдѣ кристализуются всѣ пороки войны.

Война выработала свою терминологію: „шкурника, ловкача, ловчилы". Эти наглые, назойливые, безстыдные, но обыкновенно практически умные люди пристраивались въ тылу, не смотря на всю борьбу съ дезертирствомъ. Всюду побѣждали нахалы. Человѣкъ часто не выдерживалъ испытаніе на порядочность. Когда кто-нибудь „грызъ кость", сосѣди огрызались. Уваженіе къ себѣ подобнымъ падало, люди становились злыми, завистливыми, эгоистичными и часто ненавидѣли другъ друга. Раздражительность и сварливость особенно усиливались во время голода. Недоѣданіе дѣлало людей несдержанными и вспыльчивыми.

За время войны и революціи потокъ людей передвигался какъ цѣлое: одни и тѣ же люди то разносились по разнымъ городамъ и государствамъ, то вновь встрѣчались при самыхъ неожиданныхъ обстоятельствахъ. Тѣ же люди помногу разъ встрѣчались въ однихъ и тѣхъ же центрахъ: какъ поплавки въ потокахъ, — то столкнутся, то снова разойдутся.

На фронтѣ, въ Германіи подъ Грюнвальдомъ, Вильно, черезъ два года — Кіевъ, потомъ Одесса, Новороссійскъ Константинополь, Крымъ... Море, Сербія... И все однѣ и тѣ же встрѣчи. По теченію несетъ потокъ свой поплавокъ, и физикъ судитъ по его движенію о направленіи потока. Теперь, въ Крыму сошлись лишь тѣ, кто выдержалъ тяжелый путь испытаній и чью идеологію еще не окончательно сломило пережитое. Разными путями люди шли къ общему концу.

* * *

Въ началѣ октября 1920 г. обозначился переломъ на фронтѣ. Большевики заключили миръ съ поляками и теперь всѣми силами должны были обрушиться на Врангеля. Доблестная армія напряженно и успѣшно вела бой. Но уже чувствовался колоссальный перевѣсъ силъ на сторонѣ большевиковъ. Большое недоумѣніе вызвалъ слухъ пронесшійся въ началѣ октября, что Врангель получилъ извѣщеніе, что въ случаѣ эвакуаціи арміи, ему будетъ обезпеченъ отходъ на Константинополь, ибо бывшіе союзники считаютъ полезнымъ сохранить армію для пользы Европы.

Событія пошли скорѣе чѣмъ думали. Большевики за

Перекопомъ прорвали фронтъ и получился т. наз. слоеный пирогъ. Шутили, что Врангель съѣстъ его. Еще вѣрили въ успѣхъ и говорили о побѣдахъ. Но базарныя цѣны говорили другое.

Въ половинѣ октября пронесся слухъ, что кутеповская армія отрѣзана, что красная армія прорвалась къ Перекопу. Послѣ 20-го октября узнали, что армія съ большими потерями отошла къ Перекопу и тамъ остановилась. Но въ Севастополѣ еще не допускали мысли о возможности оставленія Крыма. Армія сражалась хорошо.

Пронесся слухъ, что „на фронтѣ что-то случилось", но такъ и не узнали, въ чемъ дѣло. Чувствовалось, что Перекопъ потерянъ, не оправдавъ надеждъ. Одна версія говорила объ обходѣ красными нашихъ позицій черезъ Сивашъ. Двѣ пѣхотныя и одна кавалерійская дивизія будто бы зашли въ тылъ нашимъ. Однако наши войска и здѣсь оказались на высотѣ: Дроздовская дивизія сомкнулась и проложила себѣ путь, но Перекопъ былъ потерянъ и участь Крыма рѣшена. Въ это время никто серьезно не думалъ объ эвакуаціи: она казалась невозможною. Куда эвакуироваться? На чемъ? Никто не подозрѣвалъ о готовности флота. Люди привыкли къ катастрофамъ, о будущемъ какъ-то не думалось.

28-го октября учрежденія еще работали. Невидимая рука въ глубокой тайнѣ подготовляла номеръ, который долженъ былъ удивить весь міръ.

Въ тотъ же день транспортъ раненыхъ начали грузить на пароходъ „Ялта". Не успѣли еще люди подумать о томъ, что съ ними будетъ, какъ начала осуществляться эвакуація. Для каждаго учрежденія былъ назначенъ пароходъ и часъ посадки.

29 октября. Мракъ ночи около 6 ч. утра былъ полный. Только вплотную подойдя къ пришвартованному къ пристани пароходу можно было увидѣть контуръ корабля съ потушенными огнями. Весь пароходъ и палуба были биткомъ набиты людьми. Давка была невѣроятная. Но посадка происходила въ порядкѣ и не было тѣхъ потрясающихъ сценъ предыдущихъ эвакуацій Одессы и Новороссійска, когда мѣста брались съ бою.

Когда разсвѣло, взору зрителя предстала грандіозная картина: эвакуація шла во всю и десятки тысячъ людей грузились на пароходъ. Былъ ясный осенній солнечный день. Вереницами тянулись по берегамъ люди и повозки. Весь берегъ былъ усѣянъ людьми. Но былъ порядокъ, не было ни толкотни, ни давки.

На палубы кораблей поднимали тюки и вещи. По сходнямъ и трапамъ непрерывно ползла людская лента. И даже на огромный „Кронштадтъ", давно вышедшій изъ плаванія,

грузились люди. У разводного моста, когда проходилъ пароходъ, стояла какъ обычно группа ожидающихъ и видъ ихъ былъ такой, будто шли они за своимъ обычнымъ дѣломъ. Суда были нагружены углемъ и готовы къ отходу.

Картина поражала своею грандіозностью. Солнце ярко освѣщало обреченный городъ, мягко обрисовывая склоны горъ, почти сплошь покрытые людьми.

На сѣверной бухтѣ картина была та же. Суда стояли у береговъ и грузились. По зеркальной поверхности бухты сновали ялики съ запоздалыми пассажирами, загруженные вещами. Тѣ, кто уже сидѣлъ на корабляхъ, волками смотрѣли на прибывающихъ: такова уже психологія пассажировъ, — „хватитъ ли де всѣмъ мѣста?" Комендантъ парохода или самозванно распоряжавшіеся земгусары, поставили на трапахъ часовыхъ и не пускали новыхъ пассажировъ.

Правда, корабль былъ набитъ биткомъ, но два десятка лишнихъ пассажировъ, не потопили бы парохода.

И здѣсь не обходилось безъ протекціи. Имя „сенатора Иваницкаго" какъ магическія слова „Сезамъ, отворись!" давало спасеніе на жизнь и входъ на пароходъ. Безъ терній нѣтъ пути. Были они и здѣсь. У пристани морского госпиталя столпились больные и раненые, и требовали отъ лодочника, чтобы онъ ихъ перевезъ. Тотъ торговался и не хотѣлъ везти. Тогда одинъ изъ офицеровъ выстрѣлилъ въ воздухъ изъ револьвера, — лодочникъ повиновался.

Пароходъ стоялъ на рейдѣ сѣверной бухты. Никто не думалъ, что сегодня выйдемъ въ море. Казалось, что погрузка будетъ длиться безъ конца.

Около четырехъ часовъ дня на кораблѣ засуетились: пріѣхалъ офицеръ отъ командующаго флотомъ и разнесъ:

— Зачѣмъ вышли изъ южной бухты безъ разрѣшенія? Вернуться назадъ и забрать еще раненыхъ!

— Есть!...

Картина въ южной бухтѣ развернулась еще красочнѣе. Еще болѣе былъ усѣянъ берегъ людьми и шла погрузка. Говорили, что въ городѣ царилъ порядокъ. Пароходъ „Ялта" присталъ къ мѣсту утренней стоянки на угольной пристани. Здѣсь берегъ былъ безлюденъ. Рядомъ неподвижно стояли остовы „нынѣ покойныхъ" бывшихъ русскихъ броненосцевъ. Стоявшія здѣсь еще вчера подводныя лодки ушли. На пристани остались кучи угля и мѣшки съ сѣрою.

Вдругъ проявилась безпечность: уже расположившіеся на пароходѣ, вѣря, что скоро не отойдемъ, рвались въ городъ. Имъ объясняли, что это рисковано, что можемъ отойти въ любой моментъ, а они останутся. Ничто не помогало: „Э! Пустяки! Простоимъ до завтра"! — И уходили.

На пароходѣ было объявлено, что кто хочетъ, можетъ

остаться. Нѣсколько большевиковъ и бывшихъ красноармейцевъ сошли на берегъ. Быстро темнѣло. У парохода бродили люди. Съ палубы давали порученія въ городъ человѣка въ бѣлой папахѣ:

— На триста тысячь рублей купи табаку, а на 200 тысячь хлѣба и грушъ!

Тутъ же спекулировало два мальчика, предлагая свои услуги пойти купить что нужно.

Время шло. Ужъ въ полной темнотѣ, по одиночкѣ стали прибывать раненые пѣшкомъ.

Изъ города вернулись съ печальными вѣстями: уже нельзя было достать ничего. Передавали, что „частная публика" уже громитъ и грабитъ интендантство.

Пришедшій сообщилъ, что въ одномъ изъ госпиталей санитары уже поизнасиловали сестеръ и расправились съ врачами. Передавали однако, что рабочіе держатъ себя корректно и даже содѣйствуютъ Врангелю.

Звонкимъ эхомъ этому сообщенію надъ берегомъ пронесся первый ружейный выстрѣлъ.

— Ну! Началось.

Знакомая картина. Изъ норъ своихъ вылѣзали грабители, именуемые мѣстными большевиками. Поднималась пальба и начались убійства. Картина получала зловѣщій колоритъ. Въ душу человѣка прокрадывался страхъ. Напряженно ждали.

И началось. Сначала одиночно щелкали выстрѣлы, потомъ послышалась дробь пулемета, въ сторонѣ вокзала совсѣмъ близко. Вдругъ раздался голосъ:

„Уже зажгли!"

Ночная тьма мягко освѣтилась заревомъ и постепенно сталъ разгораться пожаръ. Близко одъ корабля, на противоположномъ берегу бухты, загорѣлся складъ американскаго краснаго креста, высокое пяти-этажное зданіе бывшей когда-то мельницы.

Бандиты зажгли его и грабили. Зарево пожара расширялось и красиво освѣщало городъ.

Тревожно становилось на душѣ. Скоро откроется стрѣльба и по пароходу.

Въ горящемъ складѣ были бензинъ и вата. Онъ горѣлъ теперь какъ карточный домикъ. Огненная пыль и головни летѣли по направленію къ бухтѣ и положеніе корабля становилось опаснымъ. Вернулся изъ города земскій уполномоченный и пошушукался съ капитаномъ:

— Положеніе таково...

Мы все стояли и ждали.

Пронесся слухъ, что близко отъ горящаго зданія находится складъ снарядовъ и страхъ все больше охватывалъ

людей. А какъ нарочно, только теперь начали подходить усиленно изъ города больные и трапъ работалъ во всю.

* * *

Собирались къ отходу. Нервничали. Трудно было удержать спокойствіе. Освѣщенные заревомъ пожара фигуры все подходили къ пароходу. Три женщины на пароходѣ засуетились. Какъ ихъ предупреждали, такъ и случилось. У одной изъ нихъ ушла въ городъ дочь. У другой ушли отецъ и мужъ.

Онѣ метались по палубѣ, вопрошая, что дѣлать?

Крыша горящаго зданія обрушилась. Изъ оконъ пышными языками вырывалось пламя къ безвѣтренному небу. Было жутко красиво. Отъ грозной картины не отрывался взглядъ.

Чѣмъ сильнѣе чувствовалась необходимость отходить, тѣмъ больше прибывало раненыхъ. Это волновало тѣхъ, кто уже былъ на пароходѣ.

Торопили подходящихъ.

Сверху кричали: „поднимайте трапъ!“

Снизу отвѣчали:

— Нельзя. Подождите. Не всѣхъ взяли.

И снова торопили.

На встрѣчу поднимавшимся по трапу спускался матросъ съ весломъ, чтобы отпустить канаты. Ежесекундно росла опасность. Ожидали взрыва бензина. Картина напоминала Новороссійскъ, когда вблизи парохода „Саратовъ“ груженаго 5000-ми пудовъ пироксилина горѣли вагоны съ патронами.

* * *

Пожаръ есть неизбѣжный спутникъ войны. Огонь и мечъ уничтожаютъ все. Сколько обгорѣлыхъ остововъ цѣлыхъ городовъ мы видѣли! Отъ города Роминтена въ Восточной Пруссіи остался лишь скелетъ почернѣвшихъ кирпичныхъ стѣнъ съ зіяющими дырами бывшихъ оконъ и дверей. Шесть лѣтъ тому назадъ, въ жуткую ночь мы отступали отъ Мазурскихъ озеръ; по дорогѣ пылали усадьбы. Цѣлое предмѣстье Кіева со складомъ снарядовъ было взорвано украинскими эсерами въ 1918 году и жуткая картина пожара и взрывовъ надолго запечатлѣлась въ памяти. Радовала душу кіевлянина картина пожара сожженнаго большевиками дома предателя Грушевскаго. Всегда въ жуткій моментъ катастрофы, очистительный огонь озаряетъ картину гибели, подавляя душу зрителей.

* * *

Черный остовъ корабля съ потушенными огнями сталъ отдѣляться отъ пристани. Освѣщенный заревомъ черный бортъ отливалъ бронзою...

Вдругъ воздухъ огласился дикимъ воплемъ. Старуха выла безостановочно и страшно:

— До-очь! А-а-а! Моя дочь!

А съ берега вторилъ отчаянный крикъ:

— Ма-а-мма!

Фигура на берегу металась, хватаясь за голову.

Всѣ понимали, что остановить пароходъ было невозможно. Это отчаяніе вселяло ужасъ: дочь оставалась на насиліе большевиковъ!

Сверху, съ рубки вдругъ прозвучалъ спокойный голосъ капитана:

— Тамъ, на берегу шлюпка съ корабля!

Всѣ подхватили: „тамъ шлюпка!"

Съ берега послышалось морское:

— Есть!

Старуха не понимала, пока ей не разъяснили, что матросъ привезетъ ей дочь.

Другія двѣ женщины метались въ горѣ: остался отецъ и мужъ. Ихъ долго успокаивали, что они сядутъ на другой корабль.

Бушевало пламя. Вою женщины вторили выстрѣлы. Плавно двигался корабль, а съ высоты безоблачнаго неба спокойно сверкали звѣзды. Тихъ былъ воздухъ и зеркально-бронзовая была поверхность бухты.

Незамѣтно ускоряя ходъ, корабль отдалялся отъ берега и легче вздыхала душа.

И тихимъ аккордомъ въ этотъ жуткій часъ мягко поднялись звуки хора и, мощно наростая, вознеслась къ небу молитва: „Отче нашъ!"

Торжественно и стройно пѣлъ многолюдный хоръ. Ночная тишина вторила хору, а отблескъ зарева пожара обрисовывалъ картину берега покидаемаго города. Какъ въ сказкѣ столбы огня вздымались къ небу.

Закоренѣвшая въ несчастьяхъ душа скитальцевъ на мигъ сроднилась съ божествомъ. Молитва напоминала о многомъ... Горсть всѣми покинутыхъ людей вручала судьбу Богу...

Было свѣтло какъ днемъ. Съ миноносца, мимо котораго мы шли, намъ въ рупоръ крикнули:

— Кто идетъ?

— „Ялта".

— Возьмите на буксиръ миноносецъ „Капитанъ Сакенъ" и слѣдуйте въ Константинополь!

— Есть!

У выхода на рейдъ мы поровнялись съ французскимъ броненосцемъ „Вальдекъ Руссо". Суда залитыя огнями и въ свѣтѣ зарева сіяли чистотою. Горѣвшій огнями рейдъ медленно отдалялся и черная ночь поглотила въ свои объятья корабль везущій своихъ скитальцевъ на новый, тяжелый, крестный путь и гибель.

* * *

То былъ день гнѣва Божьяго, когда пришла расплата за отреченіе отъ „стараго міра".

Сзади оставалась распятая Россія съ ея былымъ величіемъ и мощью. Героическія бѣлыя арміи почти цѣликомъ состояли изъ офицеровъ Императорской арміи съ ея традиціями и лозунгами. Но таково было время, что лозунги были помрачены и ихъ можно было хранить лишь въ тайникахъ души.

На верхахъ бѣлой арміи слагалась новая идеологія: старый режимъ былъ осужденъ: „къ старому возврата нѣтъ". Но и большевики, углубившіе революцію до ея естественнаго предѣла, были отвергнуты. Сказочно-прекрасная дореволюціонная жизнь, съ ея духовною культурою, свободою и правомъ была легендарно искажена и одна изъ лучшихъ династій міра, безнадежно оклеветана.

Старались выработать новые лозунги, говорили о мифическихъ завоеваніяхъ революціи и провозгласили новую идеологію. Въ эмиграцію уходила стотысячная масса съ неопредѣленными девизами. Провозглашалась борьба не съ революціей, а съ большевиками какъ разъ въ тотъ моментъ, когда фактически борьба съ большевиками была закончена. Русская эмиграція, какъ нѣкогда Греки, разноситъ по всему земному шару культуру Императорской Россіи, но охваченная бредомъ революціи все продолжаетъ клеветать на старое. Выдѣлилась большая группа, которая мечтала о новой демократической, республиканской Россіи. Когда маститые генералы, — герои великой войны, раньше бывшіе офицерами гвардейскихъ полковъ близкихъ Государю, — отрекались отъ историческаго лозунга и провозглашали себя непредрѣшенцами, то означало конецъ Россіи. Должны были смѣшаться языки и dies irae долженъ былъ смести съ полей сраженія армію, не знавшую *за кого* она сражается.

Dies irae для старой Россіи пробилъ. Пробьетъ ли онъ для революціи? Или быть можетъ, на основахъ большевизма новому міру все-таки суждено осуществить тотъ рай, о которомъ мечтали сторонники революціи?

Едва ли.

* * *

Революціонное безуміе охватывало, заражая своими пороками слои людей олицетворяющіе тотъ самый старый міръ, противъ котораго была направлена революція. „Перелеты“, отмѣченные исторіей всякаго смутнаго времени, „отрекающіеся, предающіе и измѣняющіе“ — пестрили въ рядахъ содѣятелей новаго строя.

Русскій баринъ, со всѣми традиціями и пороками стараго режима, бывшій предсѣдатель государственной думы, охваченный честолюбіемъ, предалъ Царя и возглавилъ революцію, которая его отвергла. Всѣми презираемый, онъ спитъ тревожнымъ вѣчнымъ сномъ въ изгнаніи и слово осужденія честолюбцу, вовлекшему въ заговоръ одного изъ пословъ союзныхъ державъ уже сказано исторіей.

Не миновала чаша разложенія и Императорскую армію, оставшуюся непобѣжденною на поляхъ сраженія.

Также на чужбинѣ есть забытая могила. Къ чести русскихъ къ ней „заросла народная тропа“. Въ ней покоится прахъ ближайшаго сотрудника Царя.

Тотъ, кто по праву могъ войти въ исторію подъ именемъ русскаго богатыря, кто былъ возведенъ изъ низовъ рожденія на первый послѣ Государя постъ въ Имперіи, почилъ безславно. Воинскую славу, честь и доблесть подвига, — все поглотила революція, оставивъ потомству повѣсть объ измѣнахъ, невыполненномъ долгѣ и нарушеной присягѣ.

Выдвинутый революціей генералъ, арестовавшій семью Царя и наградившій военнымъ орденомъ взбунтовавшагося солдата за убійство офицера, сраженъ большевистскимъ снарядомъ въ борьбѣ за искупленіе своихъ грѣховъ. Слава героя двухъ войнъ, померкла и предана исторіи съ клеймомъ измѣны.

Зарубленъ большевицкими шашками главнокомандующій фронтомъ, сорвавшій свои генералъ-адъютанскіе вензеля, клявшійся подъ стѣнами Пскова въ вѣрности революціи. Не стоило трудиться: большевики отвергли „перелета“ и исторія получитъ имя его опозореннымъ.

Такъ сходятъ безславно въ могилу воины, отрекающіеся отъ прошлаго, не предрѣшающіе будущаго и невыполнившіе своего долга.

Другая группа русскихъ воиновъ въ станѣ вражескомъ: то спецы — рабы большевиковъ. Имъ чужды иллюзіи непредрѣшенства, но разбиты ихъ честолюбивыя мечты. Они останутся лишь спецами. Миражъ Наполеона давно разсѣянъ на службѣ у большевиковъ. На горе родины и на страхъ врагамъ ими выкована кроваво-красная армія, которая въ ближайшемъ будущемъ сотретъ съ лица земли старый культурный міръ, вселяя въ Европѣ ужасъ и смерть...

„Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“.

XI.

ГЕНЕРАЛЪ.

(Съ натуры).

Это было еще въ то время, когда Великая Держава въ порывѣ благороднаго негодованія бросила свою армію спасать Парижъ. Мы знали, что надо идти впередъ во что бы то ни стало, что надо, не считая жертвъ, спѣшить, не дожидаясь тяжелыхъ дивизіоновъ. Дорога минута: наши союзники французы изнемогали на западномъ фронтѣ. Туда германцы бросили всѣ свои силы, не вѣря въ быстрое наступленіе съ востока.

Тогда вся армія переживала еще отголоски экстаза, съ которымъ было встрѣчено объвленіе войны и наша дивизія быстро перешла границу.

Теплые августовскіе дни заливали мягкимъ свѣтомъ непривычные для глаза ландшафты селеній восточной Пруссіи и чистые бѣлые домики крытые красно-желтою черепицей красиво выдѣлялись на зелени полей и золотистыхъ сжатыхъ нивъ.

Повсюду обрисовались батальныя картины и напряженно сплетались въ душѣ переживанія. Тотъ, кто пережилъ одну войну, чувствовалъ въ нихъ знакомое и чутко натягивались душевныя струны.

Мечъ войны поочередно касался цвѣтущихъ деревень и малыхъ городовъ, которые мы проходили. Однимъ это движеніе причиняло торжество и радость, другимъ несло горе и разореніе. Тамъ, гдѣ со своимъ штыкомъ прошелъ солдатъ, все предавалось разрушенію. Въ уютныхъ домикахъ все обращалось въ мусоръ и запуганныя фигуры женщинъ и дѣтей ютились группами въ углахъ, безмолвно ожидая рѣшенія своей судьбы. Еще никто не понималъ, что значитъ война, но драма человѣческой исторіи уже приподнимала свой занавѣсъ.

Наша армія быстро двигалась впередъ, не задерживаясь, обложила небольшую крѣпость Летценъ, и вступили въ область Мазурскихъ озеръ.

О нихъ ходило много легендъ и щекотали онѣ по временамъ воображеніе. То говорили, что всѣ проходы между озерами минированы, или, что, открывъ шлюзы, германцы зальютъ всю мѣстность вмѣстѣ съ русскою арміей. Но наша дивизія все шла.

Мы составляли правофланговый корпусъ второй арміи генерала Самсонова и выполняли какую-то задачу. Съ того момента, когда перешли границу, мы уже ничего не знали объ общемъ положеніи дѣлъ. Вправо отъ насъ шла первая армія генераля Рененкампфа.

Мы жили напряженною походною жизнью, ежеминутно ожидая столкновенiй съ непрiятелемъ. Всѣ были охвачены увѣренностью въ свои силы и часто говорили, что опытъ прошлой японской войны для насъ не пропадетъ даромъ.

Боевой порядокъ былъ полный. Въ занятыхъ селенiяхъ держались стройно и по домамъ проходили патрули. И только страшная картина разрушенiя и разгрома жилищъ напоминала, что идетъ самая настоящая и безпощадная война.

Повсюду по сторонамъ дороги валялись обломки повозокъ и разбитыя, не далеко унесенныя, вещи. Особенно часто попадались сломанные велосипеды, швейныя машины и грамофоны. Изрѣдка, уже въ сторонѣ отъ дороги, валялся неизмѣнный спутникъ военной жизни — трупъ лошади. Парящiе надъ нами аэропланы были еще новинкою и люди напряженно слѣдили за высоко летящей птицей, стараясь разгадать, нашъ ли это аппаратъ или непрiятельскiй.

Въ одинъ изъ первыхъ дней наступленiя мы получили изъ армiи Рененкампфа, справа отъ насъ, извѣстiе объ успѣшномъ боѣ съ германцами подъ Гумбиненомъ. Это подняло наше настроенiе. Мы двинулись впередъ и скоро достигли Летцена. Внезапно нашъ корпусъ получилъ приказъ двинуться вправо, на сѣверъ и фланговымъ маршемъ, минуя Летценъ, перейти въ армiю Рененкампфа. Этотъ переходъ былъ выполненъ легко и быстро, но уже съ нѣсколькими небольшими стычками. Мы напряженно шли впередъ, очутившись на уровнѣ Фридлянда, къ югу отъ 4-го корпуса.

Въ ясный августовскiй день мы двигались къ селенiю, гдѣ только что взяли нѣсколько десятковъ плѣнныхъ германцевъ. На душѣ у всѣхъ бодро теплилась надежда, какъ вдругъ пронеслось грозное слово: — отступленiе.

Это было ударомъ. Со времени японской кампанiи мы боялись этого слова. Всѣ говорили: „только бы не отступать".

Впервые я услышалъ это слово отъ двухъ офицеровъ, ѣхавшихъ на повозкѣ навстрѣчу отряду. Имъ не повѣрили. Дальше по шоссе намъ встрѣтился велосипедистъ, посланный съ приказанiемъ и подтвердилъ вѣсть. Но мы все еще продолжали двигаться впередъ. Навстрѣчу попался артиллерiйскiй обозъ. Типичный фельдфебель его недоумѣвалъ: что случилось?

Шли успѣшно. Крупныхъ сопротивленiй не было даже со стороны непрiятеля.

И вдругъ...

Черезъ нѣсколько часовъ по шоссе уже потянулись вереницы обозовъ, запрудили дороги и обрисовалась проклятая для тѣхъ, кто видѣлъ ее въ Манджурiи, картина отступленiя. Надъ армiей сгустились тучи. Никто не зналъ, въ чемъ дѣло. Поднимался глухой привычный по прежней вой-

нѣ ропотъ. И мало по малу, невѣдомо откуда, сталъ выкристализовываться слухъ.

Что-то случилось для насъ неблагопріятное. Нашъ планъ обойти непріятеля и захватить его въ ловушку намъ не удался и, чтобы спасти положеніе, надо было сдѣлать перегруппировку. Всю армію быстро отводили назадъ. Мы шли три дня и ночи къ перешейкамъ уже пройденныхъ Мазурскихъ озеръ и здѣсь остановились окопавшись.

Катастрофа Самсоновской арміи, изъ которой нашъ корпусъ только что ушелъ, обрисовывалась со всею ея непонятностью и колоссальностью размѣровъ. Погибла не дивизія, а цѣлая вторая армія. Около 100 тысячъ человѣкъ окруженные германцами, почти безъ боя сдались, открывъ имъ путь на Варшаву. И теперь, ликвидировавъ свои трофеи, германцы надвигались на насъ.

Генералъ Самсоновъ будто бы застрѣлился, а цѣлые корпуса, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, пошли въ Берлинъ не въ роли побѣдителей, а въ тогѣ побѣжденныхъ.

Черезъ недѣлю въ напряженномъ бою на Мазурскихъ озерахъ наша дивизія была почти уничтожена и я съ небольшимъ отрядомъ вырвался изъ окруженнаго Гольдапа.

Съ тѣхъ поръ въ душѣ висѣли картины, — не нашего разгрома на Мазурскихъ озерахъ, отъ котораго все же ушли въ сравнительной цѣлости остатки арміи, — а катастрофа арміи Самсонова. И мракъ пораженія смягчался формулой:

— А все-таки цѣною такихъ жертвъ спасенъ Парижъ.

Нѣмцы, прервавъ сраженіе на Марнѣ, бросили свои силы на востокъ и русская армія выполнила свою задачу самопожертвованія.

* * *

Наша дивизія пополнилась и дѣйствовала подъ Варшавой.

Однажды мнѣ попался въ руки клочекъ газеты. Въ ней съ негодованіемъ опровергалось откуда-то дошедшее сообщеніе о томъ, что нѣмцы возятъ въ клѣткѣ и выставляютъ на показъ взятаго въ плѣнъ подъ Сольдау виднаго русскаго генерала. Тамъ говорилось, что Самсоновъ не пережилъ своего позора и покончилъ съ собою и что никакого „большого генерала“ въ плѣну у нѣмцевъ нѣтъ.

Въ вихрѣ военныхъ впечатлѣній смѣнялось много образовъ. Но даже картины боя не могли вытѣснить этой фантастической картины нѣмецкихъ дѣйствій.

Грезились: „большой русскій генералъ, возимый въ клѣткѣ на показъ нѣмецкому народу“.

Съ тѣхъ поръ миновало много страницъ исторіи.

Но сквозь весь наметъ картинъ и впечатлѣній остался

одинъ неизгладимый образъ: катастрофа у Сольдау и сдача огромной русской арміи тонкой нити войскъ Гинденбурга...

* * *

Неслись картины въ кинематографѣ жизни. Море человѣческихъ страстей выносило на свою поверхность подвиги героизма, чести. Вѣнчали героевъ славою. Она смѣнялась низостью измѣны, предательствомъ, и все скрутилось въ страшномъ вихрѣ всеуничтоженія и ужаса развала.

На лентѣ прошлаго теперь пестрѣли катастрофы посильнѣе плѣна Сольдауской арміи. На время очутившись внѣ рядовъ разметанной грозою арміи, въ условіяхъ городской жизни, много страшныхъ картинъ видѣлъ глазъ офицера бывшей великой арміи.

Дикая толпа „товарищей матросовъ", — „краса и гордость русской революціи" рѣзала офицеровъ какъ скотъ и ставила ихъ къ стѣнкѣ. Разрушалась жизнь, гибла культура и народныя сокровища. Дико правила свой шабашъ сила ненависти и мщенія.

Снова очутившись въ рядахъ сформировавшихся бѣлыхъ армій и вновь переживая всѣ тяжести неравной борьбы, я видѣлъ страшныя картины. На поляхъ сраженія, въ суматохѣ уличнаго боя, въ нетопленной теплушкѣ ползущаго эшалона разбитой арміи, на полу переполненнаго сарая-госпиталя, въ сыпно-тифозномъ бреду, кошмары тяжело давили психику образами пережитого. И страшными видѣніями полусна повторялось то, что уже минуло въ реальной жизни.

Когда въ набитыхъ людьми мрачныхъ трюмахъ пароходовъ измученное болѣзнью тѣло заѣдали вши, — въ душѣ царили образы воспоминаній и становилось мрачно.

Но красной нитью сквозь эти видѣнія, почему-то грезился большой русскій генералъ, Сольдау и клѣтка.

* * *

Бурные порывы борьбы смѣнило униженіе изгнанія. Борцы за родину превратились въ бѣженцевъ и выпили до дна всю чашу горя побѣжденныхъ. Въ душѣ еще висѣли обрывки воспоминаній о томъ, какъ не щадя себя, мы все-таки спасли Парижъ.

Теперь надъ нами издѣвались темнокожіе зуавы и французское презрѣніе наводило на грустныя размышленія о непрочности душевныхъ чувствъ.

И снова вспоминалось Сольдау и думалось, что было бы, если бы „генералъ въ клѣткѣ" не сдался, а съ мощнымъ своимъ корпусомъ исполнилъ бы свой долгъ.

И горько сжималось сердце.

Ко всему привыкаетъ душа. Въ шкурѣ бѣженца бывшіе воины разсѣялись въ чужой землѣ и гордость ихъ смирилась. Покорно принимали подаяніе внуки тѣхъ, чьи дѣды... И также покорно выслушивали упреки: „зачѣмъ ѣдятъ нашъ хлѣбъ?“...

Научилась душа изгнанника цѣнить благодѣянія и обуздался строптивый духъ.

Въ мирной обстановкѣ жизни забывалось прошлое величіе. Люди, бывшіе на родинѣ „большими“ здѣсь стали маленькими. И были довольны тѣмъ, что могутъ быть не голодны.

И никого не удивитъ теперь метаморфоза.

Оборванныя и изможденныя тѣни бывшихъ людей мало говорятъ объ ихъ прежней доблести или о низкой роли, которую они съиграли въ гибели своей отчизны.

Въ хаосѣ словъ и ложныхъ лозунговъ уже давно запуталась душа бѣженца, который не знаетъ, какому Богу служить, откуда ждать луча надежды.

Жизнь нудная подъ спудомъ жизни пріютившей ихъ страны.

Все озираешься: не пришибли бы еще. Не выгнали бы.

Душа привыкла къ оскорбленіямъ и гордость стала упраздненнымъ предразсудкомъ. Какъ будто въ чемъ то постыдномъ виновенъ человѣкъ.

Въ часы тяжелыхъ размышленій вдругъ вспомнятся Мазурскія озера. Тяжелый бой и гибель десятковъ тысячь окруженныхъ въ Гольдапѣ. И неизбѣжно грезятся влѣво отъ насъ плѣнные корпуса второй арміи и генералъ въ клѣткѣ.

— Н-да... Спасли Парижъ!...

Спасали когда-то и другихъ...

А теперь тамъ, гдѣ еще уцѣлѣли могилы ихъ дѣдовъ, внуки въ униженьи просятъ милости:

„Не выгоняйте“.

Спасали, гибли, не жалѣли жертвъ...

* * *

Привыкли. Немного оправились. И въ скромныхъ роляхъ несутъ работу и службу. Не всегда терпимы, лишь какъ паріи. Иногда лучемъ привѣта имъ улыбнутся и примутъ въ обществѣ... какъ равныхъ...

Однажды я встрѣтилъ генерала въ хорватскомъ домѣ. Это былъ русскій генералъ. Старикъ съ большою головою. Онъ неизмѣнно былъ одѣтъ въ свой старый мундиръ генеральнаго штаба и погоны говорили о томъ, что онъ полный генералъ.

Когда насъ познакомили, въ его фамилiи мелькнуло знакомое. Это имя встрѣчалось въ Россiи какъ имя генерала, занимавшаго высокiй постъ. Но какъ-то не припоминалось больше. А генералъ молчалъ и больше забавлялся, няньча на рукахъ малаго ребенка привѣтливой хозяйки. Этотъ генералъ несъ теперь какую-то небольшую службу въ изгнанiи, считая вещи въ интендантскихъ складахъ и былъ доволенъ малымъ. Но что-то чувствовалось въ немъ чужое. Мы не понравились другъ другу. Я часто видѣлъ фигуру старика съ его большою головою и бритымъ, круглымъ старческимъ лицомъ. Его коротенькая фигурка какъ-то особенно оттѣнялась слишкомъ обрѣзаннымъ сюртучкомъ-мундиромъ. Въ ней было что-то куцое, и былъ онъ какъ-то къ русскимъ нелюдимъ.

Онъ въ мѣру говорилъ. Имѣлъ опредѣленныя привычки. Во всей манерѣ держать себя въ немъ было что-то тяжелое.

Мы встрѣчались довольно часто. Но ни разу не пришлось намъ поговорить другъ съ другомъ, и обмѣняться взглядами.

Однажды общество сидѣло за чайнымъ столомъ. Генералъ держалъ на рукахъ непокорнаго Сашу, который своими ручонками тянулся къ пепельницѣ стоявшей на плюшевой скатерти.

И какъ-то незамѣтно генералъ вдругъ заговорилъ о томъ, какъ получилъ онъ въ Добровольческой армiи отъ генерала Деникина приказанiе прекратить грабежи военноначальниковъ и былъ снабженъ на этотъ счетъ диктаторскими полномочiями.

Онъ тутъ же брезгливо буркнулъ, что „ничего изъ этого не вышло" и что „всѣ планы борьбы съ грабежомъ пришлось оставить"

Я неясно понялъ генерала. Но въ тонѣ его послышалась хорошо знакомая враждебная нотка, которую такъ много разъ уже я слышалъ отъ русскихъ генераловъ, оставшихся за бортомъ и не получившихъ желаннаго ранга и мѣста въ Добровольческой армiи.

Для меня этого было достаточно. Я сразу узналъ въ немъ „обиженнаго и недовольнаго".

Однако онъ былъ въ Деникинской армiи, хотѣлъ стало быть бороться съ большевиками. Психологiя обычная: все что дѣлаемъ не мы, плохо. Все осуждаемъ. Мы бы...

* * *

Однажды съ хозяйкой дома, гдѣ я встрѣчался съ генераломъ, мы разговорились о русскихъ. Мы говорили на

тему объ оборванцахъ и разсуждали о томъ, что для человѣка важнѣе:

Душа, тѣло или платье?

Я говорилъ, что о русскихъ бѣженцахъ по платью и по манерамъ теперь нельзя судить и угадать, чѣмъ были они раньше. Ободранные и изможденные они теперь похожи на бывшихъ людей.

Собесѣдница моя согласилась.

— Вотъ нашъ генералъ. У него сохранилась форма — мундиръ, говорятъ, только потому, что онъ былъ въ плѣну.

— Въ плѣну? У нѣмцевъ?

— Ну, да. Онъ пробылъ у нихъ все время. Былъ взятъ еще въ началѣ войны.

— Въ началѣ войны?

И что-то нехорошее отозвалось въ душѣ.

Начало войны. Далекія воспоминанія. А впрочемъ...

Заговорили о другомъ.

Съ тѣхъ поръ, когда я встрѣчался съ генераломъ и смотрѣлъ на его коротенькій мундирчикъ, на широкіе серебрянные погоны и на большую неуклюжую голову, у меня всегда ассоціировался плѣнъ.

Я знаю, что значитъ плѣнъ и не всегда оправдываю тѣхъ, кто сдался. Однажды на японской войнѣ я былъ посланъ начальникомъ кавказской бригады княземъ Орбеліани съ порученіемъ и въѣхалъ въ деревню уже занятую японцами. Выхода какъ будто бы не было, и я вспомнилъ напутствіе генералъ-губернатора отпускавшаго меня на войну:

— Смотрите, не попадитесь въ плѣнъ.

Я былъ вдвоемъ съ вѣстовымъ, всадникомъ дикой бригады.

Мы обмѣнялись взглядами.

— Хады суда! — спокойно сказалъ мнѣ кабардинецъ и смѣло въѣхалъ въ гущу гаоляна, уже вытянувшагося выше роста всадника.

Свистѣли пули, и ломались кисти гаоляна надъ головою, а мы все ѣхали по узкимъ галереямъ между двумя рядами стволовъ.

И выбрались.

Вь Гольдапѣ мы гибли. Фельдфебель вопросительно глядѣлъ на меня, когда я вынулъ изъ кобуры револьверъ.

— Будешь сдаваться? — спросилъ я выразительно.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, такъ гляди внимательно: я буду искать бродъ. Найду, — вали за мной съ частью.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ текла рѣка, а мостъ впереди былъ безнадежно запруженъ. Лошаденка пошарила ногами и прошла. За мной вышелъ мой обозъ и потянулась

батарея. Дальше шло картофельное поле, которое обстрѣливали германцы изъ пулеметовъ. Впереди была смерть, сзади — позоръ.

Кто пошелъ впередъ — спасся, кто предпочелъ позоръ — остался.

Кто *не захочетъ* сдаться — иногда съумѣетъ выбраться.

И какъ-то съ затаеннымъ недружелюбіемъ смотрѣлъ я съ тѣхъ поръ на генерала.

* * *

Мы сидѣли вечеромъ за тѣмъ же чайнымъ столомъ. Налѣво отъ меня опять сидѣлъ генералъ и Саша на его рукахъ тянулся къ игрушкамъ, которыя принесъ ему генералъ. Мальчикъ спѣшилъ проявить свои инстинкты разрушенія маленькаго варвара. Старикъ терпѣливо возился съ ребенкомъ.

О чемъ-то говорили мы на ломаномъ хорватско-русскомъ языкѣ и что-то вспоминали.

Генералъ вдругъ оживился.

— Россія въ эти годы сильно шла впередъ: была богата. И она бы сильно развилась *при другомъ Царѣ*...

Я остолбенѣлъ.

Русскій полный генералъ въ гостяхъ у народа освобожденнаго русскимъ Царемъ отъ германскаго ига, поносилъ ихъ освободителя.

— Николай былъ коварный и неискренный человѣкъ, — и привелъ цитату изъ записокъ Витте, этого обиженнаго царедворца. Въ его глазахъ сверкала злоба, голосъ звучалъ порывисто и рѣзко.

Я перевелъ взглядъ съ некрасиваго лица на широкую полосу серебряннаго погона и думалъ.

„Полный генералъ, Царемъ возвеличенный на высшую степень служебной іерархіи, слуга престола, родины и вѣры... Чего же недостаетъ тебѣ? За что клевещешь?“

Тамъ у себя на родинѣ не приходилось считать одежду въ интедантскихъ складахъ.

— Я занималъ высокіе посты и лично зналъ Николая, — шипѣлъ предатель.

— Ну, въ этомъ меня не убѣдите, — спокойно попробовалъ я оборвать поношеніе главы великой когда-то страны.

— Вы его лично не знали, — продолжалъ старикъ. — Онъ постоянно отмѣнялъ то, что рѣшалъ и колебался. Самъ Сипягинъ говорилъ о немъ...

Я возразилъ:

— Вотъ отъ такихъ-то министровъ и генераловъ и

гибла Россія. Какъ же могли вы служить при такомъ отношеніи къ Царю?

Онъ быстро перебилъ:

— Я не ему служилъ! Я служилъ отечеству.

Саша, капризно закричавъ, потянулъ со стола кружевную салфетку и генералъ бросился спасать ее.

Я хмуро замолчалъ.

Передъ моими глазами устремленными на столъ лежала малиновая плюшевая скатерть, а на ней кружевная салфетка, обращенная ко мнѣ угломъ. Лицо мое горѣло отъ негодованія и въ воспоминаніяхъ быстро проносились образы: глубокіе и мягкіе глаза Императора великой державы, его спокойное, серьезное лицо, и рядомъ — безобразная голова съ короткими остатками сѣдыхъ волосъ полнаго генерала Императорской арміи

Неслись воспоминанія измѣнъ и предательства ему подобныхъ, отступившихся и отрекшихся.

Вотъ она, причина гибели. Какъ могло держаться государство, у самой вершины котораго царилъ такой разладъ? Какъ могъ такой генералъ вести къ побѣдѣ армію, которая шла подъ знаменемъ и символомъ Бѣлаго Царя?

И вдругъ все поле воспоминаній застлалось туманомъ прошлаго.

И выплыли въ немъ Мазурскія озера и началъ давить душу какой-то смутный образъ...

Я медленно перевелъ глазъ сначала на пагонъ, потомъ на черный бархатный воротникъ и на подернутое недовольной судоргой лицо.

Постепенно этотъ образъ началъ преображаться и я увидѣлъ, какъ сквозь миражъ сольдауской катастрофы обрисовалась фигура „генерала въ клѣткѣ"...

Такъ вотъ кто ты!

Вотъ виновникъ сдачи русской арміи. Вотъ тотъ, кто не пошелъ на рѣзкій шагъ спасенья отъ позора съ Самсоновымъ и кто, влачивъ свой жалкій жребій въ плѣну у нѣмцевъ, теперь брюзжитъ и старческою рѣчью попираетъ всю славу прошлаго и своего Царя, которому какъ подлый рабъ служилъ тогда, когда на высотѣ престола Императоръ держалъ въ своей рукѣ судьбу счастливаго и сильнаго народа.

Постъ-скриптумъ.

Ваше Высокопревосходительство!

Судьбѣ угодно было свести насъ на чужбинѣ, въ хорватскомъ частномъ домѣ за чайнымъ столомъ. Вы были въ формѣ полнаго генерала при погонахъ. Въ завязавшемся раз-

говорѣ вы стали поносить покойнаго русскаго Императора, выразивъ свое о немъ мнѣніе. Я прекратилъ тогда этотъ разговоръ, какъ выходящій по моему разумѣнію за всякіе предѣлы приличій въ данной обстановкѣ въ иностранномъ обществѣ. Нынѣ же, какъ военный врачъ, участникъ всѣхъ войнъ и какъ русскій гражданинъ, я считаю своимъ долгомъ выразить вамъ свое негодованіе по поводу поруганія вами покойнаго Императора. Мнѣ были бы совершенно безразличны ваши личныя мнѣнія. Но, какъ русскій генералъ, вы такъ говорить не смѣете — снимите сначала форму.

Во время великой войны я былъ въ составѣ второй арміи генерала Самсонова и помню сдачу вашего корпуса у Сольдау. Измѣнникъ и предатель Царю не можетъ выполнить своего долга. И не вамъ, сдавшему свой корпусъ и пошедшему въ позорный плѣнъ къ нѣмцамъ, судить Русскаго Царя, съ презрѣніемъ отвергнувшаго предложеніе германцевъ и свято выполнившаго до конца свой долгъ.

Безъ всякаго къ вамъ уваженія...

——— (подпись).

Старый генералъ-адъютантъ, черезъ котораго было передано это письмо, улыбнулся въ свой длинный усъ.

— Однако, — сказалъ присутствовавшій при чтеніи письма штатскій. — Вѣдь получивъ такое письмо придется вызвать васъ къ барьеру.

Старый генералъ-адъютантъ еще разъ улыбнулся спокойно и махнувъ рукою сказалъ:

— Не безпокойтесь! Не изъ такихъ.

И подлинно, генералъ съ большою головою оказался не изъ такихъ.

XII.

„ВСЕ КАКЪ БЫЛО РАНЬШЕ“.

(Фантастическій очеркъ).

Теософское общество было въ полномъ сборѣ. Наравнѣ съ нѣсколькими почитателями невѣдомаго здѣсь присутствовали проникнутые достаточною долей скептицизма представители ученаго міра.

Въ уютной полутьмѣ, въ удобномъ кабинетѣ расположились члены недавно народившагося общества въ ожиданіи интереснаго эксперимента.

— Итакъ, господа, мы входимъ въ новый періодъ научно-философскаго міросозерцанія. Цѣпи, сковавшіе мысль

человѣчества на протяженіи вѣковъ, разбиты, и смѣлымъ полетомъ она проникла въ область трансцендентнаго. Границы пространства и времени раздвинуты. Не существуетъ больше прошлаго, а все, что будетъ, уже существуетъ. Міръ неизмѣненъ и вѣченъ. Только человѣкъ своею психикой наноситъ на ленту времени воспринимаемую имъ послѣдовательность. Принципъ относительности, выдвинутый новой механикой, далъ парадоксальное указаніе на возможность телеграфировать въ прошлое. Всеобъемлющая энергетическая теорія заключила въ свои объятія психическія явленія и міръ сверхчувственный въ монистическомъ міровоззрѣніи сталъ доступенъ изученію.

Сегодня мы приступимъ къ осуществленію исключительнаго эксперимента, придуманнаго здѣсь присутствующимъ молодымъ ученымъ, который уже успѣлъ себя зарекомендовать открытіями въ области душевныхъ явленій. Особеннымъ, имъ изобрѣтеннымъ пріемомъ, онъ введетъ насъ въ тотъ міръ, который отошелъ для насъ въ область давно прошедшаго, но который по нашему ученію существуетъ вѣчно и неуничтожимо.

Такъ говорилъ предсѣдательствовавшій на собраніи докторъ и всѣ члены общества съ довѣріемъ вручили свою судьбу молодому ученому, который привелъ ихъ всѣхъ сразу въ особое состояніе коллективнаго сна.

Во время этого сна всѣ вмѣстѣ переживали сновидѣніе особаго рода.

* * *

Притухъ огонь въ уютномъ кабинетѣ.

На фонѣ ненарушимой тишины старинные часы продолжали вѣрно отбивать ритмъ времени переставшаго существовать для теософовъ.

Тѣла членовъ общества мирно покоились на мягкихъ креслахъ, а духъ ихъ, отдѣлившись отъ бренной оболочки, легкимъ дуновеніемъ унесся въ тотъ таинственный, невѣдомый міръ, гостемъ котораго бываетъ каждый человѣкъ во время сновидѣній.

На аренѣ этого чудеснаго кино-театра, подобно Фаусту, которому Мефистофель открывалъ тайны Вальпургіевой ночи, мы часто встрѣчаемъ тѣхъ странныхъ выходцевъ изъ міра усопшихъ, которые недавно ушли изъ міра живыхъ. А видимъ мы ихъ со всею ясностью реальнаго бытія, недопускающаго сомнѣнія въ истиности переживаемаго.

Такъ и теперь: дружной группой носились теософы всѣ вмѣстѣ по волшебной панорамѣ прошлаго, руководимые могучей силой знанія достигнутаго талантливымъ ученымъ.

Легко, не чувствуя земного притяженія, на крыльяхъ воли неслись они туда, куда манила ихъ воображаемая прелесть прошлаго.

* * *

Шутя пронеслись они черезъ материкъ, не считаясь со временомъ, пренебрегая пространствомъ.

Вотъ они берега лазурнаго моря, а на нихъ тотъ древній городъ, свѣтъ цивилизаціи котораго озарялъ жизнь древняго міра!

Вотъ и два мудреца древности. Два маститыхъ старца въ длинныхъ тогахъ и одѣяніяхъ. Зовутъ ихъ — Архимедъ... Эвклидъ.

Но какъ странно звучатъ эти имена!

Слова произносятся теперь иначе чѣмъ въ древности и до сихъ поръ не можетъ быть рѣшенъ вопросъ о произношеніи написанной буквы, которую одни называютъ „этой", а другіе „итой".

Мудрецы встрѣтили теософовъ привѣтливо.

Они съ любопытствомъ глядѣли на пришельцевъ изъ того міра, который долженъ былъ въ ихъ представленіяхъ существовать лишь черезъ двѣ тысячи лѣтъ, который для насъ существуетъ теперь, и который также неизбѣжно канетъ въ лету прошлаго.

Когда Архимеду показали чудеса современной техники, онъ съ интересомъ посмотрѣлъ на странное зрѣлище. Предъ нимъ предсталъ подводный крейсеръ новѣйшаго типа, какъ поплавокъ дразнилъ онъ великаго ученаго, воплощая имъ же установленный законъ гидростатики.

И никакъ не могъ понять мудрецъ, что онъ видитъ лишь олицетвореніе собственной своей идеи.

— Невозможно! Это сонъ. Обманчивые образы несуществующаго. Уйдите и не смущайте покоя старости!... — проговорилъ творецъ механики.

Когда же онъ услышалъ шумъ полета невидимыхъ снарядовъ и увидѣлъ разрушительное дѣйствіе современныхъ орудій, онъ на мигъ вспомнилъ изобрѣтенныя имъ искусныя машины для камнеметанія въ врага. Но сейчасъ же отбросилъ нелѣпое сравненіе. Пожалъ плечами, улыбнулся и произнесъ:

— Какая чепуха!

Въ вышинѣ голубого неба, жужжа моторомъ, пронесся современный аэропланъ и авіаторъ надъ головою Архимеда сдѣлалъ мертвую петлю.

— Небылица! — усмѣхнулся мудрецъ. — Вы понимаете? Этого „*не можетъ быть*". Развернулась завѣса буду-

щаго и увидалъ Эвклидъ современную школу, въ которой юноши черпаютъ новѣйшія познанія. Какъ и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, ученики чертили на доскахъ геометрическія фигуры и дѣлали вычисленія.

Только никакъ не могъ понять старикъ, почему на обложкѣ книги, имъ когда-то написанной, значится: „Геометрія Давидова".

— „Какъ скоро забываютъ люди имена! Неблагодарные! — промолвилъ старецъ. — Но законы, установленные мною, незыблимы, наука моя неизмѣнна и вѣчна".

Вдругъ видитъ Эвклидъ захолустный городъ въ странѣ теперь называемой „бывшею". Въ немъ провинціальное учрежденіе, которое до нашествія большевиковъ называлось „Университетомъ". Въ скромно обставленомъ кабинетѣ сидитъ ученый съ далекаго сѣверо-востока и чертитъ.

Но выходитъ у него все странно: двѣ параллельныя линіи вдругъ сходятся и родится мысль о новой геометріи.

„Лобачевскій? Россія?"

Странныя слова!

— Безумецъ! Бѣдный, — съ сожалѣніемъ шепталъ Эвклидъ и отмахнулся отъ неправдивыхъ грезъ.

* * *

На небо древности неутомимо взираетъ краса ученыхъ — Птоломей.

Онъ охотно изложилъ свою систему міросозданія представителямъ своихъ потомковъ: „здѣсь все такъ просто, неоспоримо, ясно; можно вычислить задолго впередъ движенія небесныхъ тѣлъ".

Когда же теософы показали ему современно оборудованную обсерваторію съ телескопами и вычисленными по системѣ Коперника картами движенія міровыхъ свѣтилъ, ученый повторилъ задумчиво:

— „Коперникъ?... Телескопъ?... Какой-то бредъ! Богами не дано видѣть человѣку недоступное глазамъ!"

* * *

Аристотель любезно встрѣтилъ своихъ гостей. Онъ любилъ природу, зналъ ее и былъ смѣлъ въ своихъ сужденіяхъ. Онъ просто заявилъ:

— „Все что знали греки я записалъ, и, надо думать, что наше знаніе охватило все доступное человѣку. Врядъ ли современемъ наука обогатится больше.

По мановенію жезла теософа великому натуралисту древности предстала дивно оборудованная лабораторія. На

столѣ красовался микроскопъ. Въ ретортахъ сверкали своею чистотою приведенные Менделѣевымъ въ систему химическіе элементы. Въ особыхъ аппаратахъ творилось живое вещество...

Съ недоумѣніемъ глядѣлъ мудрецъ на странную картину. Очнулся и сказалъ:

— „Больныя грезы!“

И вспомнилъ Аристотель свое ученіе о темпераментахъ, что „несвареніе желудка родитъ дурныя мысли“...

* *
*

Общество перенеслось къ берегамъ далекой Англіи. На фонѣ сѣвернаго привычнаго тумана обрисовался образъ великаго Ньютона.

— „Моя научная система закрѣпила великое зданіе механики. Она облечена математическою броней незыблемыхъ формулъ и законовъ мною установленныхъ“...

Такъ говорилъ своимъ гостямъ изъ міра будущаго великій представитель точныхъ знаній.

И чудится ему еврейскій юноша изъ Гродно — по фамиліи Маньковскій, — который рѣшаетъ задачу объ относительности времени и примѣняетъ методъ дифференціальнаго исчисленія. А рядомъ обрисовываются фигуры Эйнштейна, Лоренца...

Летятъ въ бездну законы Ньютона, а въ туманѣ будущаго обрисовывается остовъ новой механики.

Сэру Исааку открылась новая волшебная панорама дѣйствительности двадцатаго вѣка.

По улицамъ обновленныхъ городовъ неслись трамваи, отовсюду звучали телефоны и слышались электрическіе звонки. Съ молніеносной быстротой летѣлъ по лѣснымъ дебрямъ поѣздъ экспрессъ, а могучій „Титаникъ“ бросалъ вызовъ океану. На столѣ лежала обыкновенная фотографическая карточка, но, глядя на нее, никакъ не могъ понять творецъ теоріи свѣта, что видитъ онъ въ ней простое осуществленіе собственной своей мысли.

* *
*

Въ заброшенной въ горахъ хорватской деревушкѣ русскій эмигрантъ держалъ у уха трубку и слушалъ оперу большихъ театровъ изъ Рима, Парижа и Вѣны. А въ Кіевѣ большевики разстрѣливали въ чека остатки стараго режима въ затылокъ изъ „кольтовъ“ подъ звукъ мотора автомобиля-грузовика...

— Дурныя шутки, — сказалъ Ньютонъ.

— Невозможно. Hypotaeses non fingo! — И отвернулся съ негодованіемъ.

* * *

„Прогрессъ! Всюду прогрессъ!“ ликовали теософы.

Но, пораженные бесѣдою съ мудрецами древности, они находили страннымъ, какъ, наряду съ силою ума и ясности мысли, старики проявили такую недальновидность къ успѣхамъ будущаго.

Общество уже собралось возвратиться къ своимъ тѣламъ, когда изящная, экспансивная дама вдругъ вспомнила:

— Но мы еще не говорили съ знатоками человѣческой души. А интересно было бы узнать, что думаютъ мудрецы древности о тонкости прогресса въ области психическихъ явленій.

Рѣшили показать собранію посвященныхъ красавицу — душу современнаго человѣка.

Когда мудрецамъ показывали чудеса цивилизаціи и въ довершеніе всего просвѣтили лучами Рентгена внутренности живого человѣка, передали по радіо политическія новеллы и даже продемонстрировали чудеса радія, — они не стали долго разговаривать:

— „Пустяки! Плодъ разстроеннаго воображенія!“

И не повѣрили.

Но когда имъ показали *жизнь*, — настоящую современную жизнь, — они долго, внимательно всматривались въ открывшуюся имъ панораму.

Плавно развертывалась картина жизни. Неукротимо бушевали человѣческія страсти, ожесточенная борьба рождала ненависть и злобу.

Вѣчно юная любовь порою проявлялась во всей своей красѣ, и согрѣвала своею ласкою природу.

Порокъ царилъ во всей вселенной, рожденный силой зла...

Старцы призадумались и на вопросъ теософа, пожавъ плечами, въ одинъ голосъ отвѣтили.

— *„Все, какъ было раньше“*...

— Какъ!? — изумилась мистически настроенныя старушка въ полумонашескомъ одѣяніи. — Человѣкъ не сталъ ни лучше, ни просвѣщеннѣе, ни, наконецъ, умнѣе?

— *„Все, какъ было раньше“*, — задумчиво отвѣтилъ Архимедъ.

— Но, позвольте! Теперь, когда надъ обновленнымъ человѣчествомъ проносится вихрь великой революціи, съ ея завоеваніями? Когда желѣзомъ и кровью куется новый міръ соціализма? Когда низвергнуты тираны, разрушенъ старый

міръ и лучезарный ликъ свободы царитъ надъ новымъ обществомъ, — неужели теперь не сталъ красивѣй образъ человѣка? — настаивала старушка.

— *„Все, какъ было раньше"*, — промолвилъ мрачно жрецъ Египта.

— А Троцкій? А кристально чистый Ленинъ? Это ли не цѣльныя, не красочныя фигуры?

Аристотель пожалъ плечами и, въ сторону съ презрѣніемъ прошепталъ:

— Демагоги?!... Бывало этого добра и раньше. Всегда одно и то же. Почтите въ моей „Политикѣ".

— Не великая идея самоопредѣленія народовъ? Освященная благодѣтелемъ человѣчества, незабвеннымъ Вильсономъ, она воплотилась въ свѣточь, сулящій счастье заблудшему въ сѣтяхъ имперіализма человѣчеству?

— Это... какъ въ Вавилонѣ? Тоже было. Еще библія считала столпотвореніе съ разноязычіемъ карой Божьей, — спокойно молвилъ мудрый жрецъ.

Тѣмъ временемъ присутствовавшій Моисей, поднявъ завѣсу будущаго, взглянулъ на свой любимый народъ.

Взглянулъ... вздохнулъ... и... отвернулся.

— Совсѣмъ какъ тамъ, подъ высотой Синая! Тѣ же люди, та же жизнь. Аристотель, наблюдая вторженіе большевиковъ въ Кіевъ, схватилъ рядомъ стоящаго Архимеда за руку и съ волненіемъ произнесъ:

— Гляди: совсѣмъ, какъ тамъ! Ты помнишь Сиракузы?

Повсюду кровь. Городъ данъ на разграбленье.

— Да. *Все, какъ раньше*. Все красное. И смрадъ на улицахъ и стоны въ домахъ... Повсюду смерть... Знакомая картина!

Въ это время до слуха посвященныхъ донесся хоръ:

„Вставай, проклятьемъ заклейменный,
Весь міръ голодныхъ и рабовъ"...

Аристотель встрепенулся:

— То бунтъ рабовъ! „Рабы"... Ты помнишь, я писалъ, что рабъ не человѣкъ и что души въ немъ нѣтъ? Одна физическая сила разрушенія и дикій, безумный вопль толпы рабовъ... И *тамъ* все это было.

— Но тамъ краснѣетъ что-то страшное... На стѣнахъ фрески и надпись: „Через-вы-чай-ка"... Быть можетъ это ново? — воскликнулъ одинъ изъ мудрецовъ.

— О нѣтъ! — спокойно вмѣшался въ разговоръ обрисовавшійся въ группѣ великій инквизиторъ, — *„и это было"*, хотя нельзя имъ отказать въ оригинальности пріемовъ.

И промелькнула въ памяти проклятая картина исторіи. Ad majorem Dei gloriam горѣли всюду костры и мудрый человѣкъ жегъ на нихъ себѣ подобныхъ. Въ подвалахъ зве-

нѣли цѣпи и хрустъ живыхъ костей рѣзалъ тишину живой могилы! И тамъ *все это было.*

— Такъ рушится культура. Но духъ человѣческій косный и не поддающійся совершенствованію эволюціи, пребываетъ въ неподвижности. Вновь очнувшись отъ катастрофы, будетъ метаться человѣкъ въ поискахъ разрушеннаго счастья и одичавшій, вернется къ первобытной жизни, скитаясь въ дѣвственныхъ лѣсахъ...

Вонъ бывшій Петербургъ... „Война дворцамъ", — вонъ бѣдная деревня въ огнѣ и голодѣ... „миръ хижинамъ"... и дикій вопль убійцъ...

— Довольно. Устали мы, — сказали мудрецы. — Пойдемъ, мой другъ. Покойной ночи!

* * *

Когда теософы, вернувшись къ своимъ тѣламъ, проснулись къ жизни дѣйствительной, присуствовавшій докторъ произнесъ:

— А можетъ быть все это чепуха и ничего этого не было?

XIII.

МОЛОДЕЦЪ.

„Новая жизнь даетъ новыя формы. Вы — люди устарѣлыхъ взглядовъ! На смѣну вамъ идетъ новое поколѣніе съ цѣлымъ міромъ новыхъ понятій, измѣнить которыя не въ состояніи никакая сила... Вы витали въ сферѣ неосуществимыхъ идеаловъ. Вы работали для другихъ и не съумѣли постоять за себя, когда пришлось столкнуться съ реальною опасностью. Мы пощады не знаемъ и живемъ для себя. Сентиментальность только губитъ людей. Надо думать о себѣ и только о себѣ. Вашъ Царь — Н.к...ка — былъ глупъ. Это знаютъ всѣ, а министры воровали, и мы расплачиваемся за ихъ грѣхи. *Мы* будемъ устраивать жизнь иначе"... *).

Такъ говорилъ русскій юноша, гимназистъ седьмого класса хорватской гимназіи, выѣхавшій изъ Россій двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Отецъ его бывшій зажиточнымъ помѣщикомъ, теперь былъ музыкантомъ въ военномъ оркестрѣ и щеголялъ въ формѣ унтеръ-офицера сербской арміи. Семья бѣдствовала и жила бѣженскою жизнью, въ которой причудливо сплетались повадки берложныхъ обитателей съ манерами сошедшей со сцены широкой русской интеллиген-

*) Записано дословно.

ціи. Мать жарила русскіе пирожки и разносила ихъ по учрежденіямъ. Девятилѣтняя сестренка ходила въ стоптаныхъ башмакахъ.

Полуголодное существованіе давалось не легко. Отецъ устроилъ сына въ гимназію и съ трудомъ содержалъ семью. Но юноша оказался молодцомъ. Онъ умудрился, будучи гимназистомъ получить должность агента по страхованію и проявилъ способности въ вербовкѣ кліентовъ. Онъ скоро сталъ получать до двухъ тысячь динаръ въ мѣсяцъ, и у него сложилось новое міровоззрѣніе.

Онъ самъ пробивалъ себѣ дорогу. Какое ему теперь было дѣло до семьи, въ средѣ которой онъ продолжалъ жить? Изъ своего заработка онъ ни копѣйки не отдавалъ семьѣ и относился къ старому поколѣнію свысока. Всѣ получаемыя деньги онъ тратилъ „на себя", ежедневно покупая явства: сыръ, колбасу, шеколадъ. Держалъ эти блага подъ ключемъ въ своемъ чемоданѣ и вечеромъ, когда всѣ улягутся спать, онъ присядетъ на корточкахъ возлѣ своего дивана импровизированнаго изъ ящиковъ и поѣдаетъ запасы, не обращая вниманія на жадные взгляды сестренки, бросаемые изъ подъ одѣяла.

Это былъ молодой человѣкъ новаго поколѣнія „не знающихъ пощады" существъ, которые пришли въ міръ на плечахъ революціи, какъ завоеватели жизни. Ничего святого. Авторитеты — вздоръ. Весь міръ отцовъ — могильная плѣсень.

Въ убогой бѣженской обстановкѣ домашней жизни былъ настоящій адъ: борьба старыхъ и новыхъ идеаловъ воплощалась въ дерзости по адресу матери и угрозу кулачнаго боя съ отцомъ. Эгоизмъ юноши, по словамъ старорежимнаго отца, доходилъ до уродства.

— Зачѣмъ родили меня?! — взывало молодое поколѣніе. — Теперь заботьтесь. И никакого подвига родительскаго тутъ нѣтъ.

Идеалы — отжившій хламъ. Духовныхъ и умственныхъ запросовъ — никакихъ. Нужны лишь деньги — это твердо усвоили представители новаго поколѣнія, а какими путями они добываются, — не все ли равно?

Карьера преуспѣвала и гимназія скоро полетѣла къ чорту: теперь вѣкъ практическій.

„Гони монету!"

Элегантный молодой человѣкъ, одѣтый съ иголочки, съ бойкими манерами и съ хорошо подвѣшеннымъ языкомъ, преуспѣвалъ. На каждомъ дансингѣ, въ тѣсныхъ просторахъ заставленныхъ столиками модныхъ ресторановъ, молодецъ отплясывалъ чарльстонъ и танго, охотясь за выгодной невѣстой.

Такъ выкристализовывался новый современный типъ людей безъ „глупыхъ идеаловъ“, одновременно презиравшій и отжившую среду отцовъ и соціалистическія бредни съ мечтаніями о всеобщемъ благѣ: только *онъ самъ*. Сорви, гдѣ можешь... Россія была забыта и завоеватель жизни сталъ настоящимъ европейцемъ.

Но откуда-то изъ тайниковъ души уже подкрадывалось резонирующее на старые, отжившіе напѣвы влеченіе.

Уже женатый на богатой сербкѣ молодецъ, выходитъ на старый, старый житейскій путь. Земныя блага разъ улыбнулись: дѣлецъ сорвалъ изрядный кушъ.

Короткимъ, смѣлымъ ударомъ, успѣшно проспекулировалъ. И незамѣтно изъ ревнителя „новаго поколѣнія“ сталъ формироваться старый, какъ міръ типъ старорежимнаго буржуя-дѣльца, съ благопріобрѣтеннымъ капиталомъ, богатою женою и современнымъ лимузиномъ... А въ предательски еще скрытыхъ мечтахъ рисуется, соблазняющій даже соціалистовъ собственный домъ, а тамъ имѣнье... „барыня — жена“. И можетъ быть шикарная кокотка на сторонѣ.

Такъ рождала революція то, что уничтожала раньше желѣзомъ и кровью. Модернизировалась лишь декорація: лимузинъ, роль-ройсъ, аэропланъ... Душа осталась старою какъ міръ.

Отъ стараго къ старому черезъ бунтъ и революцію!

XIV.

ЭХОЛЯЛІЯ.

Такъ вторитъ грому эхо во время бури въ горахъ.

Папаша, старорежимный чиновникъ дореволюціонной Россіи, былъ въ большомъ смущеніи: съ сыномъ, четырнадцатилѣтнимъ гимназистомъ русской гимназіи въ эмиграціи, было не благополучно. Онъ сталъ проявлять странности и педагоги объявили отцу: „порочный мальчикъ“. Лживость, воровство, лѣность, грубость и, вѣроятно, онанизмъ. Дерзокъ (не только съ матерью) съ преподавателями. Грозили исключить и пришлось обратиться къ психіатру за медицинскимъ свидѣтельствомъ, чтобы спасти подростка отъ надвигающейся грозы.

Порокъ или болѣзнь?

Въ кабинетѣ психіатра своеобразно отражается жизнь калѣчащая мозги и дающая тяжелые душевные надрывы. Въ яркихъ краскахъ отражается соціальный строй, въ своей

патологіи выковывающій иногда удивительные экземпляры человѣческихъ личностей.

Передъ психіатромъ сидѣли еще не старый отецъ и подростокъ-сынъ. Въ нихъ такъ ярко обрисовывались два міра: старый, почти забытый, прозябающій въ богадѣльняхъ эмиграціи, и новый, въ смутѣ рождающійся, еще не законченный въ своихъ контурахъ. Буйный, непокорный нравъ юноши метался въ политическомъ хаосѣ теченій эмигрантской школы, въ которой вѣялъ духъ времени и распиналась старая Россія. Онъ былъ похожъ на загнаннаго сурка исподлобья бросалъ недовѣрчивые взгляды на доктора: дичился, но сквозь капризно-сердитое выраженіе лица вдругъ прорывалась дѣтски наивная, довѣрчивая улыбка. Сквозь порокъ и безуміе ласково проглядывала чистая душа ребенка, которую безпощадно калѣчила школа и жизнь.

— Пффъ, — фыркнулъ гимназистъ, когда отецъ повѣдалъ доктору о воровствѣ, — „я просто беру, а не краду!"

Въ этомъ окликѣ послышалась защита и стыдъ, разсѣявшія морщины на челѣ психіатра.

— „Ну, дѣло не такъ плохо!"

Въ спокойной бесѣдѣ сломился ледъ негативизма и замкнутости. Растормозилась психика, побѣжденная психіатромъ и юноша сталъ говорить. Разверзлась андреевская „бездна", открылись тайники души и полился изъ устъ ребенка словесный ужасъ, отражавшій поученія наставниковъ и школьныхъ товарищей.

Юноша говорилъ о родинѣ, которую покинулъ пятилѣтнимъ мальчикомъ. Съ непоколебимой убѣжденностью будущаго фанатика, онъ повторялъ плохо усвоенныя утвержденія старшихъ и изливалъ на старую Россію ненависть и злобу. Мимика играла всѣми переливами цвѣтовъ: презрительную насмѣшку смѣнялъ дерзкій вызовъ, задоръ, и злобный пафосъ смѣнялся наивнымъ добродушіемъ. Ласковая улыбка по временамъ снимала оскомину съ души.

Съ терпѣливой безнадежностью слушалъ отецъ безумный бредъ здороваго душевно мальчика и пожималъ плечами: *откуда онъ все это взялъ?*

Недавно говорилъ учитель-семинаристъ въ одной изъ русскихъ эмигрантскихъ школъ: „одна была лишь умная въ исторіи Россіи Императрица — Екатерина, — да и та была распутная женщина"...

*
* *

Юноша говорилъ: „Россія? *) Я знаю, что это страшно

---

*) Записано дословно.

отсталая и некультурная страна! Цари ея всѣ были дрянь — прочтите учебникъ Сухотина. Несмотря на то, что занимала большую территорію, — было бы лучше, если бы она была мала, какъ напр. Болгарія, она была бы тогда умнѣе... Русскій языкъ, конечно, не великъ, — плохой языкъ! Въ немъ много иностранныхъ словъ. Русская интеллигенція портила языкъ. Пушкинъ тоже не настоящій русскій, онъ писалъ сначала по-французски. Все время нѣмцы насъ били! Чего же вы хотите! Японскую войну позорно окончили... Большевистскій строй лучше: войска, флотъ у нихъ самые лучшіе. Я болѣе чѣмъ увѣренъ, что тамъ (въ Россіи) все дураки сидѣли — развѣ нельзя было иначе рѣшить? Великую войну можно было и не объявлять: надо было бросить Сербію — она развѣ когда нибудь за насъ вступилась?" (Такъ говорилъ воспитанникъ на сербскихъ хлѣбахъ, повторяя слова своихъ просвѣтителей!)

„Такова ужъ глупость русскихъ. На сто человѣкъ тамъ былъ одинъ грамотный". „Витте — дуракъ и больше ничего, — это намъ говорилъ учитель исторіи. Все ссылаются на исторію! При Екатеринѣ было шесть университетовъ, а при Павлѣ ихъ закрыли — осталось два! При большевикахъ теперь пошло очень хорошо, — разрабатывать стали... рабочій факультетъ открыли, раньше же рабочій не могъ учиться... Нѣкоторыя стороны у большевикомъ мнѣ нравятся... Навѣрно есть причина, что они разстрѣливаютъ! Были такіе русскіе помѣщики, которые только деньги выжимали, выжимали... (4 раза повторяетъ слово). Конечно совершенно не жалко, что Россію разрушили. Теперь отъ этого вышла польза: побывали въ бѣженцахъ и научились работать. Вернемся — умнѣй будемъ...

Меня абсолютно не интересуетъ, что будетъ съ Россіей, — для меня она какъ прошлогодній снѣгъ! Патріотизма у меня никакого нѣтъ... Родителей не особенно люблю. Вотъ этотъ самый Николай — плохой правитель былъ. Кромѣ позора ничего не было — это именно я отъ нашего учителя слышалъ. Всѣ русскіе думаютъ, что если ругаютъ Россію, значитъ дрянь. Я ругаю Россію, но я не дрянь"...

* * *

Такъ говорилъ подростокъ, и называлась эта рѣчь въ психіатріи *эхоляліей*. Въ бунтующей душѣ такъ искажались слова учителей. Но если кто прочтетъ учебникъ исторіи для эмигрантскихъ юношей, одобренный учебнымъ комитетомъ, въ составъ котораго входятъ русскіе бывшіе профессора и на который ссылался ученикъ, — настоящій ужасъ воцарится въ душѣ читателя. Въ угоду врагамъ Россіи и сильнымъ

міра, распоряжающимся бюджетомъ эмиграціи, въ этомъ безграмотномъ и подломъ учебникѣ дѣйствительно оплевана русская исторія и оклеветана плеяда русскихъ Царей.

Спятъ вѣчнымъ сномъ витязи и богатыри старой Россіи и беззащитна родина. „Развѣсистая клюква" встрѣчается не только у иностранныхъ писателей. „Плетневскіе" *) посѣвы взошли пышнымъ пустоцвѣтомъ и возмутили умъ русскихъ юношей. Все терпитъ распятая Россія и можно безнаказанно ее терзать. Но если даже криво отразила слова учителей искалѣченная душа подростка, развѣ ex nihilo взяла она свой бредъ? И развѣ не осторожнѣй слѣдуетъ вкладывать сѣмя въ душу ученика, чтобы потомъ не обращаться къ психіатру въ защиту выгоняемаго ученика за черезчуръ хорошо схваченныя поученія своихъ наставниковъ?

Такъ выковывается въ эмиграціи молодое поколѣніе, которому бытъ можетъ въ будущемъ суждена великая задача возстановленія всѣми покинутой и оклеветанной великой родины ихъ предковъ.

XV.

КРОВАВЫЙ КОМАНДАРМЪ.

Наблюдая дѣянія людей выброшенныхъ на поверхность взбаламученнаго людского моря и составляющихъ пѣну революціи, иногда трудно бываетъ раскрыть тотъ тайный механизмъ, который руководитъ поступками личностей, имя которыхъ становится историческимъ. Задача психолога — снять маски съ людей, но не всегда удается ее рѣшить. Особенно грязна пѣна первыхъ дней революціи: бредъ отреченія, измѣна, предательство, полное паденіе морали и фальшивый экстазъ, въ которомъ царитъ ложь во всѣхъ ея видахъ. Снявъ маски съ героевъ этого періода революціи и расшифровавъ дѣятелей безчисленныхъ комитетовъ этого времени, легко установить двѣ главныя и низменныя силы, руководящія дѣяніями паяцовъ разыгрывающагося балагана.

Эти двѣ силы суть: стремленіе къ выгодѣ и страхъ. Послѣдній особенно побуждаетъ перебѣгать въ станъ дѣятелей новаго режима въ надеждѣ найти тамъ забвеніе прошлой дѣятельности и устроится на новомъ поприщѣ. Но есть другая группа дѣятелей революціи — мстителей. Она работаетъ на всемъ протяженіи революціи и совершаетъ часто страш-

*) Плетневъ — бывш. первый директоръ Русской гимназіи въ Бѣлградѣ.

ныя преступленія. Что особенно поражаетъ, это то, что эти мстители происходятъ изъ нѣдръ свергнутаго режима, съ которымъ связаны происхожденіемъ, службой и традиціями. Исторія отмѣтила, что значительная часть конвента французской революціи состояла изъ бывшихъ чиновниковъ королевскаго режима. Тамъ Королевскую семью арестовывалъ не санкюлотъ, а маркизъ и генералъ королевской арміи, не могшій не понимать, что онъ предаетъ ее на смерть. Безконечный рядъ измѣнниковъ, предателей и отрекшихся видимъ мы и въ русской революціи: князья, камергеры, генералъ-адъютанты, чиновники всѣхъ чиновъ. Очень интересно однако, что вся эта масса людей къ новому режиму не привилась, стала лишь челядью революціи, принята ею не была и дальше спецовъ не пошла: перелетовъ большевики не любятъ. Большинство ихъ попало въ эмиграцію.

И есть однако въ верхахъ коммунизма нѣсколько именъ и лицъ, о которыхъ каждый ихъ знавшій, съ увѣренностью скажетъ, что они не коммунисты и не большевики и быть таковыми не могутъ. Непонятнымъ тогда становится ихъ дѣятельность, нерѣдко фанатично-изувѣрская и безпощадная въ борьбѣ.

Если внимательно изучить эту роль, вскроется обида въ прошломъ, ударъ по самолюбію, обходъ по службѣ или неудовлетворенныя мечты. Такіе люди становятся мстителями, но мстителями неразумными, ибо бьютъ они не по обидчику, а по своему же прошлому, по цѣлому народу. Цѣль ихъ безсмысленна, ибо они служатъ лишь разрушеиію. Они безидейны, ибо не могутъ служить чуждой имъ по существу идеѣ. Но революціонные вожди хорошо понимаютъ ихъ психологію. Съ презрѣніемъ отбрасывая предателя-камергера Высочайшаго двора, или человѣка замѣнившаго краснымъ бантомъ свои генералъ-адъютанскіе вензеля, они принимаютъ прочно обиженныхъ людей стараго режима и иногда возводятъ ихъ, какъ Кутлера, до управляющихъ финансами или до высшихъ командныхъ должностей революціонной арміи.

Ибо мелокъ человѣкъ и прочна его злоба. Въ рукахъ идейнаго фанатика, или бандита — революціоннаго вождя, такой человѣкъ бываетъ послушнымъ орудіемъ и хорошимъ исполнителемъ. А главное — онъ не предаетъ, какъ тѣ, кто совершаетъ перелетъ изъ выгоды и страха.

* * *

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ Смоленской губерніи еще существовали многочисленныя помѣщичьи усадьбы, въ которыхъ жизнь текла по устано-

вившимся вѣками формамъ, такъ прекрасно описаннымъ русскими писателями. Юношей и молодымъ студентомъ я наѣзжалъ въ нашу родовую усадьбу Курово, гдѣ жилъ мой старый дѣдъ. Все лѣто бродилъ я по лѣсистымъ окрестностямъ за выводками тетеревовъ и рябчиковъ. Въ реальныхъ образахъ вырисовывались предо мною творенія автора „Записокъ охотника", но все чаще попадались хирѣющія усадьбы, покинутыя дворянскія гнѣзда и смѣняющія ихъ купеческія хозяйства, владѣльцевъ которыхъ съ пренебреженіемъ называли въ помѣщичьихъ кругахъ кулаками.

Верстахъ въ трехъ отъ нашей усадьбы было расположено имѣніе Слѣднево, въ которомъ барскія традиціи еще высоко поддерживались ея владѣлицею, вдовою — помѣщицею Софьей Валентиновной Тухачевскою. Мнѣ были долго памятны вѣковыя липы и тѣнистыя березы на берегу заросшаго уже камышами великолѣпнаго Слѣдневскаго озера, ибо тамъ однажды въ пылу охотничьяго экстаза я перестрѣлялъ цѣлый выводокъ дикихъ утокъ, оказавшихся домашними.

Въ жилахъ Софіи Валентиновны текла голубая кровь. Она еще прекрасно сохранилась для своихъ сорока пяти лѣтъ и душевныя струны ея звучали тонко. Сосѣди поговаривали, что имѣніе разоряется, но въ домѣ все было еще на барскій ладъ и строго соблюдался дворянскій этикетъ. Софія Валентиновна отлично играла на рояли, была прекрасно воспитана, хорошо знала поэзію и искусство. Она всею силою материнскаго чувства любила своего сына, молодого барина Николая Николаевича, которому тогда было немного больше двадцати лѣтъ. Рядомъ съ сильнымъ характеромъ матери, сынъ казался безхарактернымъ и слабымъ и властная рука хозяйки чувствовалась на всемъ укладѣ жизни.

Въ то время типъ дворянскихъ недорослей еще не вывелся на Руси и много чертъ, хотя и облагороженнаго воспитаніемъ, этого типа можно было найти у молодого слѣдневскаго барина. Николай Николаевичъ былъ никчемный, но очень милый человѣкъ, прекрасно умѣвшій держать себя въ обществѣ. По обычаю того времени онъ говорилъ съ матерью только по французски. Ничего не дѣлалъ молодой помѣщикъ, никакой школы не кончилъ и образованіе получилъ домашнее.

Превыше всего чтились въ Слѣдневѣ дворянскія традиціи и... проживалось состояніе. Окруженъ былъ Николай Николаевичъ женскимъ царствомъ, ибо былъ единственнымъ мужчиной въ домѣ.

Не вглядывались обитатели Слѣднева въ даль будущаго и казалось имъ, что неизмѣнна жизнь, какъ липы стараго сада, вѣками бывшія свидѣтелями мирной жизни русскаго барства. А Софія Валентиновна, ревниво любившая

сына, въ далекихъ еще мечтахъ рисовала себѣ дѣвушку изъ *порядочнаго* дома, съ хорошимъ состояніемъ, которое поправитъ дѣла Слѣднева, и которую она сама — непремѣнно *сама* — выберетъ въ подруги жизни своему дорогому Николинькѣ.

Когда для молодого барина наступило пробужденіе весны, женское царство заволновалось. Пуще всего охраняла Софія Валентиновна юношу отъ неосторожнаго шага и одинаково боялась какъ грѣховъ молодости, такъ и злой болѣзни. Шушукались съ нянюшками, гадали, думали и, наконецъ, надумали... Для соблюденія чистоты Николеньки мать сама рѣшила выбрать здоровую и красивую деревенскую дѣвку и взять ее въ домъ оффиціально въ число дворни, а на дѣлѣ осторожно подсунуть ее Николинькѣ. Имѣя подъ руками тутъ въ домѣ дѣвушку, Николинька де не будетъ искать по сторонамъ и „соблюдетъ“ себя, пока настанетъ время дѣвушки изъ порядочной старо-дворянской семьи съ приданнымъ...

* * *

Пріѣхавъ студентомъ на каникулы въ Курово, я отправился съ визитомъ въ Слѣднево и по обычаю взялъ съ собою віолончель. Мы часто играли съ Софіей Валентиновной, а теперь тамъ гостила извѣстная петербургская піанистка Полина Бернардовна Бертенсонъ-Воронецъ. Я попалъ какъ разъ къ обѣду, ибо обѣдъ въ Слѣдневѣ по аристократическому порядку подавался не по деревенски — въ 6 часовъ.

Барскій домъ былъ тотъ же. Развѣсистыя липы нависали надъ деревяннымъ фасадомъ дома, а заросли цвѣтущихъ кустарниковъ красиво декорировали въѣздъ въ усадьбу.

За нарядно убраннымъ столомъ сидѣло большое общество. Разговоръ шелъ объ искусствѣ, и былъ нѣсколько натянутъ. Сервировка была барская и — Боже сохрани — никто не ѣлъ съ ножа, какъ дѣлалъ я это у себя дома и какъ продолжаю дѣлать всю жизнь. Только что обнесли гостей жаркимъ, какъ за столомъ почувствовалось замѣшательство. Взоры общества были обращены на отворившуюся влѣво отъ меня дверь столовой и я вслѣдъ за другими взглянулъ туда.

Въ дверяхъ появилась вся разодѣтая въ свѣтломъ сарафанѣ, кокошникѣ и лентахъ, красавица-кормилица съ ребенкомъ на рукахъ. Младенецъ былъ спеленатъ въ кружевномъ конвертѣ отдѣланномъ голубымъ шелкомъ. Кормилица спокойною походкой направилась прямо къ молодому барину и мягко перегнувшись къ его стулу, красивымъ движеніемъ поднесла къ нему ребенка.

Я ничего не понималъ, пока не услышалъ словъ: „сынъ Николая Николаевича“. Общесто уже видимо привыкло къ торжественному выносу младенца къ гостямъ, но я тогда еще не былъ профессіональнымъ психологомъ и почувствовалъ лишь большую неловкость и фальшивое положеніе. Происходило что-то странное. Какъ и всегда, когда показываютъ обществу младенца, слышались похвалы, но восторги созерцающихъ звучали неискренно, натянуто и были какъ-то необычны.

По очереди поднесли конвертъ ко мнѣ, и я неловко что-то пробормоталъ. Я вспомнилъ, — мнѣ это говорили раньше — что красавица кормилица была та самая Марфуша, которую подсунула Софія Валентиновна сыну. Молодой баринъ не зѣвалъ и теперь Марфуша находилась въ домѣ не какъ мать своего ребенка, а какъ кормилица сына Николая Николаевича. Это она теперь выносила своего питомца къ гостямъ, ибо Софія Валентиновна приняла ребенка въ домъ.

Я взглянулъ въ лицо Марфуши. Оно было невозмутимо спокойно. Я спрашивалъ себя: какъ поступить? Встать? Поздороваться? Заговорить съ ней?

Но Марфушу никто не замѣчалъ: прислуга — не мать. Смотрѣли только на ребенка. Съ Марфушей не здоровались, не говорили...

Софія Валентиновна полюбовалась внукомъ. Марфуша потупивъ взоръ, съ румянцемъ на щекахъ, стояла за стуломъ, пока отецъ ласкалъ младенца.

Морозъ прошелъ у меня по кожѣ отъ этой страшной соціальной фальши... Мать — прислуга. Дѣти — полубаре... Плѣсень уже обвивала дворянское гнѣздо и чувствовалась нависающая надъ Слѣдневымъ драма...

Послѣ обѣда мы съ Полиной Бернардовной играли сонату Рубинштейна. Николай Николаевичъ, — любитель музыки, — сидѣлъ въ полѣ моего зрѣнія и слушалъ. Но неискренно звучала мелодія второй части и со звучными нотами моего Страдиваріуса, навязчиво ассоціировался образъ красавицы-Марфуши въ сарафанѣ съ младенцемъ на рукахъ. Сквозь консонансы музыки мнѣ слышалась фальшь жизни...

* * *

Заросли камышами зеркальные пруды усадьбъ. Рѣдѣли вѣковыя липы. Разлетѣлись птенцы изъ насиженныхъ гнѣздъ. Все рѣже навѣщалъ я своего стараго дѣда и, со времени его смерти, совпавшей съ моимъ окончаніемъ университета, я больше не заглядывалъ въ Курово. Много лѣтъ потомъ, встрѣчаясь съ старой теткой, я любилъ вспоминать свои

охоты въ старомъ „Заказѣ“ родового имѣнія и какъ-то замѣтилъ, что умерли уже, сойдя со сцены, дѣдовскія усадьбы и скоро безслѣдно уйдетъ въ прошлое отжившее и уже никому ненужное.

— Напрасно такъ говоришь, что „никому не нужное“, — спокойно возразила мнѣ тетка. А твой двоюродный дѣдъ, Михаилъ Ивановичъ Глинка, развѣ не вышелъ онъ изъ тѣхъ же смоленскихъ гнѣздъ? Вы, молодые, клеймите все старое, а развѣ оно уже такъ-таки никому не нужно?

Заговорили и о Слѣдневѣ. Тетка разсказала мнѣ о томъ, какъ завершилась (увы, такъ казалось ей тогда) слѣдневская драма.

Черезъ годъ послѣ моего послѣдняго визита въ усадьбу, Марфуша родила Николаю Николаевичу второго сына — Мишу, а слабохарактерный помѣщикъ все больше привязывался къ Марфушѣ и къ дѣтямъ. У Софіи Валентиновны въ душѣ разыгралась драма. Пришлось признать и второго сына, Марфуша же все еще оставалась на положеніи прислуги-кормилицы. Положеніе создавалось скандальное. Недостижимыми становились мечты о дѣвушкѣ изъ „порядочной семьи“ съ приданнымъ въ качествѣ супруги Николаю Николаевичу.

Снились Софіи Валентиновнѣ тяжелые сны, въ которыхъ сплетались мечты съ дѣйствительностью. Грезилась ей барышня-дворянка и въ жилахъ внуковъ голубая кровь. А сила жизни вмѣшала въ дѣло тихую Марфушу, которую однако полюбила Софія Валентиновна. Но въ тайныхъ думахъ возмущалась барыня: „простая дѣвка, хамскаго происхожденія“... Затянулась петля жизни и кончилось дѣло тѣмъ, что „слѣдневскій баринъ женился на хамкѣ, на дворовой дѣвкѣ, отъ которой до брака прижилъ двухъ сыновей“.

Померкли барскія традиціи и разорялось Слѣднево. Смѣшалась кровь барская съ кровью „хамскою!“... И говорили уѣздныя дамы, что такъ вырождаются дворяне-помѣщики и что идутъ имъ на смѣну болѣе жизнеспособные и крѣпкіе...

— „Хамы“ — кончала вѣрная традиціямъ старины моя тетушка. — Посмотримъ, дадутъ ли вамъ эти новые люди Глинку и Тургенева.

* * *

Въ римскомъ сенатѣ шли горячіе дебаты о выкупѣ двухъ римскихъ легіоновъ, сдавшихся въ плѣнъ карфагенянамъ. Гордый сенатъ постановилъ *не выкупать*: римскій воинъ, не выполнившій долга, пусть станетъ рабомъ.

Я много изучалъ войну. Видѣлъ и пережилъ не мало боевыхъ катастрофъ и знаю, что бываютъ случаи, когда сдавшіеся въ плѣнъ не виноваты. Но колоссальныя числа

плѣнныхъ во всѣхъ воевавшихъ арміяхъ въ послѣднюю войну неопровержимо доказываютъ, что боевой долгъ цѣлыхъ частей и отдѣльныхъ бойцовъ не выполнялся. Кто чистъ душевно въ этомъ актѣ, считающемся съ точки зрѣнія военной доблести и долга позорнымъ, знаетъ лишь совѣсть сдавшагося. И ни какой судъ не можетъ точно установить неизбѣжности и обоснованія этого дѣянія.

* * *

Марфушинъ сынъ, внукъ Софіи Валентиновны былъ узаконенъ, а кормилица-прислуга превратилась въ законную супругу слѣдневскаго барина. Рухнули надежды любящей матери о голубой крови въ жилахъ внучатъ, и въ тайникахъ души Софія Валентиновна каялась въ томъ, что сама подсунула Марфушу сыну. Уголъ рта гордой барыни иногда слегка подергивался, и, бросая бѣглый взглядъ на кроткую и безупречную невѣстку, она душевно морщилась: „а все же хамское отродье“.

Въ водоворотѣ войны и революціи судьба швыряетъ людей и совершаетъ причудливыя трансформаціи... Но когда мы пробуемъ возстановить всѣ приключенія и біографическія детали личности, вдругъ ставшей исторической, получаются такія противорѣчія въ передачѣ фактовъ, что очень скоро личность становится легендарною, а установить чистоту фактовъ становится невозможнымъ.

Прочтите личные мемуары „Титана“ революціи, Троцкаго, записки занесшагося въ своемъ честолюбіи министра двухъ Императоровъ Витте, или измѣнника Императору, генералъадъютанта Брусилова. Фальшиво звучатъ страницы ихъ исповѣди. Искажаютъ они прошедшую дѣйствительность злобнымъ шипѣніемъ и ляганіемъ „бывшаго“, сами ставъ въ глазахъ другихъ людьми „бывшими“. Личности, казавшіяся раньше крупными, теперь становятся развѣнчанными и сѣрыми, а показанія очевидцевъ, знавшихъ раньше героевъ пѣны революціи, окончательно запутываютъ истину, подставляя воображенію потомства вмѣсто портрета историческаго дѣятеля легендарный образъ, а вмѣсто факта — вымыселъ.

Младенецъ Миша, котораго когда-то выносили въ голубомъ конвертѣ на показъ гостямъ, выросъ и возмужалъ уже въ надтреснувшей обстановкѣ умирающаго барства. Помѣщики оскудѣвали, а головокружительныхъ карьеръ со связями уже не совершалось.

Ушло невозвратно время мечтаній слѣдневской барыни-помѣщицы о будущихъ ея внукахъ. Никчемный русскій баринъ Николай Николаевичъ на остаткахъ все далѣе разорявшагося помѣстья, уже не могъ идти въ рядахъ борцовъ

за жизнь, а кроткая Марфуша, ставшая барыней, не была достаточно властной, чтобы направлять своихъ сыновей по обновленному реформами Царя-Освободителя пути русской жизни.

Нашлись однако добрые прiятели, со связями, еще помнившiе дни слѣдневскаго величiя, и по протекцiи устроили Мишу въ корпусъ, а затѣмъ по окончанiи юнкерскаго училища въ гвардейскiй пѣхотный полкъ.

Обновилась въ жилахъ внука Софiи Валентиновны поблекшая голубая кровь родового русскаго дворянства, примѣсью наслѣдственно трудовой крови, Марфушинъ сынъ отъ помѣщика-недоросля, хорошо прошелъ корпусъ, а затѣмъ первымъ, со званiемъ фельдфебеля, окончилъ юнкерское училище. Казалось, все шло гладко.

Но треснула однажды душа преуспѣвающаго юнкера и заставила глубоко задуматься стараго зубра, къ которому по воскресеньямъ ходилъ въ отпускъ Миша. Прiѣхавъ какъ-то къ своему отцу, Борисъ Николаевичъ, тотъ самый прежнiй знакомый слѣдневскихъ помѣщиковъ, который устроилъ Мишу въ училище, въ воскресенье не нашелъ тамъ Миши.

— А гдѣ же Миша? — обратился онъ съ вопросомъ къ отцу, домъ котораго еще весь жилъ традицiями старой барской Россiи.

— Я приказалъ Филиппу его въ домъ не пускать, — сурово отвѣтилъ зубръ. — Изъ него выйдетъ мерзавецъ. Такого надо повѣсить!...

Грозно прозвучало въ ушахъ Бориса Николаевича роковое пророчество и въ полномъ недоумѣнiи выслушалъ онъ разсказъ о проступкѣ Миши.

Два юнкера, воспитывавшiеся въ традицiяхъ почитанiя „Вѣры, Царя и Отечества“, рѣшили, что Бога нѣтъ. Желая экспериментально доказать свое заключенiе, они выкинули изо рта Святое Причастiе, залѣпили его въ куски хлѣба и накормили имъ собакъ...

Великая война застала Мишу офицеромъ гвардейскаго полка. Вѣрный завѣтамъ Родины и девизу Императорской армiи, онъ доблестно выполнялъ свой долгъ и въ короткое время получилъ всѣ боевые ордена. Имъ гордился гвардейскiй полкъ и казалось, что Миша вступилъ на путь своихъ предковъ служившихъ Родинѣ.

Но отвернулось счастье и капитанъ Императорской армiи очутился въ плѣну у нѣмцевъ.

Если бы Софiя Валентиновна дожила до этого момента, она подумала бы: „если бы въ его жилахъ текла настоящая дворянская кровь, онъ поступилъ бы иначе“,

А старый зубръ, узнавъ о катастрофѣ съ Мишей, сквозь зубы бросилъ бы:

— Ме[illegible]а!

Фактически неизвѣстно, ёкнуло ли сердце у офицера въ критическій моментъ, или выполнилъ онъ свой долгъ до конца.

Широка всепрощающая душа русскаго человѣка: плѣнные были у него на положеніи гостей. Но суровъ былъ германскій плѣнъ и тѣ, кто были въ немъ, не вспоминаютъ его добромъ. Измѣнились времена и нравы. Доблесть прежнихъ войнъ смѣнилась подлостью и нація, когда-то считавшаяся носительницею рыцарскихъ традицій и чтившею воинскій подвигъ, теперь вмѣсто снарядовъ и пуль физическихъ, посылала противнику въ запломбированномъ вагонѣ психическій снарядъ людей со смрадомъ разложенія. Отравляли газами уже не тѣло, а разлагали душу непріятеля. Въ концентраціонныхъ лагеряхъ центральныхъ державъ систематически развращались плѣнные и обучались измѣнѣ и революціи.

Какъ совершилось перерожденіе обыкновеннаго и храбраго русскаго офицера въ германскаго агента, измѣнника и большевика? Чѣмъ обратилъ на себя офицеръ вниманіе германской контръ-развѣдки, выковавшей изъ него врага своей отчизны? Плѣнный офицеръ сближается съ непріятелемъ и, отрекшись отъ старой Россіи, изучаетъ систему Маркса. Постепенно изъ него вырабатывается грубый командармъ большевицкой арміи и агентъ германскаго генеральнаго штаба, купающійся въ крови своего народа

Когда въ Москвѣ появился германскій генеральный штабъ, бывшій плѣнный офицеръ очутился въ его рядахъ: слуга врагу, предатель родины.

Сыпались на несчастную страну всѣ громы небесные и подлости людскія. Вѣковой врагъ, отдѣлившись отъ Россіи, рѣжетъ ея тѣло загребая себѣ кусокъ отъ моря и до моря.

Большевики — хорошіе психологи. Чуждыми имъ лозунгами они поднимаютъ народъ противъ исконнаго врага, а спецъ-измѣнникъ *), когда-то съ честью водившій на врага императорскія войска, по приказанію новой власти, издаетъ патріотическій призывъ.

На полѣ брани снова выдвигается имя бывшаго офицера гвардейскаго полка — увы! — нынѣ въ роли командира красной арміи. Но были обѣ воюющія стороны въ чужихъ рукахъ: большевики подъ нѣмцами, поляки у фрацузовъ.

Какъ созрѣлъ Миша до большевизма, едва ли узнаетъ исторія. Но старый зубръ, давно сошедшій въ могилу, узналъ бы свое пророчество, заглянувъ духовно въ квартиру командарма, а кости Софіи Валентиновны перевернулись бы въ гробу отъ того, что Миша женился на семиткѣ.

---

*) Брусиловъ.

Въ квартирѣ командарма, на мѣстѣ, гдѣ у его предковъ стояли вѣками переходящія изъ рода въ родъ иконы православной церкви, теперь висѣла нарисованная членомъ союза художниковъ пышная картина чорта съ рогами и хвостомъ, а передъ нею, какъ въ старину передъ иконами, теплилясь лампада...

Разсказывали, что когда выдвигалась кандидатура штабсъ-капитана на высокій постъ командира арміи, кто-то изъ сильныхъ міра замѣтилъ, что онъ гвардеецъ, помѣщикъ и дворянинъ. Но германская контръ-развѣзда хорошо изучила дѣло и доложила Ленину.

Криво улыбнулся Ильичъ и разъяснилъ:

— Вздоръ. А мать — Марфуша? Не бойтесь. Онъ нашъ. Онъ не забудетъ.

* * *

Давно заключенъ миръ съ Польшей и сброшена въ море бѣлая армія. Неразгаданнымъ сфинксомъ стоитъ предъ міромъ красная армія и трусливо жмется передъ ней міровая демократія. Срушенъ старый режимъ жизни народовъ до самаго основанія и надъ охваченной бредомъ демократіей царятъ имена Лойдъ-Джоржей, Эріо, Нансена и Макдональда. Разсѣялись какъ воздушные миражи предразсудки долга, чести, самоотреченія. Золотой телецъ царитъ подъ знаменемъ соціализма, но красная армія, на которую опирается это разложеніе человѣческаго духа, усвоила себѣ всѣ формы стараго времени. Такъ же выдѣлились верхи, какъ будто-бы повторяя опытъ наполеоновскихъ маршаловъ, вышедшихъ изъ низовъ и ихъ женъ — герцогинь-прачекъ.

На верхахъ красной арміи, выковался особый сортъ людей. Среди хамовъ-латышей, экспансивныхъ евреевъ-мстителей и неудачекъ-фельдшеровъ, красуется фигура штабсъ-капитана Императорской арміи. У ногъ высокихъ сферъ униженно вьются спецы, когда-то бывшіе полководцами: новые владыки держатъ строго поклонившуюся имъ челядь, измѣнившую Царю, и спуска ей не даютъ.

Недавно я купилъ себѣ сонату Рубинштейна. Жалко звучитъ мелодія на грошевомъ бѣженскомъ инструментѣ, замѣнившемъ знаменитый Страдиваріусъ, на которомъ теперь гдѣ-то въ большевизіи играетъ въ джезъ-бандѣ шустрый музыкантъ. Но ассоціируется съ мелодіей не кроткій образъ красавицы Марфуши. Мнѣ грезится ея кровавый командармъ и чортъ съ лампадой. На лентѣ прошлаго вырисовывается че-ка, рѣзня, грабежъ и разрушеніе. И въ дымѣ революціи проявляется фигура младенца Миши, сначала въ кружевномъ пакетѣ на рукахъ кормилицы, потомъ въ формѣ кадета и юнкера, бросающаго причастіе собакамъ, далѣе героя-офи-

цера Императорекой арміи и, наконецъ, обрисовывается фигура кроваваго командарма, одной рукою опирающагося на чекиста, а другою отдающаго честь нѣмцамъ.

Безнадежно стонетъ великая въ прошломъ страна подъ игомъ красной арміи, а міровая демократія руководимая Бріаномъ, акомпанируя въ тонъ благодушной эмигрантской интеллигенціи, твердитъ объ эволюціи и прославляетъ завоеванія революціи.

„Нѣтъ возврата къ старому“ — злорадно твердятъ враги Россіи.

И правда!

Исчезли безвозвратно вѣковыя липы дворянскихъ гнѣздъ и высохли зеркальные пруды тургеневскихъ усадьбъ. Безвозвратно минула счастливая, свободная и сытая русская дореволюціонная жизнь, о которой въ минуты искренности и откровенности бѣженцы, сидя у своего убогаго очага, вдругъ восклицаютъ: „какъ сказочно хорошо жилось тогда въ Россіи!“ Увы, стоитъ тому же бѣженцу выдти на кафедру общественнаго собранія и онъ въ припадкѣ повальнаго безумія, бредитъ объ ужасахъ царскаго самодержавія, о грозныхъ исправникахъ и городовыхъ.

Да, нѣтъ возврата къ отжившимъ предразсудкамъ военной доблести и чести, какъ нѣтъ возврата подъ сѣнь Императорскихъ знаменъ спецамъ-измѣнникамъ и генераламъ отрекшимся отъ Вѣры, Царя и Отечества.

Униженная и оскорбленная, будетъ долго скитаться въ изгнаніи родня кроваваго командарма, искупая предъ лицомъ иноземной демократіи преступленія голубой крови своихъ предковъ. .

Теперь царятъ другіе идеалы и къ старымъ возврата нѣтъ.

Торговля съ людоѣдами: „не пахнутъ кровію деньги“ и можно покупать на нихъ на пышныхъ аукціонахъ столицъ Европы краденныя вещи. Да здравствуетъ мораль Лойдъ-Джоржа!

Вѣнскій профессоръ съ крупнымъ именемъ пришелъ недавно къ портному заказать себѣ костюмъ. Объявленная цѣна оказалась непосильной его бюджету, а портной, снисходительно улыбнувшись, похлопалъ ученаго по плечу и покровительственно сказалъ:

— Эхъ! было бы чему-нибудъ учиться въ молодости, тогда-бъ хватило на костюмъ...

Отречемся же отъ стараго міра — къ нему возврата нѣтъ. Впередъ! Равненіе по хаму и къ чорту честь.

XVI.

УБІЙЦЫ И УБИВАЕМЫЕ.

Уличный бой гражданской войны съ психологической точки зрѣнія вполнѣ своеобразенъ. И картина его и внутреннія переживанія бойцовъ представляютъ много страннаго, оригинальнаго. Этотъ бой самый жестокій и безпощадный, не знающій ни милости, ни сожалѣнія.

На полѣ сраженія неожиданно появляются люди, которые по программѣ тамъ вовсе не должны быть, какъ напр. тотъ одноглазый мѣщанинъ, который шагалъ со мною рядомъ въ строю нашей роты. Гомназисты-мальчики вдругъ появляются около батареи и подъ сильнѣшимъ огнемъ подносятъ къ орудіямъ снаряды. Сестры милосердія появляются въ наступающихъ цѣпяхъ и перевязываютъ раненыхъ. Раненые остающіеся на полѣ битвы безпощадно добиваются, а иногда изувѣрски замучиваются. Особенно поражаютъ партизаны и временные участники, присоединяющіеся къ сражающимся группамъ. Эти люди погибаютъ *безъ имени*, никому неизвѣстные и ихъ потомъ никто не вспомнитъ. Бѣглецы изъ города мѣшаются съ бойцами и встрѣчающіяся группы бойцовъ съ недовѣріемъ всматриваются другъ въ друга, стараясь угадать: свой или непріятель?

Озлобленіе противъ врага, конечно, сильное и радость побѣды охватываетъ бойца, убившаго врага или видящаго, какъ атакуемая батарея снимается съ позиціи. Опасность грозитъ непрерывно и отовсюду. Она держитъ бойца въ постоянномъ напряженіи. Страхъ — это доминирующее чувство — то охватитъ человѣка жуткой вспышкой, то на время совершенно исчезнетъ.

Самыя неожиданныя встрѣчи съ мирными обывателями врѣзываются въ память, но она искажаетъ прошлое, дополняя картины фантазіей. Ни одинъ человѣкъ не бываетъ героемъ длительно: и у него наступаютъ минуты малодушія и появляются подленькія мысли, въ которыхъ онъ никогда не признается другимъ.

Въ домахъ и на окраинахъ поля боя царитъ тревога и напряженное стремленіе угадать, кто побѣдитъ: отъ этого вѣдь зависитъ судьба людей, которымъ часто предстоитъ рѣзня. Много мирныхъ, невинныхъ жертвъ гибнетъ въ этихъ бояхъ. Отовсюду чудятся выстрѣлы и часто жестокая расправа ожидаетъ жителей домовъ, изъ которыхъ, быть можетъ, никто и не стрѣлялъ. Паника, по большей части не основательная, охватываетъ войсковыя части, находящіяся на окраинѣ боя, и здѣсь же жмутся дезертиры всѣхъ ви-

довъ, ушедшіе изъ боя подъ разными предлогами. Сквозь строй бойцовъ теперь уходятъ либеральные общественные дѣятели и „земгусары“, зажигавшіе революцію, а городской голова возведенный на высоту революціей, сидитъ на скамеечкѣ у заградительной заставы рядомъ съ членами военно-полевого суда и угодливыми кивками головы поддакиваетъ смертнымъ приговорамъ выносимымъ судомъ.

Рѣзкіе перескоки въ душевныхъ переживаніяхъ: проколотое штыкомъ тѣло человѣка, а затѣмъ полное наслажденіе, которое даетъ рюмка водки и кусокъ сочной колбасы на столѣ покрытомъ бѣлоснѣжною скатертью въ мѣщанскомъ домикѣ окраины города.

Полное удовольствіе насыщенія усталаго въ бою тѣла съ еще пылающею впечатлѣніями пережитаго душою! Никакого сожалѣнія къ убитымъ врагамъ и торжественное равнодушіе къ своимъ, судьба которыхъ лишь случайно пощадила васъ.

И когда вы окинете взглядомъ трупы убитыхъ, увидите на сторонѣ красныхъ только лишь деревенскихъ, безусыхъ парней. Ни одного рабочаго, ни одного интеллигента и, конечно, ни одного еврея. Тѣ, кто своею пропагандою и пафосомъ загонялъ скотъ на бойню, сами ловко ускользали. Здѣсь не было ни латышей, ни китайцевъ, ни „красоты и гордости русской революціи“ накрашенныхъ матросовъ: былъ только рабочій революціонный скотъ, совершенно чуждый идеологій тѣхъ, которые посылали его на смерть.

Едва минутъ эти страшные дни, люди возвращаются къ обычнымъ формамъ жизни полуосажденнаго города, и въ слѣдующіе вечера авторъ этихъ строкъ будетъ играть по вечерамъ на фаготѣ въ оркестрѣ оперы такъ, какъ будто бы ничего особеннаго въ предшествующіе дни не случилось...

* * *

Послѣдніе три дня передъ первымъ октября 1919 года — днемъ рѣшительной атаки Кіева большевиками — орудійная пальба со стороны Ирпеня *) доносилась особенно сильно. Но къ ней, какъ и ко всему, привыкалъ обыватель и относился спокойно, безстрастно. Въ возможность катастрофы никто не вѣрилъ и ея не ожидалъ. Если и говорили о ней, то больше академически. Но съ вечера 30 сентября канонада стала тревожить сердца людей.

Въ эту ночь слышалъ я сквозь сонъ, какъ усиливались раскаты канонады и — помню — видѣлъ подходящій сонъ на эту тему. Мой покойный отецъ словно будилъ меня и

---

*) Въ 20—30 верстахъ отъ Кіева.

торопилъ вставать. Нѣсколько разъ я приподнималъ съ подушки голову и прислушивался. Тогда казалось, что стрѣльба идетъ слишкомъ близко, тутъ въ городѣ. Слышались ясно пулеметы. Къ пяти часамъ утра гулъ выстрѣловъ сталъ усиливаться непомѣрно. Я понялъ, что дѣло обстоитъ неладно и еще до свѣта поднялся, одѣлся и вышелъ на улицу. Здѣсь было пусто. Но со стороны Святошина и Шулявки шла сильная канонада. Когда начало свѣтать, я встрѣтилъ милиціонера на Житомірской улицѣ, который спокойно шелъ мнѣ на встрѣчу. Я былъ въ военной шинели съ погонами и онъ на мой вопросъ съ улыбкой отвѣтилъ:

— Бой идетъ въ Святошинѣ.

Выйдя на Крещатикъ, я увидѣлъ, что происходитъ нѣчто серьезное. Улица была довольно пустынна, но уже хорошо обрисовывалась знакомая военному глазу картина отступленія. Время отъ времени показывался короткій обозъ съ повозками, груженными офицерскими вещами. Онѣ торопливо двигались по направленію къ Царской площади и заворачивали по Александровской улицѣ наверхъ къ Цѣпному мосту, ведущему черезъ Днѣпръ. Подводы подходили со стороны Бибиковскаго бульвара, откуда и слышалась канонада.

Ужъ сколько разъ видѣли кіевляне эту картину отхода. Въ первыхъ признакахъ ея едва ли можно было ошибиться. У подъѣздовъ гостинницъ, гдѣ размѣщались офицеры, грузили на повозки вещи. У „Грандъ-Отеля" стоялъ конный отрядъ всадниковъ и коляска, запряженная четверкой. При мнѣ вышелъ изъ подъѣзда полковникъ Стессель, сѣлъ въ коляску и, окруженный конвоемъ всадниковъ, рысью поѣхалъ по направленію къ мѣсту боя. Но въ то же время продолжали грузить подводы, и направлялись онѣ не къ мѣсту боя, а назадъ. Народу на проспектѣ было мало. Утро было свѣтлое, хорошее. Около шести часовъ утра разнесся слухъ, что Кабардинскій полкъ измѣнилъ, что фронтъ прорванъ, и что большевики надвигаются на Кіевъ.

Для меня выходъ былъ одинъ: стать въ ряды сражающихся войскъ.

Уже много, много разъ въ жизни, приходилось мнѣ быть въ этомъ положеніи, добровольно вступая въ боевыя части, то въ роли бойца, то въ роли врача. Конечно и въ данномъ случаѣ, принять это рѣшеніе было не такъ просто. Оставаться съ большевиками послѣ того, что я имъ надѣлалъ, будучи членомъ комиссіи при Главнокомандующемъ по разслѣдованію и изученію чрезвычаекъ, и думать было нечего: приговоръ мнѣ былъ подписанъ давно. Можно было просто бѣжать, уходя съ отступающими обозами подъ прикрытіемъ войскъ. Но это было не въ моемъ характерѣ. Я просто ска-

залъ себѣ: „не всѣхъ же убиваютъ въ бою, и не всѣ части гибнутъ, быть можетъ останусь цѣлъ и я“.

Было страшно, но какъ только рѣшеніе было принято, какъ и всегда въ этихъ случаяхъ, почувствовался подъемъ и нѣкоторое чувство гордости по поводу побѣды надъ собой. Движенія стали живыми и энергичными. Я не имѣлъ оружія, а потому быстро направился домой, взялъ нѣсколько перевязочныхъ пакетовъ, наборъ инстументовъ, деньги, документына, дѣлъ шинель, сапоги получше, и вышелъ на улицу. Уходя въ такихъ случаяхъ, надо помнить, что быть можетъ на это мѣсто и не вернешься. Я зналъ, что части соберутся у коменданта и скоро нагналъ группу идущихъ туда офицеровъ. Я присоединился къ нимъ. Говорили, что у коменданта собираются офицерскія роты, которыя оттуда будутъ направлены къ мѣсту боя. Въ комендатурѣ мы уже застали толпы офицеровъ, изъ которыхъ формировался батальонъ и разбивались роты. Я явился къ командиру батальона и попросилъ принять меня рядовымъ въ одну изъ ротъ. Былъ назначенъ въ первую роту, третій взводъ. Меня направили къ завѣдующему оружіемъ, и я выбралъ себѣ хорошую новенькую винтовку, американскаго издѣлія, но русскаго типа со штыкомъ и взялъ себѣ 50 патроновъ. Мы собрались въ большомъ залѣ бывш. генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ во времена большевиковъ царила Губернская чрезвычайка. Стоявшія здѣсь кровати были сдвинуты и сложены въ кучу. Мы строились, разбивались на номера и собирались къ выступленію. Батальонъ былъ сборный изъ офицеровъ всѣхъ чиновъ и всѣхъ родовъ оружія. Въ моемъ взводѣ была и молодежь, и кадровые ротмистры, и бывшіе чиновники. Время тянулось, и мнѣ казалось, что зборы идутъ слишкомъ медленно, а раскаты канонады попрежнему доносились ясно. Всѣ держались со строгою военною выправкой, какъ всегда бываетъ передъ боемъ, въ ожиданіи выступленія на позиціи. Передавали слухи, будто бы положеніе улучшилось. Моя рота имѣла 140 штыковъ. Ею командовалъ полковникъ Клеопа, а моимъ взводнымъ былъ также полковникъ — военный юристъ. Мы построились въ карэ — тутъ же въ залѣ и разсчитались на номера. Наконецъ, послѣ приблизительно часовыхъ сборовъ, насъ вывели на улицу. Когда мы спускались по лѣстницѣ, группа молодыхъ офицеровъ, мимо которыхъ мы проходили, бросили шутку по моему адресу:

— Смотри-ка, докторъ въ строю съ винтовкой. Ишь ты, пистолетъ!

Я улыбнулся имъ въ отвѣтъ:

— Чѣмъ же мы хуже другихъ?

Настроеніе было у насъ приподнятое. Ни унынія, ни тревоги не было. На улицѣ, противъ зданія, насъ выстроили

въ двѣ шеренги. Мы получили приказъ выступить на западную окраину города и занять районъ Шулявки за тюрьмою. Скомандовали зарядить винтовки на четыре патрона не подавая пятый въ стволъ. Отъ излишняго усердія кто-то при этомъ нечаянно выпалилъ въ воздухъ. Впередъ выдвинулись подводы съ пулеметами, а затѣмъ и насъ построили въ колонну. Мой взводъ шелъ послѣднимъ, и я оказался фланговымъ въ послѣднемъ ряду. Рядомъ со мною шелъ мѣщанинъ доброволецъ изъ торговцевъ, одѣтый въ теплый пиджакъ и подпоясанный поясомъ. Онъ, какъ и я, добровольно явился въ роту.

— А что-же, *такъ* смотрѣть на нихъ? Живымъ въ руки не дамся! — объяснилъ онъ мнѣ.

Онъ былъ слѣпъ на одинъ глазъ.

Я былъ доволенъ своимъ мѣстомъ фланговаго: идя по улицѣ, я могъ хорошо наблюдать тротуары и публику. Когда мы тронулись впередъ, я переживалъ это странное чувство подъема, которое охватываетъ человѣка, выступающаго въ строю на позицію. На такую часть какъ-то особенно смотрятъ остающіеся и стоящая на тротуарахъ публика. Какъ будто самъ чувствуешь себя больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. На челѣ этихъ людей, идущихъ на близкую возможную смерть, есть что-то отмѣтное. Совсѣмъ другое, чѣмъ когда отходишь назадъ. Иногда становилось страшно, но я обуздывалъ въ себѣ это чувство, повторяя въ мысляхъ:

„Не всѣхъ же убиваютъ".

Мы шли въ боевомъ порядкѣ съ дозорами впереди. Тронулись по Институтской, пересѣкли Крещатикъ и, пройдя Житомірскую, потянулись по Львовской. Въ городѣ уже почти повсюду рвались снаряды. Публика стояла по тротуарамъ въ тревогѣ и недоумѣніи. На колонну, идущую къ мѣсту боя она смотрѣла особенно. Многое можно было читать на этихъ встревоженныхъ лицахъ. Когда они глядѣли на войсковую часть, бодро шагавшую впередъ, на ихъ лицахъ свѣтилась надежда. Мы шли стройно и быстро. Со стороны публики мы видѣли сочувствіе и одобреніе. Вслѣдъ намъ посылали благія пожеланія.

— Дай Богъ, помоги имъ Боже! — шептала дряхлая старушка.

Другая женщина, шедшая навстрѣчу, потихоньку крестила насъ.

И какъ чувствовали это люди! Картина была сильная. Мы чувствовали на себѣ всѣ эти взгляды, и ихъ переживанія передавались намъ.

Подъ взглядами другихъ людей пріободрялись. Ноги тогда легче несли впередъ къ опасности.

На площади у входа на Житомірскую мы встрѣтили медленно отходящую въ полномъ порядкѣ артиллерійскую бригаду, запряженную великолѣпными мулами. Этотъ отходъ противорѣчилъ успокоительнымъ извѣстіямъ объ улучшеніи положенія: дѣло, видимо, было далеко не кончено. Мы прошли мимо. Удивительно это состояніе духа, когда идущая впередъ часть пропускаетъ мимо себя отступающую другую часть: тотъ, кто идетъ впередъ, пріободряется, а отступающій притихаетъ.

Куда шла батарея — мы не знали, но видѣли, что она отходитъ назадъ.

Кто былъ впереди, мы тоже не знали.

Чѣмъ дальше двигались мы впередъ, тѣмъ пустыннѣе становилась улица.

Разрывы снарядовъ раздавались влѣво отъ насъ. Изо всѣхъ оконъ на насъ глядѣли люди. На одномъ изъ перекрестковъ мы поровнялись съ Волчанскимъ отрядомъ. При немъ былъ артиллерійскій взводъ изъ двухъ орудій. Этимъ взводомъ командовалъ молодой капитанъ Васильевъ, красиво разъѣзжавшій на великолѣпномъ рыжемъ конѣ. Самъ онъ былъ элегантенъ и привѣтливо спокоенъ. Волчанскій отрядъ былъ партизанскій, стяжавшій себѣ въ добровольческой арміи довольно громкое имя. Его считали дерзкимъ и храбрымъ, говорили, что онъ отчаянно дерется. Но говорили и другое, — что онъ грабитъ и мародерствуетъ. Странно! То, что мы видѣли теперь, была небольшая группа людей-воиновъ, оборванныхъ и грязныхъ, въ самыхъ разныхъ одѣяніяхъ. Для роты она была слишкомъ малочисленна, человѣкъ 40—50. Одежда была истрепана. Ими командовалъ очень высокій пожилой полковникъ съ сѣдой бородкой. Поражало это отрепье и внѣшній видъ. Здѣсь были кавказцы въ буркахъ съ башлыками, и выдѣлялись два кадета-подростка. Одинъ постарше, худой и истощенный, другой совсѣмъ почти мальчикъ. Несмотря на октябрскій день, они были въ однихъ оборванныхъ мундирчикахъ-курткахъ, въ драныхъ башмакахъ и оборванныхъ штанахъ. Глядя на этотъ отрядъ, я думалъ:

Грабители!? Но гдѣ же сокровища? Вѣдь не на показъ же такъ одѣлись.

А какъ кричали въ Кіевѣ евреи и либеральная интеллигенція о грабежахъ Волчанскаго отряда...

Это оборванцы — нищіе, голодные и холодные, которые спасали гибнущую Россію, не дававшую имъ даже одежды и пищи.

У Волчанскаго отряда свѣдѣній о непріятелѣ не было. Въ части города направо, къ Подолу, все было тихо.

Здѣсь на минутной стоянкѣ и отрывочно на протяженіи пути все чаще раздавалось слово:

— Жиды.

По безпроволочному телеграфу человѣческой молвы и через развѣдчиковъ къ отряду долетали сообщенія, и всѣ они говорили одно: съ момента вторженія большевиковъ опредѣлилось отношеніе еврейства, сразу ставшаго на ихъ сторону. Молодые евреи уже несли развѣдывательную службу, и повсюду стрѣляли изъ оконъ въ добровольцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступали открыто, и озлобленіе противъ евреевъ росло съ каждою минутою.

— Ну, вотъ видите, — говорили кругомъ, — все отрицали, все не вѣрили. А чего же вамъ больше? Все зло въ жидахъ.

Близко влѣво послышалась ружейная стрѣльба. Мы остановились на улицѣ противъ воротъ тюрьмы. Уже вошли въ сферу рѣдкаго ружейнаго огня. Недавно здѣсь падали снаряды.

Командиръ роты вызвалъ меня впередъ и приказалъ держаться около него. Мы стояли въ строю противъ фасада тюрьмы. Люди, бывшіе здѣсь, говорили, что незадолго передъ тѣмъ снаряды падали въ скверъ передъ тюрьмою, и показали намъ воронку, вырытую въ землѣ ударившею гранатою. Все это говорилось совершенно просто и спокойно: въ Кіевѣ видывали всѣ и не такіе виды. Въ этотъ моментъ насъ еще не обстрѣливали, и мы ждали, пока высланные впередъ дозоры не выяснятъ положенія, которое было совершенно темнымъ.

На пути къ тюрьмѣ ко мнѣ, увидѣвъ мои докторскіе погоны, подошли двѣ сестры милосердія и просили взять ихъ съ собою. Это были Наталія Михайловна Холодовская и ея подруга племянница Кіевскаго префессора Зѣньковскаго, имени которой я не помню.

Меня такая просьба поразила: рота шла не на прогулку, а въ бой.

Эти двѣ дѣвушки шли къ незнакомымъ людямъ, присоединяясь въ отвѣтственный моментъ къ ротѣ и самоотверженно выполняя свой долгъ. Тутъ не могло быть ни рисовки, ни спорта. И съ этого момента онѣ все время были съ нами.

Перестрѣлка разгоралась. Гдѣ-то недалеко стояла большевистская батарея и громила городъ. Но точно опредѣлить ея положенія не удавалось. Показанія встрѣчныхъ людей были сбивчивы. Всѣ эти люди были растеряны. Влѣво, близко отъ насъ лежали цѣпи большевиковъ. Мы совершенно не знали, кто находится отъ насъ влѣво и вправо, и не имѣли связи съ другими добровольческими частями. Выслали не-

большими группами людей въ цѣпи въ улицу налѣво и за тюрьму, въ сторону непріятеля. Развѣдка пошла впередъ.

Въ это время Волчанскій отрядъ подошелъ къ намъ, такъ что противъ тюрьмы скопилась большая часть.

И вдругъ здѣсь разыгрался характерный эпизодъ, рисующій нравы этой войны. Еще прежде, чѣмъ мы подошли къ воротамъ тюрьмы, оттуда выходилъ судебный слѣдователь. Его тутъ же ограбили свои: осетинъ-доброволецъ изъ Волчанскаго отряда снялъ съ него мѣховое пальто. Вслѣдъ за нимъ вышелъ начальникъ тюрьмы, указавшій на грабителя, котораго тутъ же поймали съ поличнымъ и съ тріумфомъ отобрали награбленное. Вниманіе всѣхъ на минуту было занято этою забавною сценою. Но дѣйствительность скоро вступила въ свои права: надъ нашей головой высоко разорвалась шрапнель и какъ градомъ обсыпала деревья, обивая листву и вѣтви. Всѣ инстинктивно встряхнулись, и рота прижалась къ досчатому забору, расположившись вдоль него, словно деревянная ограда могла дать какую бы то ни было защиту. Защита была только психическая. Стрѣляли откуда-то изъ за тюрьмы, но зданіе не защищало насъ отъ высокихъ разрывовъ шрапнелей.

Начался жаркій обстрѣлъ нашей стоянки, о мѣстѣ которой кто-то уже сообщилъ большевикамъ. Снарядъ за снарядомъ рвался въ высотѣ надъ нами, но какъ-то счастливо: раненыхъ не было. Люди владѣли собой и стояли подъ огнемъ прилично. Я тщетно пытался прочесть на лицахъ ихъ переживанія. Свой жуткій страхъ каждый человѣкъ уже привыкъ скрывать. Сестры держали себя совершенно выдержанно и пожалуй спокойнѣе, чѣмъ нѣкоторые молодые офицеры, суетливо спрашивавшіе другъ друга, зачѣмъ мы здѣсь стоимъ.

Напряженно ждали выясненія положенія. Время тянулось долго и нетерпѣніе вмѣстѣ съ тревогою росли.

Впередъ выдвинулся Волчанскій отрядъ и ихъ два орудія. Какъ и обыкновенно въ бою передвигались шагомъ, медленно, не спѣша. Наши цѣпи держались за тюрьмою. Этотъ артиллерійскій огонь по нашему адресу длился около получаса. Потомъ большевики начали обстрѣливать тюрьму со страшнымъ остервененіемъ и ружейнымъ, и пулеметнымъ огнемъ. Становилось жутко, и бездѣятельность части, стоявшей у стѣны тюрьмы, начала тяготить. Пули градомъ обсыпали стѣны тюрьмы, и жужжали кругомъ насъ. А мы тревожно поглядывали на мрачное зданіе.

Тамъ было неспокойно. Уже давно волновались заключенные: тамъ сидѣло много большевиковъ и чекистовъ. Еще въ началѣ обстрѣла къ воротамъ тюрьмы подъѣхалъ на автомобилѣ генералъ Крыловъ, и мы видѣли, какъ во дворѣ

передъ воротами онъ выстроилъ около двухсотъ офицеровъ изъ числа заключенныхъ, которые сидѣли по подозрѣнію въ большевизмѣ и грабежахъ. Онъ сказалъ имъ короткую рѣчь, указавъ, что имъ представляется случай загладить свою вину и снять съ себя подозрѣніе, ставъ въ ряды защитниковъ Кіева. Онъ взялъ съ нихъ слово, что они станутъ въ ряды, и выпустилъ всѣхъ заключенныхъ офицеровъ.

Увы! Какъ оказалось потомъ, лишь два-три десятка изъ нихъ исполнили свое обѣщаніе. Остальные исчезли.

Въ тюрьмѣ суетились. Тамъ стояла охранная рота, находившаяся во дворѣ. Арестанты волновались. Было приказано камеры не раскрывать и, если будутъ попытки бѣгства, — стрѣлять. Во время обстрѣла въ камерахъ началось буйство, и послышалось нѣсколько выстрѣловъ. Картина была мрачная.

Рота стояла безъ дѣла и безъ задачи. Гдѣ былъ противникъ, точно никто не зналъ. Волновались, въ душѣ проклинали положеніе, но стояли довольно стойко подъ огнемъ и ждали приказаній. Когда по вѣткамъ деревьевъ хлестала шрапнель, люди инстинктивно жались къ забору. Но большевики стрѣляли наугадъ и довольно плохо. Потерь у насъ до сихъ поръ не было.

Мое вниманіе обратилъ плотный молодой поручикъ въ мундирѣ Корниловскаго полка. Онъ велъ себя такъ, что за него было стыдно. Вслухъ роптал, почему напрасно держатъ здѣсь роту, и говорилъ, что пора отходить. Я его пристыдилъ. Подѣйствовало.

Въ это время кто-то обратилъ наше вниманіе на площадь, находившуюся сзади насъ со стороны Львовской улицы. Тамъ мы замѣтили короткое смятеніе, и площадь какъ-то сразу опустѣла.

— Смотрите, стрѣляютъ изъ оконъ!

И дѣйствительно: со всѣхъ сторонъ летѣли пули, хотя сзади не было никакихъ непріятельскихъ частей.

— Опять жиды. Вотъ сволочь! Нашъ путь назадъ отрѣзанъ — слышалось кругомъ.

Въ это время къ ротѣ подбѣжалъ солдатъ и спросилъ командира. Онъ назвался посланнымъ отъ какого-то струковскаго партизанскаго патруля и сообщилъ командиру, что сейчасъ большевики высадились съ парохода на Подолѣ, и что онъ посланъ предупредить насъ. Его указанія были сбивчивы и неясны. Командиръ ему не повѣрилъ. Да если бы и повѣрилъ, — что могли мы сдѣлать? Было ясно, что эта часть города уже потеряна.

Большевики надвигались спереди и слѣва, а справа по нашимъ предположеніямъ долженъ былъ находиться отрядъ партизана Струка, который однако не подавалъ признаковъ

жизни. Положеніе становилось критическимъ. Что было дѣлать съ тюрьмою?

Спереди, медленно отступая, показался Волчанскій отрядъ. Свернувшись, онъ прошелъ мимо насъ, отступая подъ сильнымъ огнемъ. Борьба и веденіе боя въ лабиринтѣ улицъ небольшими кучками, не имѣющими связи между собою, была нелегка, тѣмъ болѣе, что силы противника были совершенно неизвѣстны.

Командиръ нашего отряда пошелъ въ канцелярію тюрьмы переговариваться по телефону со штабомъ. Положеніе роты становилось опаснымъ: противникъ обстрѣливалъ насъ со всѣхъ сторонъ и былъ совершенно невидимъ и недосягаемъ для насъ. Скоро изъ воротъ тюрьмы вышла охранная рота и тоже отступила, вѣроятно получивъ соотвѣтствующее приказаніе. Камеры остались запертыми, и во дворѣ оставались только тюремные надзиратели. По временамъ изнутри слышались безпорядочные крики: то волновались заключенные. Тюремная администрація держалась около насъ и рѣшила до послѣдняго момента не бросать тюрьмы и отойти только съ нами.

Полковникъ Клеопа долго добивался у телефона связи со штабомъ. Когда онъ наконецъ добился, оказалось, что штабъ уже ушелъ, и по телефону никто не отвѣтилъ.

По прежнему стоялъ ясный осенній день, солнце привѣтливо свѣтило на взбаламученный городъ. На улицахъ кромѣ боевыхъ частей никого не было. Люди, хотя и волновавшіеся, не суетились, не теряли ни строя, ни дисциплины. Но за то на душѣ у каждаго былъ далеко не рай. Всякій понималъ, что на этой окраинѣ города наша часть теперь одна, отрѣзанная отъ своихъ и каждую минуту можетъ быть окружена и уничтожена. Тянуло назадъ, и ропотъ на то, почему не отходимъ, готовъ былъ сорваться съ устъ каждаго. Поминутно спрашивали другъ друга, гдѣ полковникъ, почему онъ такъ долго задерживается у телефона.

Наконецъ командиръ вышелъ изъ калитки. Мы были здѣсь одни. По полученнымъ свѣдѣніямъ большевики уже далеко продвинулись вглубь города и зашли намъ въ тылъ, отрѣзавъ отходъ. Артиллеріи у насъ не было, а натискъ усиливался. Послали отозвать назадъ цѣпи и, свернувшись въ колонну, пошли назадъ.

Арестанты сами раскрыли камеры, и тюрьма въ мгновенье ока разбѣжалась. Тюремная администрація присоединилась къ намъ, и мы стали отходить вмѣстѣ медленно и въ полномъ порядкѣ.

Отходъ былъ жуткій. Сзади напирали большевики. Отовсюду изъ оконъ на насъ летѣли пули. Говорили, что Галицкій базаръ уже занятъ большевиками и что черезъ Сѣнной

базаръ намъ придется пробиваться. Однако тамъ еще стояла въ боевомъ порядкѣ третья наша рота. Она теперь свернулась и стала отступать вмѣстѣ съ нами. На Житомірской стало извѣстно, что вся часть города до Крещатика оставлена добровольческой арміей. Время отъ времени надъ нами рвались шрапнели, но мало на нихъ уже обращали вниманія: большевики безсмысленно обстрѣливали весь городъ. Ближе къ Крещатику на тратуарахъ попадалась публика. Горожане уже давно привыкли къ уличнымъ боямъ, и путешествія подъ огнемъ ни для кого не были новинкою.

На одномъ изъ перекрестковъ стояли люди. Теперь они глядѣли на насъ иначе, чѣмъ утромъ. Мнѣ становилось стыдно: зачѣмъ отходимъ, не выполнивъ своей задачи, не сбивъ большевиковъ и только напрасно простоявъ подъ обстрѣломъ много часовъ?

Въ одной группѣ выдѣлился высокій лавочникъ — еврей, довольно прилично одѣтый. Онъ сильно жестикулировалъ, лицо его было возбуждено, онъ иронически улыбался и кричалъ по нашему адресу. Его сначала не понимали. Но когда я поровнялся съ нимъ, то ясно услышалъ:

— Уходите! Уходите! И чтобъ вамъ не возвращаться, чтобъ вамъ!...

Стало горько на душѣ. Такъ вотъ какъ насъ теперь провожали, уже побѣжденныхъ и изгоняемыхъ... Его старались не слышать и, потупивъ головы, ряды проходили дальше. Не до расправы съ негодяемъ было теперь. Надо было успѣть занять переходъ черезъ Крещатикъ. Не хотѣлось слышать этого издѣвательства.

Морально отступленіе несравненно тяжелѣе наступленія. Все время люди съ тревогою озираются и назадъ, и впередъ. Боятся не успѣть и быть отрѣзанными. На душѣ не бываетъ ни радостно, ни спокойно. Пассивный бой утомительнѣе активнаго наступательнаго порыва. Мы должны были отходить, потому что все слѣва и сзади насъ было оставлено. Говорили, что евреи давали знать о каждомъ нашемъ движеніи большевикамъ, и трудно было рѣшить, сколько въ этомъ было правды и сколько боязливой фантазіи. На Институтской, недалеко отъ комендатуры надъ нами совсѣмъ близко одинъ за другимъ разорвались два снаряда. Вся рота инстинктивно шарахнулась въ сторону къ тротуару и пошла вдоль забора, какъ будто бы опасность тамъ была меньше.

Замѣчательна эта защитительная реакція. Каждый разъ уже послѣ того, какъ разорвется снарядъ, люди шарахаются и жмутся къ стѣнамъ зданія, хотя разумъ говоритъ, что это не имѣетъ никакого смысла.

Въ зданіи генералъ-губернаторскаго дома уже никого не было. Весь городъ до Крещатика былъ оставленъ наши-

ми частями, и мы медленно стали отходить къ Никольскимъ воротамъ. Говорили, что на Московской улицѣ за арсеналомъ мы найдемъ генерала Непѣнина, который командуетъ боемъ и дастъ намъ новыя боевыя заданія. Туда стягивались добровольческія части.

* * *

Въ восточной части города въ широкомъ масштабѣ и яркихъ краскахъ проявилась новая и своеобразная картина, которая напомнила мнѣ картины временъ японской войны, когда, занимая въ районѣ боя китайскія деревни, мы видѣли вереницы уходившихъ изъ нихъ по направленію тыла людей, груженыхъ всякимъ домашнимъ скарбомъ. Начиная отъ Крещатика по тротуарамъ къ Днѣпру тянулись вереницы бѣженцевъ.

Съ утра, когда обрисовалось положеніе, жители стали уходить сплошною лентою вслѣдъ за отходящими войсками. Это былъ настоящій *исходъ*. Уходили тысячи людей, въ чемъ есть, съ узелкомъ и лишь въ лучшемъ случаѣ съ чемоданчикомъ въ рукѣ, пѣшкомъ. Шли горожане, мужчины, женщины, старики и дѣти. Преимущественно интеллигенція, но были между ними и сотни простолюдиновъ. Уходили, потому, что знали большевиковъ, и выхода другого не было. Вмѣстѣ со вторженіемъ большевиковъ начнется рѣзня, уничтоженіе тысячъ людей и грабежи. Пойдетъ расправа за встрѣчу добровольцевъ. Начнется месть евреевъ, которые сдѣлали точный подсчетъ всѣмъ тѣмъ, кто запятналъ себя сочувственнымъ отношеніемъ къ добровольцамъ. Уже передавали, что на окраинахъ идетъ рѣзня.

Уходившіе шли безъ всякихъ плановъ и надеждъ, стараясь лишь уйти отъ мѣста боя. Картина была грандіозная и хорошо показывала отношеніе населенія къ большевикамъ.

Ликовало только еврейство, повсюду радостно встрѣчая большевиковъ. На крышахъ домовъ и въ окнахъ ужъ показались пулеметы, стрѣлявшіе въ спину отходящимъ добровольцамъ. Повсюду шелъ уличный бой, управлять которымъ было необыкновенно трудно.

Сильно запутало положеніе опубликованное около 11 часовъ утра объявленіе властей о томъ, что вторженіе большевиковъ ликвидировано, и что опасности больше нѣтъ. Успокоенные жители въ большинствѣ повѣрили и спокойно оставались въ домахъ, думая, что большевики отбиты. Это объявленіе было основано на заблужденіи и преждевременномъ оптимизмѣ и послужило для многихъ ловушкою: многіе оставшіеся были убиты большевиками.

Около часу дня большевиками была занята часть Кре-

щатика, и всѣ, кто только могъ, бросились уходить. Нашъ отрядъ отошелъ послѣднимъ къ четыремъ часамъ дня. Даже учрежденія и власти не успѣли эвакуироваться, и около полудня начался безпорядочный отходъ каждаго за свой страхъ.

Выѣхалъ за Днѣпръ и генералъ Драгоміровъ со штабомъ и самый штабъ генерала Бредова, командовавшаго войсками. А за ними, по большей части пѣшкомъ, потянулись бѣженцы.

Печально и стыдно было видѣть, какъ вмѣстѣ съ гражданскимъ населеніемъ и жителями-бѣженцами уходили сотни военныхъ — офицеровъ, солдатъ, вся государственная стража. Военные въ этой волнѣ людей частью были вооружены, частью безъ оружія. Они забыли свой долгъ и не считали нужнымъ стать въ ряды съ винтовкою въ рукахъ въ защиту погибающихъ.

У Никольскихъ воротъ уже стояли воинскія части, и медленною лентою двигались вереницы повозокъ отступавшихъ обозовъ въ перемежку съ бѣженскими фурами. Отходъ шелъ на Дарницу черезъ Цѣпной мостъ. Здѣсь мѣшались густою массою войска и жители. Всѣ шли мѣрно, спокойно, Не было ни бѣгства, ни паники, ни суеты, ни даже давки.

Наша рота вышла на Московскую улицу и остановилась колонною противъ зданія 5-ой гимназіи. Тамъ, у пово рота на спускъ къ Днѣпру посреди улицы спокойно стоялъ командовавшій боемъ генералъ Непѣнинъ. Нашъ командиръ направился къ нему за приказаніями.

Стоя въ строю, я съ интересомъ наблюдалъ грандіозную картину отхода.

Около меня невдалекѣ держались сестры милосердія, все время насъ не покидавшія, и присоединившійся по пути мой коллега докторъ Яковлевъ, военный врачъ. Въ это время насъ обогнала двуколка Краснаго Креста. На ней уѣзжали врачи Управленія Краснаго Креста доктора Андерсъ, Исаченко, Тылинскій. Съ ними же по какому-то смѣшному и вмѣстѣ печальному недоразумѣнію былъ врачъ — еврей Майданскій, отъявленный большевикъ. Они были въ недоумѣніи и совершенно не знали положенія дѣлъ. Въ послѣдній моментъ передъ занятіемъ большевиками улицы, гдѣ они жили, они собрались и ушли, наскоро собравъ немного перевязочныхъ припасовъ. Я посовѣтовалъ имъ отойти за Цѣпной мостъ, и они рѣшили, смотря по ходу дѣла, открыть тамъ перевязочный пунктъ.

Положеніе было неясное. За добровольцами оставался только берегъ Днѣпра съ горою до Никольскихъ воротъ. Бой шелъ не съ такимъ оживленіемъ какъ раньше. Точно не могли сказать, заняты ли вокзалъ и желѣзная дорога. Но было ясно что мосты черезъ Днѣпръ въ опасности, и что въ

случаѣ дальнѣйшаго отхода вся тяжесть боя ляжетъ на части, занимающія эти мосты.

Наша рота получила приказаніе занять всѣ три моста, а насъ всего было 140 человѣкъ. Мы должны были пропустить войска, отходящія за мосты, затѣмъ, въ случаѣ наступленія большевиковъ, вести съ ними бой. Центромъ былъ самый отвѣтственный мостъ — Цѣпной. Часть роты должна была занять желѣзнодорожный мостъ, другая — такъ называемый Черниговскій.

Мы двинулись по спуску и вышли изъ сферы огня. Сзади рвались снаряды и трещали пулеметы. Гдѣ-то что-то дѣлалось. Генералъ Непѣнинъ былъ вполнѣ выдержанъ и невозмутимъ.

Въ зданіи пятой гимназіи работалъ перевязочный пунктъ. Туда непрерывно поступали раненые и увы, какъ всегда во всѣхъ войнахъ, около него вертѣлись всевозможные дезертиры и уклоняющіеся отъ участія въ бою. А ихъ было не мало и въ добровольческой арміи.

Всякіе бываютъ люди, и поучительно, что каждая группа, каждый типъ людей имѣетъ вполнѣ опредѣленные пріемы своихъ дѣйствій, и въ каждой картинѣ жизни они занимаютъ свое мѣсто. Но здѣсь этихъ дезертировъ было слишкомъ много...

Надвигался тихій ясный вечеръ. Природа не замѣчала того ужаса и гнета, который царилъ теперь въ душахъ людей, и заходящее солнце посылало свои мягкіе осенніе лучи на спокойные воды Днѣпра. Зеркальная гладь воды не отражала ненависти и злобы, которыя теперь царили въ сердцахъ людей. Природа спокойно засыпала въ осеннемъ вечерѣ, когда людская буря только начинала завывать, и звонкая дробь пулеметовъ неумолкающими переливами разносилась въ прозрачномъ воздухѣ.

Наша рота длинной вереницей гуськомъ спускалась съ крутой лѣстницы отъ Аскольдовой могилы къ Цѣпному мосту и разсыпалась въ охраненіе, пересѣкая шоссе. Мое мѣсто было около канавы у самой дороги, по которой тянулась волна бѣженцевъ. Меня кто-то окликнулъ по имени и отчеству: въ простой повозкѣ груженой вещами, на которой размѣстилась вся семья, уходилъ въ бѣженство мой коллега профессоръ М. Н. Лапинскій. При этихъ встрѣчахъ мы перекидывались нѣсколькими словами со знакомыми. Утѣшать ихъ было нечѣмъ — цѣпи у мостовъ краснорѣчиво говорили объ участи Кіева. Я думалъ о томъ, что въ случаѣ полной неудачи и наступленія большевиковъ за Днѣпръ ихъ положеніе будетъ хуже нашего. Мы все же боевыя части, а бѣженцы — жертвы, обреченныя на произволъ судьбы. Ихъ уби-

вали и большевики, и бандиты, и просто мужички, прельщенные грабежомъ.

Рота разсыпалась въ охраненіе, а я прошелъ съ командиромъ роты въ отведенное помѣщеніе, гдѣ надо было на всякій случай устроить все необходимое для перевязочнаго пункта. Тамъ были и присоединившіяся къ намъ сестры. Въ нашемъ штабѣ теперь сосредоточилось все управленіе охраною мостовъ.

Теперь пропускали черезъ мостъ безостановочную вереницу отходящихъ.

Рота прошла Цѣпной мостъ и выстроилась у входа со стороны Слободки. Къ намъ подходилъ генералъ Бредовъ. Онъ поздоровался и обошелъ роту.

Бредовъ былъ моложавый, красивый генералъ, командовавшій седьмою дивизіей, которая занимала Кіевъ. Онъ очень спокойно далъ задачу, и взводы направились каждый по своему назначенію. Штабъ охраны мостовъ, начальникомъ которой былъ командиръ нашей роты, занялъ зданіе кинематографа недалеко отъ моста.

Никто точно не зналъ силъ добровольческой арміи, державшейся только гипнозомъ своего успѣха. И это было счастьемъ, ибо если бы разсѣялся миражъ, и узнали бы дѣйствительность, армія не продержалась бы и часу. У Бредова совершенно не было войскъ. Полки седьмой дивизіи были въ составѣ немногихъ сотенъ людей, и громкія названія не отвѣчали содержанію. Была здѣсь такъ называемая гвардія, т. е. части ея съ полковникомъ Стесселемъ во главѣ. Направо, впереди Черниговскаго моста, вели бой части 15-ой дивизіи, а гдѣ-то впереди дрался партизанскій отрядъ полковника Струка, объ измѣнѣ котораго съ утра разнеслись слухи по городу.

Этимъ громкимъ именамъ отвѣчала въ дѣйстительности буквально горсточка людей. Были отряды въ 20—40 человѣкъ. Успѣхъ блестящаго наступленія добровольческой арміи, докатившейся до Орла, не имѣлъ въ своей основѣ физической силы. Сражались добровольцы великолѣпно и передавали, что побѣда у нихъ считалась обезпеченною, если на одного добровольца приходилось по десять большевиковъ.

Мнѣ, привыкшему къ виду боевъ въ большихъ размѣрахъ и въ строгомъ порядкѣ, гдѣ въ доступномъ кругозору пространствѣ маневрировали десятки тысячъ солдатъ, странны были эти разсѣянныя горсточки людей, занимавшіе позиціи по десяткамъ, безъ единаго человѣка въ резервѣ.

Каждый отрядъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно. Здѣсь были выработаны особые пріемы боя, совершенно непохожіе на то, къ чему мы привыкли во время настоящихъ войнъ.

Мы заняли мосты. Роли были расписаны по одиночкѣ. Въ штабѣ была руководящая нить обороны мостовъ. Теперь должно было выясниться, что будетъ дальше. Если войска отойдутъ за Днѣпръ, вся тяжесть боя ляжетъ на нашъ отрядъ. Если войска удержатся въ городѣ у Никольскихъ воротъ, и у арсенала, то мы проведемъ ночь спокойно. Но именно ночь-то и требовала вниманія, ибо мосты были передовой позиціей.

Центръ командованія перекинулся за Днѣпръ. Я встрѣтилъ здѣсь снова коляску, запряженную четверкой, въ которой сидѣлъ Стессель. Этого достойнаго офицера здѣсь уважали, и я много разъ въ эти дни встрѣчалъ его въ районѣ боевыхъ дѣйствій. Вдоль шоссе и по дворамъ стояли обозы. Знакомый навозный запахъ коновязей у биваковъ мѣшался съ дымомъ костровъ, на которыхъ грѣлись неизбѣжные котелки съ чаемъ. У одного изъ такихъ костровъ я узналъ чеченца въ буркѣ изъ волчанскаго отряда, того самаго, который утромъ ограбилъ судебнаго слѣдователя у тюрьмы. Онъ раздувалъ теперь костеръ и шомполомъ выкатывалъ печеныя картошки изъ золы. Объ этихъ кавказцахъ теперь говорили съ пренебреженіемъ: мастера грабить, а не сражаться. Какъ онъ очутился здѣсь у костра?

У моста я встрѣтилъ знакомаго, содержателя колбасной фабрики, у котораго недавно вылечилъ тяжело больную дочь. Я улучилъ свободную минуту и воспользовался его предложеніемъ накормить меня. Мѣщане Слободки жили великолѣпно. Столъ ломился отъ яствъ. Особенно по вкусу пришлась мнѣ рюмка водки въ эту скороспѣлую трапезу. Мы говорили весело и оживленно. Насъ — добровольцевъ принимали хорошо и на насъ надѣялись. Были увѣрены, что мы отобьемъ большевиковъ и во всемъ были предупредительны. Мы сидѣли за столомъ такъ дружно и уютно, какъ будто тамъ за мостомъ не рвались снаряды, не гибли люди и грозные раскаты пулеметовъ и ружейной трескотни не нарушали нашего мирнаго разговора. Глухо слышались удары орудій. Они становились рѣже, и свѣдѣній о ходѣ боя дальше не получалось.

Я вернулся къ мосту. Пришло донесеніе, что желѣзнодорожный мостъ нами занятъ, и что тамъ есть нашъ бронепоѣздъ, что вокзалъ еще въ нашихъ рукахъ. Возмущались тѣмъ, что среди бѣженцевъ было много офицеровъ, даже съ винтовками, которые уходили съ мѣста боя.

Разсказывали, какъ генералъ Драгоміровъ останавливалъ ихъ, формировалъ изъ нихъ отряды и посылалъ въ составъ офицерскихъ ротъ.

Все еще надѣялись, что удастся удержаться, хотя Богъ вѣдаетъ, на чемъ основывалась эта увѣренность. Каждый

надѣялся на другихъ и вѣрилъ въ другихъ, но не въ себя и не въ свою часть. Все грезились миражи подкрѣпленій. Сколько дерется и наступаетъ большевиковъ, никто не зналъ. Линія Днѣпра во всякомъ случаѣ была защитой и ее надѣялись удержать. А тамъ придется вновь брать Кіевъ.

Носились слухи, что подходятъ знаменитые полки добровольческой арміи: Дроздовскій и Корниловскій. Кіевляне хорошо знали Якутскій полкъ Бредовскаго отряда, но онъ теперь былъ подъ Черниговомъ, взятымъ только три дня тому назадъ, 27-го сентября. Одинъ и тотъ же полкъ въ немного сотенъ человѣкъ бралъ Царицынъ, Кіевъ, Полтаву, Черниговъ. Передавали, что этотъ полкъ теперь экстренно вызванъ и ждутъ его съ часу на часъ.

Но не было замѣтно ни страха, ни даже излишняго волненія. Когда теперь взвѣшиваешь положеніе, то удивляешься, какъ спокойно переживали люди эти невѣроятныя катастрофы. Въ жизни все это происходило гораздо проще, чѣмъ на сценѣ или въ романахъ, которые потомъ будутъ описывать это время.

Было удивительно то, что еще мало понимали всю грязь и мерзость революціи: неизлечимо благодушный русскій интеллигентъ и въ эти часы, вмѣсто того, чтобы сплотиться и дать отпоръ волнѣ хамства, всеразрушенія и всепоруганія, продолжалъ изливать свое порицаніе „старому режиму" и говорить о „завоеваніяхъ революціи". Даже наша офицерская рота въ эти тяжелые дни на привалахъ и въ часы отдыха заводила разговоры, проникнутые керенщиной. Больше всего опасались, какъ бы не показаться монархистами и не запѣть русскаго гимна.

Мимо нашей позиціи продолжала катиться волна бѣженцевъ. Перегруженные ими поѣзда шли и черезъ желѣзнодорожный мостъ на Дарницу и Борисполь. Но бѣженцы въ Слободкѣ не задерживались. Передавали, что видѣли среди уѣзжающихъ всѣхъ знакомыхъ: профессоровъ, врачей, юристовъ, чиновниковъ, людей свободныхъ профессій и самыхъ либеральныхъ общественныхъ дѣятелей. Только не было ни одного еврея. Сердца еврейства тяготѣли къ большевикамъ, и они оставались въ городѣ. Русскій интеллигентъ по прежнему неисправимо находился подъ гипнозомъ, и заявить о томъ, что еврейство держитъ въ своихъ рукахъ ключъ революціи, считалось отсталостью и черносотенствомъ. А показаться отсталымъ ретроградомъ для русскаго интеллигента было свыше его силъ. Потокъ лживыхъ фразъ такъ и лился съ его незамолкающихъ устъ. И даже теперь, уходя отъ смерти и ограбленія подъ защитой добровольческихъ штыковъ, онъ не клеймилъ своихъ враговъ и палачей, а изливалъ свою критику на распоряженія добровольческаго коман-

дованія, и поминалъ лихомъ не революцію, а старый режимъ. Тѣмъ страннѣе было видѣть этотъ почти поголовный отходъ всѣхъ тѣхъ, кто какъ нибудь могъ уйти отъ наступающаго рая большевиковъ. Разладъ и ложь царили въ душѣ интеллигенціи. Она не смѣла провозгласить открыто лозунгъ борьбы съ большевиками, борьбу за старый укладъ жизни, за монархическій строй. Наоборотъ, она оправдывалась, говоря, что она ничуть не желаетъ возвращенія къ старому. И подумать нельзя было вслухъ высказать сочувствіе монархіи въ обществѣ офицеровъ нашей роты на привалахъ, когда мы подъ звуки канонады пили чай. Сейчасъ махали руками и говорили „что вы, что вы... только не монархія, не старый режимъ!...“

А что же другое? Во имя чего же вы боретесь? Какому богу служите?

Безъ руля и безъ вѣтрилъ шла борьба добровольцевъ. Имъ говорили, что борятся они противъ преступленій большевиковъ, а то, что разрушали Россію кадеты, керенщина и либеральная интеллигенція, даже думать воспрещалось. Конечно не признавалось и здѣсь никакого авторитета, и все критиковалось. Сейчасъ нападали на генерала Драгомірова, и каждый считалъ своимъ пріятнымъ долгомъ лягнуть начальство. И чѣмъ дальше въ тылъ, тѣмъ больше. Лучшіе, идейные борцы и мстители гибли въ бояхъ, а благодушный интеллигентъ-керенецъ уходилъ въ тылъ и пускалъ фонтанъ словесныхъ шрапнелей не въ непріятеля, а въ своихъ. Не слышалось критики и ругани по адресу большевиковъ. О нихъ даже мало говорили...

Мы начинали жить обычной военно-походной жизнью. Временно мы были внѣ сферы огня, и только нѣсколько снарядовъ случайно разорвалось вправо отъ насъ надъ рѣкою, вблизи шоссе.

Слободка насъ встрѣтила привѣтливо. Здѣсь ненавидѣли евреевъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ боялись ихъ. За время добровольцевъ здѣсь уже громили ихъ, и теперь они почти всѣ скрылись въ городѣ. Остались немногіе.

Какъ и всегда, насъ окружили жители, глядѣвшіе на насъ съ любопытствомъ и вопросомъ. Они жаждали утѣшительнаго отвѣта: удержимся ли мы?

— Ну, конечно! Это недоразумѣніе. Конечно большевиковъ отобьютъ! Вѣдь это только на одинъ день они заняли Кіевъ.

Но мы хорошо знали, что значитъ одинъ день расправы большевиковъ. Тамъ могли погибнуть тысячи невинныхъ жертвъ.

Къ ночи бой усилился. Холоднѣло. Устраиваться на ночлегъ въ эту ночь было нельзя. Мы ежеминутно ждали

боевыхъ приказанiй и за мостами надо было глядѣть зорко.

Когда стемнѣло, человѣкъ двадцать офицеровъ со штабомъ нашего отряда столпились въ телефонной комнатѣ. Это была небольшая клѣтушка въ деревянной избѣ, во второмъ этажѣ, куда вела темная кривая лѣстница. У аппарата сидѣла барышня. Телефонъ еще работалъ съ Дарницей, но съ Кiевомъ уже нѣкоторое время переговоры не удавались.

Мы расположились кто какъ могъ. Я сидѣлъ на полу у стѣнки, вытянувъ ноги. Всѣ были наготовѣ, съ винтовками въ рукахъ и настроенiе духа было напряженное. Шли обычные разговоры, которые ведутся на постахъ у полосы огня.

О чемъ говорилось? По существу — ни о чемъ. Повторяли тѣ же слухи и вѣрили, что отобьютъ большевиковъ.

По телефону изъ Дарницы сообщили, что тамъ спокойно. Но нѣсколько позже, около 10 часовъ вечера, когда было очень темно и тускло горѣвшая лампа мрачно освѣщала берлогу, въ которой мы ютились кучей на полу, въ полусидячихъ позахъ, разыгрался довольно глупый инцидентъ.

Командиръ роты охранявшей мосты соединился съ Дарницей, желая получить свѣдѣнiя о состоянiи желѣзнодорожнаго моста. Телефонистка вызвала станцiю и съ недоумѣнiемъ на лицѣ чуть не выпустила трубку изъ рукъ:

— Кто у телефона?... Что такое?...

Полковникъ, послышавъ тревогу въ голосѣ телефонистки, поспѣшно взялъ трубку въ руки.

— Кто говоритъ?

— Что нужно, товарищъ?

Чортъ знаетъ что! Вѣдь невозможно, чтобы Дарница была въ рукахъ большевиковъ.

— Кто у телефона?

— Комиссаръ... — Потомъ глупый смѣхъ...

Шутка... въ этотъ жуткiй часъ!

Желѣзнодорожники и телеграфисты оставались вѣрны себѣ. Эта каста полухамовъ и полуинтеллигентовъ за все время революцiи стяжала себѣ позорную славу. Въ нихъ воплотилась вся грязь революцiи, всѣ низкiе инстинкты грабежа и разрушенiя. Предательство, низость, трусость, подлаживанiе подъ большевиковъ, которымъ они идейно сочувствовали, по скольку режимъ большевиковъ, — въ нихъ нуждавшiйся — имъ позволилъ бездѣльничать и грабить. У нихъ не было идеи родины. Они разлагали тылъ, портили операцiи передвиженiя добровольцевъ, жрали и грабили грузы. Полная безнаказанность дѣлала ихъ наглыми и дерзкими. Нервъ культуры — пути сообщенiя — былъ въ рукахъ этой сволочи, развращенной еще кадетомъ Накрасовымъ, а потомъ пресловутымъ „Викжелемъ". Среди нихъ трудно было найти

порядочного и интеллигентнаго человѣка. Имъ даже не нужно было продаваться, ибо каждая новая власть и сила въ нихъ нуждалась. Керенщина какъ нельзя лучше пришлась по вкусу этой дряни, называвшей себя демократіей. Теперь они охотно служили большевикамъ, и даже черезвычайка рѣдко трогала желѣзнодорожниковъ.

Въ Слободкѣ все было тихо. До 11 час. ночи на улицахъ горѣло электричество. Движеніе изъ города почти замерло. За горами со стороны Никольскихъ воротъ и арсенала попрежнему слышались раскаты стрѣльбы. Очень боялись мы за арсеналъ. Рабочіе, какъ и всегда были ненадежны, а вѣдь арсеналъ выпустилъ изъ нѣдръ своихъ во время революціи цѣлую пачку чекистовъ и мерзавцевъ, показавшихъ себя во время большевизма. Пока однако свѣдѣній объ его измѣнѣ, ожидавшейся съ часу на часъ, не было.

Около 11 часовъ телефонъ соединился съ Кіевомъ. Станція отвѣчала, но отвѣты были кратки и неопредѣленны. Мы заключили, что что-то стѣсняетъ телефонистку: ужъ не комиссаръ ли торчитъ у телефона? Добиться свѣдѣній о положеніи дѣла въ Кіевѣ не удалось.

Черезъ мостъ провозили раненыхъ, но я ихъ не задерживалъ: за вторымъ мостомъ, верстахъ въ трехъ, работалъ перевязочный пунктъ, открытый врачами Краснаго Креста. Однако надо было точно оріентироваться, куда направлять раненыхъ, и мнѣ поручено было сходить на этотъ пунктъ и наладить дѣло.

Ночь была холодная, октябрьская, темная. Было мало видно, но по шоссе можно было идти свободно. Слободка спала. Въ непроглядной тьмѣ все было тихо. Второй мостъ тоже охранялся, а за нимъ недалеко проходила вѣтка желѣзной дороги на Черниговскій желѣзнодорожный мостъ, откуда все еще грозила опасность. Туда напирали большевики и держать связь съ этимъ мостомъ было трудно.

Перевязочный пунктъ былъ расположенъ въ зданіи волостного правленія. Это была одна изъ самыхъ мрачныхъ картинъ, которыя мнѣ приходилось видѣть во время войнъ. Здѣсь не могло уже быть управленія медицинской помощью: врачи должны были оріентироваться сами. Тамъ работали врачи Андресъ, Исаченко и Тылинскій, съ которыми я встрѣтился вечеромъ по ту сторону моста. Тутъ же орудовалъ большевикъ-врачъ Агонесовъ, женатый на родственницѣ Раковскаго. Этотъ предатель уже внѣдрился въ ряды добровольческой арміи, чтобы лучше дѣлать свое разрушительное дѣло.

Въ полуосвѣщенной комнатѣ оперировали и перевязывали раненыхъ. Нѣсколько десятковъ ихъ уже перевезли сюда изъ города, съ мѣста боя. Были тяжело раненые. Все

было приготовлено наскоро. Работали тревожно, неспокойно, не будучи увѣрены въ томъ, можно ли здѣсь долго держаться. На мѣстѣ боя никого изъ врачей, кромѣ меня, не было, а потому я былъ въ курсѣ дѣла, и мы сговорились, что въ случаѣ тревоги я своевременно дамъ имъ знать, и тогда они уйдутъ въ Бровары. Мы полагали, что Черниговъ еще нашъ, и что путь отступленія еще существуетъ. На пунктѣ не было самого необходимаго. Люди были измучены и голодны.

Перевязочный пунктъ во время боя — мѣсто, гдѣ лучше всего можно оріентироваться, въ положеніи дѣла. Раненые прибывали съ разныхъ мѣстъ, и мы знали, что Кіевъ еще держится, что идетъ жестокій бой у Никольскихъ воротъ и на спускѣ за арсеналомъ.

Какъ разъ оттуда привезли теперь на извозчикѣ тяжело раненаго. Съ нимъ былъ его товарищъ, вольноопредѣляющійся корниловскаго полка съ тремя георгіями. Послѣдній былъ крайне возбужденъ. Задыхаясь отъ усталости и усилій при вносѣ раненаго въ комнату, онъ не прерывая, хриплымъ голосомъ возмущался:

— Нѣтъ никого... Никого тамъ нѣтъ... Мы бьемся одни... Одни... Всѣ въ тылу... Любимъ воевать въ тылу...

А самъ-то онъ?... Развѣ его дѣло везти раненаго и выходить изъ строя?

Но такъ ужъ построена психика человѣка, что онъ тушитъ свою совѣсть въ ругани другихъ. Обвиняютъ другихъ въ томъ, въ чемъ виновны сами... Онъ сообщилъ намъ, что въ упорномъ бою они горсточкою отбили большевиковъ и продвинулись теперь до самой Бессарабки.

Другіе сообщали, что у Никольскихъ воротъ идетъ жестокій бой, и что большевики напираютъ черезъ Маріинскій паркъ. Тамъ отчаянно сражаются маленькіе самозванные отряды. Тамъ былъ Волчанскій отрядъ и какой-то особый гвардейскій кирасирскій эскадронъ, само собою разумѣется, безъ лошадей. Эти горсточки бойцовъ отбивали пока всѣ натиски большевиковъ и не допускали ихъ къ спуску.

Все же этотъ успѣхъ уже давалъ кое что.

Я поспѣшилъ назадъ къ мостамъ.

Эти три версты я шелъ одинъ въ совершенномъ мракѣ. И вправо, и влѣво Слободка, весною заливаемая водою и напоминающая Венецію, теперь лежала внизу отъ насыпи, и въ ней все было жутко тихо. Со стороны города, спереди неслась неумолкающая канонада. Симфонія эта отбивала свой ритмъ мѣрными ударами орудій. Бой не только не затихалъ, но все усиливался. Какъ трудно было угадать по этимъ звукамъ, куда клонится успѣхъ.

Наверху, на ясномъ небѣ, холодно сверкали непривѣт-

ливыя осеннія звѣзды. И вспоминались такія же батальныя ночи, когда подъ этимъ сверкающимъ алмазными точками куполами люди предавались самоуничтоженію, въ дикой борьбѣ лились потоки крови, и страхъ своими оковами сжималъ души тысячъ гибнущихъ людей.

Сколько ихъ въ моей длинной, полной приключеній, жизни! А я вѣдь былъ только гость-любитель въ этихъ драмахъ.

Мракъ ночи на войнѣ тяжелъ, и многое переживаетъ человѣкъ въ своихъ тайныхъ думахъ, и сумрачной становится душа его.

Я всегда внимательно вглядывался въ эти необычныя картины и часто думалъ: какая сила заставляетъ эти маленькія группы героевъ-борцовъ, самыхъ сѣрыхъ и малоизвѣстныхъ людей, геройски драться и незамѣтно гибнуть. Противъ нихъ шли опъяненные кровавыми лозунгами и инстинктомъ грабежа толпы красноармейцевъ, гонимые фанатиками и лжецами, какъ безсмысленное стадо. Красная волна все разрушала въ безсмысленномъ экстазѣ и топила свой стыдъ и разсужденіе въ злобѣ и зависти покою и богатству.

А эти люди? Что двигало ими? Они не искали славы, ибо гибли *безъ имени*. Потомство не узнаетъ о нихъ и не оцѣнитъ ихъ подвига. Для тѣхъ, кто зналъ соотношеніе силъ и печальную дѣйствительность положеніе, борцовъ съ революціей, — не много было надежды побѣдить. А дрались они въ эти дни какъ львы. Волчанцы сегодня, говорятъ, безъ счету ходили въ аттаки. Изъ всего отряда кирасиръ счетомъ 30 человѣкъ осталось въ живыхъ пять. И не бѣжали, а держали городъ въ своихъ рукахъ. Никто свыше ими не командовалъ. Эти маленькія группы людей сами знали, что надо дѣлать.

Ихъ скоро забыли. И родина потомъ забудетъ, что были люди, которые за нее боролись отчаянно, безкорыстно, безнадежно.

У Никольскихъ воротъ десятки людей держались противъ тысячи и отбивали всѣ аттаки.

Евреи говорили, что „добровольцы — это грабители".

Нѣтъ, тѣ, кто дрался тамъ въ эту ночь, были не грабители. Это были герои. Это были русскіе юноши, слѣпо преданные долгу и беззавѣтно умиравшіе во имя родины.

Я весь ушелъ въ созерцаніе. Это полное одиночество во мракѣ черной ночи и жуткой тишинѣ наводило на мирныя и глубокія думы. Становилось на душѣ хорошо и она примирялась со смертью. Красива была эта глубокая и страшная для людей ночь. И царила надъ ней душа человѣка, одиноко размышлявшаго надъ ея тайнами. Въ глубокой стального чернаго цвѣта вышинѣ, усѣянной мерцающими звѣздами

царилъ вѣковой покой и величаво стройное движенiе свѣтилъ. Внизу, въ непроглядномъ мракѣ короткой вспышкой бурлила ненависть и злоба, люди дрались и убивали другъ друга для того, чтобы безслѣдно смести съ поверхности земной коры свою исторiю, мелькнувъ короткой блесткой на лентѣ прошлаго.

Я вернулся въ телефонную комнату. Усталые люди томились въ полуснѣ, стараясь принять возможно удобное положенiе и вытянуть затяжелѣвшiя ноги. Дремалось, и время, несуществующее для Вселенной, медленно тянулось въ душѣ человѣка. Хотѣлось, чтобы ночь минула скорѣй.

Послѣ полуночи въ комнату вошелъ генералъ Непѣнинъ съ начальникомъ штаба и подошелъ къ телефону. Отсюда онъ теперь долженъ былъ руководить боемъ. Намъ пришлось очистить комнату и мы прiютились въ залѣ кинематографа, неудобно прикурнувъ на стульяхъ и впавъ въ полузабытье.

Время для усталой психики перестало существовать.

* * *

Къ разсвѣту канонада со стороны города еще усилилась. Всю ночь томились мы въ тревогѣ и рано поднялись. Передавали, что въ городѣ большевики отброшены за Крещатикъ, до котораго наши проникли вчера, и что бой для насъ идетъ успѣшно. Передавали утѣшительные слухи, что къ намъ подходятъ войска, и называли Дроздовскiй полкъ. Но то, что видѣлъ я, мало говорило о полкахъ, то были горсточки солдатъ и офицеровъ. Разсказывали о геройской борьбѣ партизанскихъ отрядовъ и повторяли слухъ объ измѣнѣ Струка, который потомъ не подтвердился. Оказалось наоборотъ: Струкъ былъ отрѣзанъ отъ Черниговскаго моста и оставался въ тылу у непрiятеля со своимъ Малороссiйскимъ отрядомъ.

Эти украинскiе атаманы съ ихъ шайками обыкновенно были ничуть не лучше большевиковъ. Они также грабили, убивали и все уничтожали, а въ смыслѣ разрушенiя Россiи были еще вреднѣе, ибо укореняли всюду самостiйность, т. е. измѣну. Они всегда и всюду измѣняли и предавали, слѣдуя политикѣ одного изъ главныхъ мерзавцевъ русской революцiи — Петлюры. Но Струкъ перешелъ теперь къ добровольцамъ и не измѣнилъ имъ. Говорили, что уже видѣли въ Кiевѣ народныхъ комиссаровъ — Раковскаго и Затонскаго. Послѣднiй — лаборантъ физической лабораторiи, какъ и многiе профессора и преподаватели политехникума, дѣлалъ свою карьеру на лѣвой политикѣ, а не наукѣ. Уже задолго до революцiи во многихъ техническихъ русскихъ высшихъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ былъ притонъ не науки, а революціи. Тонъ этотъ былъ данъ ставленникомъ Витте, очень умнымъ и хорошимъ профессоромъ механики Кирпичевымъ, который, имѣя крупныя заслуги по устройству въ Россіи технологическихъ Институтовъ и политехникумовъ, въ послѣдніе годы ихъ же разрушалъ, превративъ въ академіи революціи. Составъ профессоровъ выбирался только лѣвый, и научный цензъ не значилъ ничего. Карьеру можно было сдѣлать только будучи членомъ эсдековской партіи. Кирпичевъ и вся его семья — сынъ и дочь — были вдохновителями русскаго развала и впослѣдствіи его потомство работало то съ эсерами, то съ большевиками. Изъ этого болота вышелъ и Затонскій. Грязный, грубый и жестокій онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ кіевскихъ убійствъ. Такая же кровожадная и глупая была его жена. Затонскій въ научномъ отношеніи — нуль, а во время большевиковъ былъ комиссаромъ народнаго просвѣщенія и губилъ во славу революціи русскую науку. Трудно было разобрать, былъ ли онъ простымъ мошенникомъ или глупымъ фанатикомъ, но наглъ былъ до безпредѣльности. Жена же его была столько же глупа, сколько и плохимъ врачемъ.

Однако появленіе комиссаровъ въ Кіевѣ вчера было лишь слухомъ. Въ одинъ голосъ всѣ говорили только о евреяхъ. Они предавали, доносили, стрѣляли изъ за угловъ и оконъ ставили пулеметы на чердакахъ и помогали большевикамъ. А русскій благодушный интеллигентъ кадетскаго типа билъ себя въ грудь и кричалъ, что обвинять евреевъ есть мракобѣсіе и отголосокъ стараго режима, что на этихъ несчастныхъ клепаютъ напрасно, и что бѣдные евреи неповинны ни въ чемъ.

Всю ночь рѣдкимъ потокомъ шли бѣженцы черезъ мостъ. Къ утру этотъ потокъ пріостановился, и съ первыми хорошими извѣстіями люди потянулись обратно. Такъ неустойчива толпа.

Наша рота должна была остаться на мостахъ, а я получилъ командировку въ городъ, чтобы разузнать тамъ положеніе и использовать свою работу въ дѣйствующихъ отрядахъ.

Утро было ясное и свѣтлое, и я медленно шелъ въ гору. Уже у Аскольдовой могилы стали попадаться трупы. Наши части дѣйствительно продвинулись впередъ, и на Московской улицѣ противъ пятой гимназіи можно было видѣть картину предверія боя. На перевязочномъ пунктѣ опять кипѣла работа, кормили офицеровъ и солдатъ съ позиціи. Но позицій въ тѣсномъ смыслѣ слова не было. По всему городу по ту сторону Крещатика шелъ уличный бой. Я шелъ налегкѣ, имѣя при себѣ только винтовку съ патронами и при-

винченнымъ штыкомъ, и нѣсколько перевязочныхъ пакетовъ. Я направился къ Никольскимъ воротамъ. Тамъ всю ночь шелъ бой. На Маріинскій паркъ напирали большевики, ихъ отбивали небольшія кучки добровольцевъ. Кирасиры и волчанцы десятками ходили въ аттаку противъ сотенъ красноармейцевъ. Теперь здѣсь было пустынно. Движеніе по Александровской улицѣ было малое. Маріинскій паркъ былъ пустъ. Со стороны Бибиковскаго бульвара и Шулявки слышалась ружейная пальба и переливы пулеметовъ. Я шелъ одинъ и спустился къ Царской площади. На углу въ различныхъ позахъ на мостовой валялось около десятка труповъ красноармейцевъ. Это были безусые деревенскіе парни. Въ нихъ идей революціи вовсе не было. Фанатики-интеллигенты, разжигавшіе костеръ революціи умѣли послать на убой этотъ скотъ, пробудивъ въ немъ инстинкты грабежа и ненависть. Глядя на нихъ я думалъ, каковъ смыслъ всей этой бойни? Революцію устроили русскіе генералы, сановники, члены думы, фанатики, честолюбцы и яко бы угнетаемый еврейскій народъ, а гибли въ уличномъ бою эти ихъ защитники, и ни одного еврея или интеллигента среди нихъ не было. Умѣли же люди обратить въ свою опору латышей, китайцевъ, а впослѣдствіи и русскихъ парней, подъ охраной штыковъ которыхъ они и творили гнусное дѣло всеуничтоженія. Трупы были уже раздѣты и ограблены до чиста.

Такъ было вездѣ и всюду за эти годы войны.На поляхъ сраженій обирали убитыхъ и раздѣвали. Кто грабилъ? Всѣ. Тутъ не было ни предразсудковъ, ни излишней сентиментальности. Идетъ человѣкъ-воинъ мимо, глядитъ — у убитаго сапоги получше. Не долго думая, онъ, отложивъ винтовку въ сторону, сядетъ, примѣритъ, перемѣнитъ, броситъ тутъ же свои и пойдетъ себѣ дальше, ни мало не придавая значенія тому, что сдѣлалъ, и даже не вспомнитъ объ этомъ потомъ.

Здѣсь уже рвались рѣдкія шрапнели, и Крещатикъ былъ безлюденъ. Тревожно проходили люди. Меня не разъ останавливали жители, сообщая о томъ, что тутъ во дворѣ у нихъ лежитъ убитый, и спрашивали, что дѣлать съ трупомъ. Что можно было дѣлать? Пожмешь плечами и только. Повсюду вѣдь шелъ бой, и люди какъ будто существовали для того, чтобы ихъ убивали.

Я шелъ по направленію къ огню. Дошелъ до думской площади. Временами становилось жутко, когда вблизи ударяли гранаты, и немногіе люди, бывшіе на тротуарахъ, бросались подъ защиту стѣнъ, прижимаясь къ нимъ. Со стороны Шулявки большевики обстрѣливали городъ безъ плана, безъ системы. Встрѣчные офицеры сказали мнѣ, что направо у Владимірской горки стоитъ гвардія, и что бой идетъ теперь

на Владимірской у театра и распространяется по Бибиковской и Фундуклеевской къ Святошину.

Я поднялся по Мало-Житомірскій и, проходя мимо моей квартиры по Михайловскому переулку, на минуту зашелъ къ себѣ. Хозяева разсказали мнѣ, какъ тревожно провели они вчерашній день. Это мѣсто вторыя сутки непрерывно бомбардировали. Ко мнѣ въ комнату заходили какіе-то люди и подъ предлогомъ нуждъ раненыхъ забрали бутылку спирта и перевязочный матерьялъ, предупредительно отданные имъ моими хозяевами. Конечно спиртъ пошелъ не на раненыхъ...

Надо было спѣшить, и я пошелъ дальше.

На Софіевской площади было жутко. Здѣсь часто рвались снаряды. Вдоль фасада присутственныхъ мѣстъ бодро ходилъ стражникъ съ винтовкой и всѣмъ, кто показывался на площади, знаками и крикомъ давалъ сигналы, чтобы переходили на ту сторону подъ защиту зданія: тамъ отъ снарядовъ было безопаснѣе. Вотъ исполнялъ же здѣсь свой долгъ человѣкъ въ одиночку, хотя никто его и не контролировалъ.

Привыкнувъ все анализировать и наблюдать, я залюбовался на стражника, несшаго свои обязанности съ пафосомъ заботливости о безопасности другихъ, и думалъ: ну, а меня сейчасъ какая сила гонитъ сюда? Зачѣмъ я пробираюсь и куда, когда могъ бы спокойно сидѣть за мостомъ? И не было во мнѣ никакихъ логическихъ мотивовъ этого торчанія вь районѣ боя, не было ни героизма, ни фанатизма долга. Такъ просто, чортъ знаетъ что меня тянуло впередъ? Я только зналъ, что оставаться внѣ этого безобразія я не могъ. Конечно, можно найти поэзію и въ боѣ. Но, право, когда участвуешь въ этой кашѣ и вся душа ваша трепещетъ, объятая страхомъ, — поэзіи и красоты здѣсь мало. По крайней мѣрѣ ее надо умѣть найти. Или вѣрнѣе ее находишь позже, когда вспоминаешь, какъ умирали люди, какъ помогали другимъ. Подвиговъ тутъ можно найти несчетное число. И порою душа человѣка предстанетъ предъ вами во всей своей красѣ. Но не вѣрьте человѣку, говорящему вамъ, что разрывъ снаряда около него, или стонъ умирающаго, или разодранное ударомъ штыка тѣло вашего сосѣда было красиво... Въ эти жуткіе моменты въ душѣ человѣка царитъ одинъ лишь смертный страхъ...

И теперь, когда мнѣ надо было перейти эту площадь, на которой часто ложились снаряды, въ душѣ моей царилъ животный страхъ, и я долженъ былъ дѣлать большія усилія, чтобы побѣдить его. Ноги невольно подгоняло что-то впередъ: хотѣлось не итти, а бѣжать.

Ко мнѣ присоединился молодой поручикъ, и мы, перейдя площадь отъ Михайловскаго монастыря, пробрались вдоль

стѣнъ присутственныхъ мѣстъ и направились къ Владимірской.

Гвардіи я не видѣлъ. Направо, на Подолѣ, говорили, сражался Струкъ. Главный же бой шелъ налѣво, у театра. Мнѣ попались два-три раненыхъ, которыхъ я перевязалъ. Они сообщили мнѣ, что главная опасность въ уличномъ бою — сзади. Стрѣляютъ изъ оконъ евреи.

Здѣсь улицы были совершенно пусты. Повсюду визжали пули. И на нихъ уже не обращали вниманія. Но когда съ грохотомъ рвался вблизи снарядъ, каждый разъ замирало сердце. Здѣсь, не на виду у людей, а въ одиночку, труднѣе было бороться со страхомъ и владѣть собою. Меня не тянуло итти назадъ, а просто было страшно, пока не подойдешь къ своимъ. Надо было зорко смотрѣть, чтобы не попасть случайно къ большевикамъ. А гдѣ были наши цѣпи, я точно не зналъ.

Когда я подошелъ къ театру, большевиковъ уже отбили дальше. Видно было, какъ рѣдкой цѣпью шли наши по улицѣ и велся напряженный бой. По временамъ навстрѣчу попадались самые обыкновенные обыватели, которые шли по своимъ дѣламъ по обстрѣливаемымъ улицамъ По ассоціаціи вспоминалась сцена изъ романа Золя, какъ крестьянинъ въ районѣ поля сраженія спокойно пахалъ свою землю. Сейчасъ же мысль пролетѣла въ далекую Манджурію, гдѣ во времи одной рекогносцировки я видѣлъ повтореніе этой сцены въ другой формѣ: китайскій „ходя" — такъ называли ихъ русскіе — ковырялъ мотыгой свой участокъ поля, по которому только что прошла наша наступающая цѣпь.

Жизнь идетъ своимъ порядкомъ и ничто не собьетъ ее съ пути, намѣченнаго вѣковымъ теченіеиъ событій и привычекъ. Удивительно, какъ даже въ такіе моменты часто въ психикѣ проносятся короткія ассоціаціи прошлаго.

Мелькнетъ обрывкомъ кинематографической ленты памяти, возстанетъ изъ давно забытаго яркая картина прошлаго и снова погаснетъ. Дѣйствительность вновь завладѣетъ психикой, и снова слышится неопредѣлимый звукъ полета пуль, и грохнетъ невдалекѣ граната.

Я озирался иногда кругомъ, и взглядъ мой падалъ на окна домовъ. Часто и мнѣ казалось, что оттуда стрѣляютъ. Потомъ я сомнѣвался и думалъ, не плодъ ли это боязливо возбужденной психики. По большей части въ окнахъ ничего не было видно. Но иногда оттуда на меня, одиноко шедшаго съ винтовкой въ рукѣ по улицѣ, глядѣло любопытное лицо. Выглянетъ и тотчасъ скроется словно опасаясь, что именно вотъ теперь, сейчасъ можетъ влетѣть туда непрошенная пуля, а тогда, когда лицо выглянуло было безо-

пасно... И боязливо спрячется. Иногда я пріободрялся и думалъ:

„Богъ знаетъ, сколько правды въ этихъ повальныхъ сообщеніяхъ о стрѣльбѣ сзади изъ оконъ“.

И при этой мысли невольно оглядывался назадъ. Тамъ все было также пусто.

Печальная дѣйствительность однако скоро убѣдила меня: на моихъ глазахъ былъ раненъ въ спину солдатъ.

Теперь, чѣмъ ближе къ цѣпи, тѣмъ осторожнѣе надо было пробираться. Часто попадались навстрѣчу наши безъ погонъ. А вѣдь погоны были единственнымъ отличіемъ нашихъ отъ большевиковъ.

На углу Фундуклеевской и Тимофеевской улицъ стрѣляло наше орудіе. Добровольцы шли рѣдкой цѣпью и тутъ же среди улицы на рукахъ подвигали орудіе, почти въ упоръ паля изъ него въ большевиковъ. Сражались безпорядочно, то группами, то въ одиночку.

Я со встрѣченнымъ поручикомъ влился въ немногочисленную цѣпь, въ которой было человѣкъ сорокъ. Это были части Волчанскаго отряда. Цѣпь продвигалась по направленію къ Святошину.

Какъ обыкновенно бываетъ въ бою, стрѣляли, перебѣгали, но почти не ложились и не задерживались. Путь впередъ пробивала пушка, и большевики легко разбѣгались. У одного изъ переулковъ, у Коммерческаго училища, вправо отъ меня, обнаружилась группа трехъ-четырехъ (пересчитать точно не было времени) большевиковъ, быстро отходившихъ къ своимъ. Они стрѣляли въ насъ, и какъ-то вышло такъ, что одинъ изъ нихъ очутился совсѣмъ недалеко отъ меня. Онъ навелъ на меня винтовку, выстрѣлилъ и пуля пролетѣла мимо моей головы. Я во время замѣтилъ красноармейца и, хорошо прицѣлившись, выстрѣлилъ въ него въ тотъ моментъ, когда онъ щелкнулъ затворомъ, чтобы выстрѣлить въ меня еще разъ. Онъ пошатнулся, опустился на землю, но не выпуская винтовки изъ рукъ, вновь сталъ наводить ее на меня. Я не могу сказать, не имѣлъ ли я времени вновь зарядить винтовку, или просто чувство самосохраненія побудило меня броситься къ нему. Въ тотъ моментъ, когда онъ пытался прицѣлиться въ меня въ упоръ, я сбилъ его винтовку въ сторону и въ него, полузапрокинувшагося назадъ, воткнулъ штыкъ въ животъ. Онъ издалъ какой-то неопредѣленный звукъ, его поблѣднѣвшее лицо скривилось, и оловянный взглядъ еще безсмысленнѣе былъ устремленъ въ пространство.

Я сознавалъ, что дѣлаю, и мнѣ казалось, что я ясно наблюдаю какъ свои переживанія, такъ и то, что происходитъ. Но, какъ психологъ, я хорошо знаю, что, быть мо-

жетъ, все это дополнила фантазія и память потомъ. Да и чѣмъ же по существу отличалась эта картина отъ другихъ, ей подобныхъ? Однажды мнѣ пришлось получить также въ уличномъ бою два удара штыкомъ въ лицо, и я какъ будто бы хорошо помню и тѣ моменты, когда штыкъ только направлялся на меня, и когда съ залитымъ кровью лицомъ я упалъ на землю, сказавъ про себя: „конецъ", думая, что я уже убитъ.

И не было даже особенно жутко въ этотъ моментъ. Теперь убивалъ я. Кромѣ чувства злобы, въ душѣ моей ничего не было, и я жадно глядѣлъ въ лицо человѣку, лежавшему на землѣ, охваченный радостью побѣды.

— На! Получай, мерзавецъ!...

Такъ мыслилъ и чувствовалъ, или по крайней мѣрѣ теперь думаю, что такъ чувствовалъ я, человѣкъ, бывшій раньше ученымъ, интеллигентнымъ и гуманнымъ.

Но долго разсуждать не приходилось. На пальцахъ рукъ, сжимавшихъ винтовку, еще оставалось ощущеніе мягкаго, когда остріе штыка пронизывало тѣло человѣка. Чувство самосохраненія заставило меня обернуться — вѣдь гдѣ-то близко были и его товарищи.

Въ этотъ моментъ раздался оглушительный ударъ и насъ обоихъ засыпало цѣлымъ ворохомъ земли и мусора: снарядъ ударилъ въ стѣну рядомъ.

Когда я стряхнулъ одежду и убѣдился, что цѣлъ, — я уже не смотрѣлъ на человѣка, котораго только что убилъ, а, зарядивъ винтовку, бросился къ своимъ. Красноармейцевъ здѣсь уже не было, а наши уже ушли впередъ.

Мы подвигались все дальше къ Святошинскому шоссе. Шла ожесточенная стрѣльба. Бой былъ тяжелъ. Отставать отъ своихъ теперь было нельзя. Сзади шелъ тотъ же безпорядочный уличный бой безъ плана, безъ руководства.

Удивительные были люди эти добровольцы, здѣсь сражавшіеся. Никому неизвѣстные, они шли, дѣлали свое дѣло и умирали, погибая „безъ имени", ибо въ этихъ партизанскихъ отрядахъ, которые либеральная интеллигенція считала только грабителями, не было никакой организаціи. Приходилъ какой-то человѣкъ, никому неизвѣстный, жилъ съ отрядомъ нѣсколько дней, сражался, умиралъ, и никто даже не интересовался потомъ узнать, кто онъ былъ, зачѣмъ пришелъ сюда. Кто былъ трусомъ, могъ отлично уйти, отстать отъ цѣпи, и о немъ никто бы и не спросилъ.

Откуда-то являлись сестры милосердія и шли въ цѣпи, подавая помощь раненымъ.

На войнѣ настоящей я никогда не видалъ такихъ боевъ.

Цѣпь залегла въ канавѣ въ виду у большевистской батареи, которая все продолжала стрѣлять по городу. Лежали

подъ защитой вала, а впереди насъ спокойно похаживалъ подъ непрiятельскимъ огнемъ высокiй полковникъ, командовавшiй ротой. Онъ все наводилъ бинокль вправо и чего-то ждалъ.

Я лежалъ и думалъ. Временами становилось жутко. Такъ никто и никогда не узнаетъ, кто ведетъ этотъ неравный бой. Какъ фамилiя этого полковника? — думалъ я. Непремѣнно узнаю потомъ. Говорили, что фамилiя его была Яковлевъ. И конечно потомъ я больше не видалъ его, какъ не знаю и окончательной судьбы партизанскаго Волчанскаго отряда, съ которымъ меня свела судьба на нѣсколько часовъ. Онъ тоже едва ли обратилъ вниманiе на то, что къ его отряду пристали два лишнихъ человѣка — два добровольца.

Большевики у батареи заволновались. Гдѣ-то вправо что-то произошло. Полковникъ вдругъ насторожился, еще разъ пристально посмотрѣлъ въ бинокль, потомъ вложилъ его въ футляръ и, взявъ въ правую руку свою тросточку, рѣшительно и радостно сказалъ:

— Ну, теперь пора. Впередъ, братцы.

Всѣ сразу поднялись и жидкой цѣпью по полю бросились впередъ, по направленiю къ батареѣ. Бѣжать было тяжело. Запыхавшись, мы не ровно совершали перебѣжку. Ложились, опять вставали. И вдругъ я ясно увидалъ, что батарея перестала стрѣлять и снялась съ позицiи.

Трудно передать то чувство радостнаго экстаза, которое охватило насъ всѣхъ. Теперь уже не чувствовалось усталости, и ноги несли впередъ легко. Но добраться до батареи уже было нельзя. Большевики уходили, а мы яростно и съ подъемомъ стрѣляли вслѣдъ. Вправо отъ насъ наступали другiя наши части, и задача отряда была выполнена. Непрiятельская батарея отошла недалеко. Одно орудiе прiостановилось, повернулось и два раза выстрѣлило въ нашу сторону. Потомъ батарея свернулась и ушла, скрывшись отъ насъ за поворотомъ улицъ.

Такiя же группы, какъ наша, въ нѣсколько десятковъ добровольцевъ, сходились вмѣстѣ. Говорили, что городъ до Святошина уже почти очищенъ, и что въ районѣ вокзала хорошо дѣйствуетъ Дроздовскiй полкъ.

Бой затихалъ, и большевики, невидимо для насъ, отходили на западъ. Я былъ радостно возбужденъ. Кругомъ меня не было ни одного человѣка знакомаго, и я рѣшилъ итти обратно къ своимъ, чтобы сообщить имъ радостную вѣсть.

Я шелъ одинъ. Кругомъ еще стрѣляли. Но снарядовъ въ эту часть города теперь уже не попадало. Кое гдѣ встрѣчались раненые. Изрѣдка попадались трупы. Въ подворотняхъ стояли кучки людей и часто спрашивали меня, какъ обстоятъ дѣла. Ближе къ Крещатику уже попадались прохо-

жіе. Изъ очищенныхъ кварталовъ шли новые бѣженцы. Вчерашняя расправа показала, что ожидаетъ жителей, попавшихъ къ большевикамъ.

Приближаясь къ Крещатику я замѣтилъ на углу одной изъ улицъ группу, человѣкъ 10 солдатъ, тѣсно сжавшихся и стоявшихъ съ винтовками, но не въ боевомъ порядкѣ. Они какъ-то странно глядѣли на меня и мнѣ эта группа показалась подозрительной. Они были обращены лицомъ къ большевикамъ и словно ожидали чего-то. Такъ именно передаются непріятелю группы сражающихся въ бояхъ гражданской войны. Погонъ на ихъ шинеляхъ уже не было. Меня, однако, несмотря на мои погоны, не тронули, а только проводили хмурыми взглядами.

Когда я подходилъ къ Думѣ, здѣсь снова, хотя и рѣдко рвались снаряды. За Думой, въ угловой домъ Софіевской улицы, ударилъ снарядъ и обсыпалъ стоявшихъ вблизи: стрѣляли еще со стороны Шулявки.

Около Николаевской улицы я встрѣтилъ двухъ солдатъ, стрѣлковъ 15-ой дивизіи. Ихъ обоихъ только что ранили на Николаевской улицѣ сзади изъ оконъ. Я ихъ перевязалъ, и мы вмѣстѣ пошли по направленію къ Днѣпру.

На углу Царской площади и Александровской улицы я остолбенѣлъ отъ неожиданной встрѣчи. Мило улыбаясь, меня окликнула жена профессора М. М. Дитерихса. Она спокойно шла къ себѣ домой на Тимофеевскую улицу, какъ разъ туда, гдѣ часа два тому назадъ я закололъ красноармейца. И въ этотъ самый моментъ надъ нами пролетѣли два снаряда. Елизавета Ивановна въ простотѣ душевной наивно думала, что все уже кончено, и шла къ себѣ домой. Вчера она ушла въ Слободку и теперь не знала, что съ собою дѣлать, куда итти. Я убѣдилъ ее не возвращаться домой, и мы направились вмѣстѣ съ нею въ гору.

Навстрѣчу мнѣ попался начальникъ тюрьмы, также уходившій за городъ, и я сдалъ ему Елизавету Ивановну, давъ адресъ моихъ паціентовъ въ Слободкѣ, гдѣ — я зналъ — она найдетъ себѣ пріютъ.

Я не хотѣлъ спѣшить за мостъ. Было стыдно уходить отъ мѣста боя, и было здѣсь виднѣе, какъ обстоятъ дѣла.

Предъ зданіемъ участка полиціи была въ сборѣ почти вся государственная стража. Здѣсь я встрѣтился съ полковникомъ Мамонтовымъ, который командовалъ бригадой. Я разсказалъ ему ходъ дѣла и узналъ отъ него, что изъ числа государственной стражи около 300 строжниковъ-солдатъ разбѣжалось. Офицеры же всѣ были на мѣстахъ. Теперь они налаживали порядокъ въ отбиваемомъ отъ большевиковъ городѣ.

Было около двухъ часовъ по-полудни. Въ это время

мимо насъ на автомобилѣ изъ города проѣхалъ генералъ Драгоміровъ. Онъ объѣзжалъ городъ во время боя и вовсе не бѣжалъ, какъ шептались объ этомъ либеральные интеллигенты.

Замѣтивъ стоявшаго здѣсь городского голову Рябцова, онъ остановилъ автомобиль и говорилъ съ нимъ.

Присяжный повѣренный Рябцовъ (или Рубцовъ — не помню) эсъ-эръ, выброшенный взбаламученною стихіей на поверхность, былъ однимъ изъ первыхъ героевъ революціи. Хорошій, какъ говорятъ, человѣкъ, болтунъ, но глупый, онъ зажегъ огонь, отъ котораго сгоралъ теперь и самъ. Онъ стоялъ посреди улицы, разговаривая съ главноначальствующимъ въ группѣ офицеровъ государственной стражи. Раньше онъ и ему подобные на митингахъ метали громъ и молніи на „эту сволочь“. Думалъ ли онъ, что будетъ уходить отъ „настоящихъ революціонеровъ“ подъ ея защитой?

Свѣдѣнія получались хорошія. Успѣхъ былъ на нашей сторонѣ. Самодовольно сообщили, что рабочіе арсенала не только не выступали противъ добровольцевъ, но что образовалась рота рабочихъ, яростно сражавшаяся съ большевиками.

Послѣ двухъ часовъ дня я отправился къ своимъ на Цѣпной мостъ, гдѣ все было спокойно. Наша рота попрежнему занимала линію Днѣпра. На мостахъ все было благополучно, за исключеніемъ Черниговскаго моста. Тамъ сначала было выставлено сторожевое охраненіе отъ нашей роты, но позже подошли войска 15-ой дивизіи и вели бой впереди моста. Добровольцевъ здѣсь постигла неудача. Впереди былъ окруженъ и разбитъ партизанскій отрядъ Струка. Затѣмъ стали отходить наши войска, и, такъ какъ мостъ былъ безъ настилки, то на немъ провалились и застряли орудія съ лошадьми. Несчастныя животныя покалѣчили себѣ ноги, а большевики въ это время стали крыть ихъ огнемъ артиллеріи. По донесеніямъ картина была ужасная. Однако напоръ большевиковъ сдержали. И теперь оттуда еще доносилась пальба. Въ нашей ротѣ шла обычная военная жизнь. Мосты надо было охранять зорко. Здѣсь, за мостомъ, оправлялись броневики и отсюда двигались черезъ мостъ, направляясь къ мѣсту боя, отдохнувшія части. У самаго входа на мостъ на нашихъ глазахъ офицеры стрѣляли изъ орудія. Видно было какъ снаряды рвались надъ городомъ. Орудія откатывались, и артиллеристы работали, мало обращая вниманія на окружающихъ.

Мы помѣстились въ двухъ маленькихъ комнатахъ въ квартирѣ зубного врача-еврея и сидѣли за небольшимъ столомъ. Сюда поступали всѣ донесенія, и сюда же приводили задержанныхъ подозрительныхъ лицъ. Теперь каждый человѣкъ казался подозрительнымъ. Съ двумя такими задержанными пришлось имѣть дѣло и мнѣ.

Первымъ задержали еврея-прапорщика въ офицерской формѣ стрѣлка, съ георгіевской лентой, по фамиліи Шварцманъ. Фамилія была не изъ пріятныхъ. Его задержали какъ знаменитаго комиссара черезвычайки, свирѣпаго, полуграмотнаго чекиста, который упивался кровью русскихъ интеллигентовъ. Этотъ человѣкъ уже попадался мнѣ въ руки въ тюрьмѣ, когда я велъ разслѣдованіе кіевской черезвычайки. Онъ былъ арестованъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ губенрской черезвычайкѣ однимъ изъ самыхъ свирѣпыхъ комиссаровъ былъ Янкель Шварцманъ. Но было очень трудно выяснить, то ли самое это лицо или нѣтъ. Установить это точно не удавалось. Онъ называлъ себя прапорщикомъ сибирскаго стрѣлковаго полка. Вчера его вмѣстѣ со всѣми офицерами выпустили изъ тюрьмы, а сегодня задержали, какъ подозрительнаго. Себственно говоря, задержали его потому, что всѣ были страшно обозлены на евреевъ, а физіономія Шварцмана была такая типичная, что одного вида было достаточно, чтобы повѣсить безъ разговоровъ. Его привели къ намъ, и мнѣ пришлось рѣшать его судьбу. Одного моего жеста было бы достаточно, чтобы этого жалкаго человѣка, съ надеждою и мольбою глядящаго на меня, растрѣляли.

Но кто могъ точно сказать, кто такой Шварцманъ? Его никто точно не опозналъ. Предъявили его мнѣ. Такъ какъ онъ числился въ нашей ротѣ, мы отпустили его. Позже я видѣлъ его не разъ и до сихъ поръ не могу съ увѣренностью сказать, былъ ли этотъ Шварцманъ чекистъ. Онъ отошелъ съ добровольцами въ Одессу, и я еще тамъ видѣлъ его и слышалъ изліянія благодарности за спасеніе.

Вечеромъ мы сидѣли передъ домомъ у края шоссе, когда къ намъ привели второго подозрительнаго. То былъ полковникъ Лебель, бывшій воспитатель военнаго училища. Его поведеніе показалось страннымъ. Онъ говорилъ несуразныя вещи и странно путался, будучи безпечно веселымъ. Одного взгляда мнѣ было достаточно, чтобы узнать въ немъ душевно больного, одержимаго прогрессивнымъ параличемъ. Мое слово на сегодня спасло и его, и онъ былъ отпущенъ съ миромъ.

Передъ вечеромъ я зашелъ къ моему знакомому колбаснику, къ которому утромъ направилъ жену профессора. Тамъ былъ накрытъ столъ полный всякихъ прелестей. На столѣ, накрытомъ бѣлоснѣжной скатертью, стояла бутылка водки и красовалась колбаса, а тарелка вкуснаго борща испускала аппетитный паръ.

Послѣ утреннихъ похожденій я былъ голоденъ и ѣлъ какъ волкъ.

Хорошо здѣсь жили. Мы сидѣли въ этой мѣщанской обстановкѣ полной уюта и довольства. Вели бесѣду, словно

надъ нами не висѣла гроза. Рисовали въ разсказахъ картинки пережитаго дня.

Въ сосѣднiй домъ принесли трупъ замученной большевиками сестры милосердiя, и никто не могъ узнать, кто она.

Въ Слободкѣ, какъ будто бы заранѣе зная, что произойдетъ, исчезли всѣ евреи. Ихъ теперь страшно ненавидѣли: они слишкомъ рано открыли свои карты.

Къ вечеру бой въ городѣ опять усилился, положенiе запутывалось. Много надѣялись на подкрѣпленiя, которыя будто бы откуда-то подходятъ.

Вечеромъ мы сидѣли въ комнатѣ и пили чай, какъ вдругъ раздался тревожный колоколъ, и, заглянувъ въ окно, мы увидѣли, какъ все кругомъ вдругъ озарилось заревомъ пожара. То — каждый вечеръ и ночь — горѣли еврейскiе дома, которые поджигали ненавидящiе евреевъ жители.

Когда мы выскочили на улицу, противъ насъ уже пылалъ деревянный домъ. Всѣ кругомъ радовались, ликовали и проклинали евреевъ. Офицерамъ стоило большого труда наладить тушенiе: работали одни лишь военные. Жители бездѣйствовали, говоря:

— Такъ имъ проклятымъ и надо. Пусть горитъ!

Картина была зловѣщая. За мостомъ гремѣла канонада, здѣсь пылалъ пожаръ. Холодная осенняя ночь придавала картинѣ особенную жуть.

Когда я наблюдалъ такiя картины, какими жалкими казались мнѣ потрясающiя драмы, которыя я видывалъ въ кинематографѣ. Здѣсь все было проще и потому ужаснѣе. Это были не актеры и не бутафорскiй пожаръ, а люди во всей ихъ наготѣ и звѣрствѣ. Смерть, гибель, разрушенiе царили кругомъ, а люди не понимали этого. Когда убивали кого-нибудь, къ этому относились спокойно, равнодушно.

Мы вернулись въ домъ, и было неспокойно на душѣ. Увѣренности въ положенiи не было. Мы легли на полу, не раздѣваясь, каждый при своемъ оружiи: катастрофа могла разразиться ежесекундно. Не спалось. Въ одной шинели было холодно. Твердо и неудобно было лежать на полу и ночь тянулась долго.

* * *

3 Октября.

Къ утру какъ будто стало лучше. Канонада звучала дальше, и одно время даже не было слышно ружейной трескотни. Утромъ у моста скопились тысячи людей, стремившихся обратно въ городъ. Нетерпѣливая толпа металась зря въ паникѣ бѣжала, но чуть въ городѣ стало спокойнѣе, рва-

лась назадъ. Теперь не велѣно было пропускать черезъ мостъ, и потому шли пререканія. Мостъ попрежнему охранялся.

Дѣлать было нечего, и я снова отправился въ городъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и поработать въ боевыхъ частяхъ. По дорогѣ не было ничего необыкновеннаго. Казалось, что дѣло улучшается. Говорили, что наши части продвинулись впередъ и вытѣснили непріятеля изъ города. По Московской улицѣ стояли части артиллеріи и обозовъ. Войскъ двигалось мало. Но по Александровскому спуску движеніе было живѣе. Я видѣлъ, какъ въ городъ по направленію къ мѣсту боя, спокойнымъ шагомъ, верхомъ проѣхалъ генералъ Бредовъ. Онъ ѣхалъ не торопясь, медленно, въ сопровожденіи немногихъ всадниковъ. Около 11 часовъ утра сюда же прошелъ, только что спѣшно прибывшій изъ Чернигова, Якутскій полкъ. Онъ проходилъ мимо меня. Это было около 300 человѣкъ знаменитыхъ бойцовъ, имѣвшихъ видъ далеко не прежнихъ вымуштрованныхъ людей. Но шли они прямо къ мѣсту боя спокойно, хорошо. Одна была бѣда — ихъ было слишкомъ мало.

Въ этотъ разъ я не заходилъ далеко. Работы, какъ врачу по перевязкѣ раненыхъ и здѣсь было достаточно, а бой шелъ уже далеко на окраинѣ. Медленно подходили раненые. Приблизительно до часу дня свѣдѣнія поступали хорошія. По прибытіи Якутскаго полка увѣренности въ успѣхѣ стало больше. Но въ этихъ городскихъ бояхъ оріентироваться всегда трудно.

Около часу дня я работалъ у Маріинскаго парка, когда замѣтилъ, что снизу отъ Крещатика торопливо двигаются сначала отдѣльныя повозки, затѣмъ обрывки обозовъ. Появились отдѣльные люди въ шинеляхъ съ винтовками. Эта волна молчаливо отходила наверхъ, и никто не зналъ, почему. Никакихъ свѣдѣній о катастрофѣ не поступало, но опытный глазъ сразу узнавалъ въ этой картинѣ отходъ, и притомъ отходъ неровный: тамъ что-то случилось впереди. Я сталъ внимательно слѣдить. Вскорѣ обнаружились небольшія группы вооруженныхъ людей, и росло число одиночныхъ. Вдругъ быстро покажется автомобиль и также молча прокатитъ къ мосту.

Я подвинулся къ Никольскимъ Воротамъ и продолжалъ слѣдить за движеніемъ, думая, что если разразится катастрофа, надо будетъ во время дать знать мостамъ: тогда всю тяжесть напора придется выдержать нашей ротѣ. Черезъ какіе нибудь четверть часа потокъ оступающихъ повозокъ и людей пошелъ уже быстрѣе. Части, пока тыловыя, начинали неудержимо отступать. Меня удивило, что у поворота на спускъ эту волну никто не удерживаетъ, и я медленно по-

шелъ туда по тротуару, наблюдая, какъ быстро развивалась волна паники. Уже повозки начинали обгонять другъ друга, уже хлестали по лошадямъ. Лица были тревожныя, и все это совершалось молча. Никто не понималъ, въ чемъ дѣло, но всѣ чувствовали, что что-то совершается неладное. Противъ гимназіи я увидѣлъ, какъ вся волна торопливо заворачивала на спускъ, и ее никто не останавливалъ. Начинался безпорядокъ и толкотня. Я остановился и искалъ глазами кого нибудь изъ старшихъ, удивляясь, почему не остановятъ этой чепухи, но никого изъ старшихъ офицеровъ здѣсь не было. На углу стояло въ запряжкѣ подбитое орудіе, и при немъ былъ поручикъ-артиллеристъ. Я спросилъ его, въ чемъ дѣло, и почему не остановятъ этого безобразія. Онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ, что самъ ничего не понимаетъ. Снаряды здѣсь не падали, и если бы даже большевики прорвали линію, то такъ вѣдь отходить нельзя.

Мнѣ такія картины приходилось видѣть и переживать не разъ. Какъ всегда въ такіе моменты меня охватывало чувство жгучей злобы и презрѣнія къ этой бѣгущей сволочи: опытъ боя вѣдь хорошо учитъ, что именно въ этой паникѣ гибнутъ люди. И въ эти моменты тѣхъ, кто не поддался паникѣ, захватываетъ упорное и упрямое чувство противодѣйствія. Я остановился на углу и видѣлъ, какъ все торопливѣе заворачивали повозки, готовыя столкнуть другъ друга съ дороги.

Одинъ солдатъ, сидя на облучкѣ повозки, погонялъ бѣлую лошадь и прямо наперся на меня.

Быстрымъ порывомъ я схватилъ лошадь подъ узцы и властно крикнулъ:

— Шагомъ. Не торопись!

Солдатъ растерянно взглянулъ и подчинился. Повозка пошла шагомъ.

Этого толчка было достаточно. Толпа, безпорядочно стремившаяся къ повороту, какъ бы очнулась отъ одного слова, сказаннаго спокойно и властно. Она инстинктивно осѣла.

Я уловилъ моментъ. Толпа мнѣ подчинилась безмолвно и слѣпо. Я пригрозилъ кое-кому винтовкою и громко скомандовалъ.

— Стой! Помогите мнѣ, — обратился я къ поручику.

Мы вдвоемъ, ставъ поперекъ дороги, задержали головныя повозки угрозою стрѣлять въ нихъ, если они двинутся съ мѣста. Въ толпѣ было много людей съ винтовками, бѣжавшихъ изъ цѣпей. Мы задержали первыхъ пять-шесть и приказали стать въ шеренгу, преградивъ дорогу. Шагомъ стали пропускать по одной повозкѣ тѣхъ, кто ѣхалъ по дѣ-

ламъ за Днѣпръ. Въ первый же моментъ на насъ наперлась группа человѣкъ въ десять государственной стражи:

— Вы кто?

— Стража.

Они были съ винтовками, но почуявъ тревогу, также стали отходить.

— Назадъ! Стройся здѣсь, налѣво. Задержать толпу и не пропускать!

Солдаты, случайно бывшіе въ толпѣ съ винтовками, съ момента, когда паника была пресѣчена, сами становились въ шеренгу. У меня подъ командой образовалась заградительная застава.

Поручикъ строилъ людей, а многіе изъ бѣглецовъ сами превратились въ останавливающихъ.

Въ какихъ нибудь пять минутъ вся эта каша организовалась, воцарился полный порядокъ, и вся масса людей слушала мою команду безпрекословно.

Отдѣльныя фигуры пробовали молча обойти цѣпь и пробраться на спускъ. Пропустить ихъ — значило потерять дѣло, и я приказалъ ихъ задерживать. Бѣглецовъ мы отсылали назадъ, и многіе уже сами останавливались, поворачивая къ мѣсту боя.

Мы медленно и въ порядкѣ пропускали обозы на спускъ, задерживая всѣхъ бѣглецовъ. Дѣло шло хорошо. Люди стали дѣлать свое дѣло, и паника совершенно улеглась.

Образовалась застава, сыгравшая большую роль, ибо она прекратила безпорядочное бѣгство и уходъ бойцовъ въ тылъ. Я не успѣлъ осмотрѣться, какъ задержали какого-то подозрительнаго субъекта, у котораго не было документовъ. Но за то у него въ портфелѣ оказался чисто большевистскій счетъ изъ гостинницы Континенталь. Такъ во время большевиковъ могли платить только комиссары. Счетъ за ужинъ былъ на 17 тысячъ рублей. Куриная котлета стоила 500 руб., другое блюдо 300 руб. и т. д. Онъ не могъ дать никакихъ объясненій о происхожденіи счета, и его отправили въ сопровожденіи солдата въ штабъ охраны мостовъ. Онъ покорился, но отойдя нѣсколько шаговъ отъ заставы, бросился бѣжать и скрылся отъ провожатаго, который не рѣшился въ него стрѣлять. Этотъ фактъ повлекъ за собою печальныя послѣдствія для тѣхъ, кого задерживали потомъ. Я прошелъ на нѣсколько минутъ впередъ, чтобы навести порядокъ въ стоящихъ обозахъ, ибо фактически командывалъ всѣмъ я, и не было никого изъ старшихъ начальниковъ, который взялъ бы на себя распоряженіе. Я давно понялъ, что тревога была напрасная: гдѣ-то на улицѣ была частичная неудача, и части подались назадъ, увлекая за собою бѣглецовъ. Но те-

перь надо было держать порядокъ строго, чтобы прибывающіе бѣглецы не дали новаго порыва паники.

Меня поражало, какъ всѣ меня слушались. Люди жаждали того, чтобы подчиниться.

Когда я вернулся къ заставѣ, тамъ уже растрѣляли четырехъ человѣкъ.

Цѣпь заставы упиралась съ правой стороны отъ поворота на спускъ въ сторожевую будку. Здѣсь на скамеечкѣ сидѣлъ городской голова Рябцовъ въ штатскомъ пальто и черной фетровой шляпѣ, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ сформировавшійся тутъ же военно-полевой судъ изъ двухъ военныхъ юристовъ и какого-то офицера.

Я ужаснулся рѣшительности ихъ дѣйствій. Но все было сдѣлано правильно, разстрѣляны были настоящіе большевики коммунисты, поманные съ поличнымъ. Не трудились даже далеко отводить осужденныхъ. Шагахъ въ пятидесяти отъ заставы лежалъ трупъ. Я подошелъ къ нему. У края дороги, разбросавъ руки, съ раною въ черепѣ, на спинѣ лежалъ спасенный мною вчера прогрессивный паралитикъ, полковникъ Лебель. У него оказались коммунистическіе документы и списокъ офицеровъ, преданныхъ большевикамъ. Какъ могъ этотъ полковникъ стараго режима стать большевиковъ — было не понятно. Тѣ кто его зналъ, говорили, что это былъ всегда обычный офицеръ, ничего большевистскаго въ себѣ не имѣвшій. Увы! Въ это время многіе не только душевно больные, но просто слабые волею люди становились большевиками, ибо за ними была сила.

Я на минуту задумался. Эта подлая привычка моя всегда и во всѣхъ случаяхъ жизни все анализировать и разсуждать иногда мнѣ становилась противной. У ногъ моихъ лежалъ трупъ, открытые глаза котораго спокойно глядѣли вверхъ. На лицѣ покойника играли пробивавшіеся сквозь листву развѣсистаго тополя золотистые лучи склоняющагося къ горизонту осенняго солнца. Вдали открывалась дивная картина Днѣпра съ безпредѣльнымъ просторомъ заднѣпровскихъ луговъ, лѣсовъ, открытой плоскостью уходящихъ до самаго горизонта. И опять вся эта борьба кучекъ людей показалась мнѣ такою малою въ масштабѣ природныхъ явленій. Уже тысячу лѣтъ такъ заходило осеннее солнце надъ Аскольдовой могилой и, вѣроятно, тысячу лѣтъ будетъ каждый день рисоваться эта картина на Днѣпръ будущему человѣку. А этотъ маленькій эпизодъ суеты на спускѣ, этотъ безмолвный трупъ полковника подъ тополемъ, и невдалекѣ отъ него ничкомъ лежащій другой трупъ китайца, невѣдомымъ сплетеніемъ нитей судьбы переброшеннаго изъ нѣдръ Небесной Имперіи сюда, для того, чтобы умереть здѣсь въ этотъ тихій вечеръ — все это ничто иное, какъ тонкій наметъ на

лентѣ историческихъ событій въ жизни человѣчества, до которыхъ безстрастному теченію процессовъ нѣтъ никакого дѣла. И завтра также будетъ заходить солнце, освѣщая другихъ людей, другія картины изъ жизни „безкровной" революціи на фонѣ тѣхъ же декорацій. Когда нибудь закончится и эта житейская драма, а гуляющая здѣсь въ осенній тихій вечеръ влюбленная парочка, остановившись подъ тополемъ и любуясь на Заднѣпровье, едва ли сможетъ себѣ представить въ фантазіи трупъ полковника подъ деревомъ и никому невѣдомаго китайца, покончившаго здѣсь свои невеселыя странствованія.

Мнѣ эти разстрѣлы были омерзительны. Я понималъ, что идетъ война, что колебаться не приходится. Шла охота на людей, месть и расправа за преступленіе путемъ преступленія. Но здѣсь сейчасъ былъ ключъ боевого участка и отпереть замокъ — пропустить волну людей черезъ заставу — значило погубить дѣло.

А тактика большевиковъ повсюду была одна и та же — все дезорганизовать, все развратить, вносить всюду хаосъ и разрушеніе.

Трусы и дезертиры стремились уходить съ линіи боя черезъ линію заставы. Мы ихъ задерживали и не пропускали.

Противъ насъ на перевязочномъ пунктѣ въ пятой гимназіи также бродили сотни солдатъ и офицеровъ, уклоняющихся отъ участія въ бою. Много надо выдержки, чтобы итти въ огонь, когда не связываетъ васъ строемъ желѣзная дисциплина, и человѣкъ часто самъ не замѣчаетъ, какъ подъ какимъ нибудь предлогомъ онъ очутился въ тылу. Не было власти, которая могла бы ихъ собрать и грознымъ повелѣніемъ вернуть къ мѣсту боя.

У насъ въ заставѣ уже давно воцарился полный порядокъ. Бой снова отдалялся, и большевики опять были отброшены послѣ короткаго ихъ успѣха. Бѣглецы перестали поступать.

Я наблюдалъ за Рябцовымъ и думалъ. Теперь онъ былъ нѣжно милъ съ добровольцами. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ рядышкомъ съ членами военно-полевого суда и ласково поддакивалъ имъ, когда они осуждали человѣка на смерть. Онъ былъ свидѣтелемъ всей этой паники и того, какъ я ее остановилъ, и былъ очень любезенъ со мною. Лично онъ меня не зналъ, а видѣлъ только по формѣ, что я военный врачъ.

Я понималъ всю необходимость такихъ пріемовъ въ борьбѣ съ большевиками, которыхъ побѣдить можно было не поцѣлуями и уговорами, а наказаніемъ и местью. Но вылавливаніе людей здѣсь было мнѣ омерзительно. Много попадалось невинныхъ, а настоящіе мерзавцы все равно обхо-

дили всѣ препятствія. Въ гражданской войнѣ вообще гибнетъ больше невинныхъ, чѣмъ виновныхъ.

Да! Какъ все мѣняется: эсеръ, демагогъ, прогрессивный интеллигентъ, присяжный повѣренный! Во время войны тыловой прапорщикъ запаса, уловившій курсъ жизни — его любило старорежимное начальство и онъ былъ на хорошемъ счету. Нѣсколько глупыхъ, экспансивныхъ демагогическихъ рѣчей, — и нечистая пѣна революціи выкинула его на поверхность взбаламученнаго моря. Дешево досталась ему шапка Мономаха, но не легко было ему нести ее теперь. И жалкая приниженно привѣтливая улыбка на его лицѣ дисгармонировала его внутреннимъ переживаніямъ. Этотъ молодой человѣкъ бѣжалъ теперь отъ настоящей революціи, которую создалъ самъ. Впослѣдствіи его унесла съ нами волна до Одессы и Новороссійска. Это былъ обыкновенный, мягкій, милый, русскій человѣкъ. Онъ, въ числѣ ему подобныхъ, создалъ весь этотъ хаосъ, отъ котораго погибалъ теперь самъ. Соціалистъ онъ былъ такой же, какъ и мы всѣ. Глядя на него, я раздумывалъ: въ чемъ же собственно заключается соціализмъ?

Бой удалялся. Я тщетно искалъ кого нибудь изъ старшихъ начальниковъ, которому могъ бы сдать командованіе заставой, такъ какъ самъ хотѣлъ итти впередъ. И только около пяти часовъ я увидалъ полковника гвардейской части Рутковскаго. Я изложилъ ему положеніе дѣла и спросилъ, что дѣлать. Онъ шелъ въ штабъ на Банковскую, № 11 и посовѣтовалъ мнѣ пойти туда, чтобы получить инструкціи. Я сдалъ команду артиллерійскому поручику и пошелъ вмѣстѣ съ полковникомъ.

Противъ штаба стоялъ отрядъ кавалеріи въ боевой готовности. Мы вошли въ комнату, гдѣ сидѣлъ генералъ Непѣнинъ и его начальникъ штаба, высокій капитанъ генеральнаго штаба съ нѣмецкой фамиліей. Непѣнина за эти дни я видѣлъ уже нѣсколько разъ. Онъ все время руководилъ боемъ. Это былъ серьезный, нѣсколько хмурый и нелюдимый человѣкъ, всегда спокойно сосредоточенный. Онъ сидѣлъ за столомъ въ шинели и фуражкѣ, и видно было, что постъ его здѣсь временный. Какъ будто всѣ были на отлетѣ.

Я доложилъ о паникѣ, объ организаціи заставы и спросилъ, что дѣлать дальше. Отвѣтъ былъ лаконическій:

— Держитесь дальше.

Я съ Рутковскимъ вышелъ. Положеніе въ городѣ было еще не твердое, и мы увидѣли, какъ снялся штабъ. Около подъѣзда государственнаго банка грузили на автомобили ящики. Картина не предвѣщала ничего хорошаго. Разъ увозятъ цѣнности, значитъ немного надежды удержаться. Отовсюду получались однѣ и тѣ же вѣсти: по улицамъ, изъ

оконъ, изъ дворовъ стрѣляли въ добровольцевъ. Обнаружили нѣсколько пулеметовъ. Изъ одного пулета стрѣляли двѣ женщины еврейки. Населеніе сидѣло по домамъ и трепетало.

Я направился къ заставѣ и передалъ поручику приказаніе Непѣнина. Подбитое орудіе стояло тутъ-же. Поручикъ принялъ на себя командованіе, а я отправился къ мостамъ.

Тамъ было тихо. Много говорили о катастрофѣ на Черниговскомъ мосту. Что дѣлалось впереди этого моста, никто не зналъ. Тамъ въ лѣсу были окружены части дообровольцевъ и ихъ положеніе было тяжелое. Большевики напирали на этотъ мостъ и стремились зайти намъ въ тылъ. Но это имъ не удалось. Съ желѣзнодорожнаго моста свѣдѣнія получались получше. Вокзалъ какъ будто былъ въ нашихъ рукахъ, а большевики отходили къ Святошину. Канонада въ этотъ вечеръ слышалась по всей линіи и продолжалась всю ночь.

Я зашелъ къ своему знакомому. Закуска была на славу и рюмка водки, о которой уже давно мечталось, пришлась по вкусу. Я поставилъ въ уголъ свою винтовку и, не раздѣваясь, сѣлъ за столъ. И говорили мы такъ мирно, словно кругомъ ничего особеннаго не происходило.

Въ сосѣднемъ домѣ лежалъ трупъ замученной большевиками сестры милосердія. Хоронили ее — неизвѣстную — чужіе. За рюмкой водки, сильно отдававшей самогономъ, я слушалъ разсказъ о томъ, какъ днемъ загнали въ Днѣпръ и разстрѣляли двухъ евреевъ-большевиковъ.

Озлобленіе противъ евреевъ въ Слободкѣ было страшное.

И снова поздней ночью ударилъ набатный колоколъ, и снова горѣлъ еврейскій домъ, а мстящая толпа, спокойно созерцая, наслаждалась. Неизвѣстно было, кто поджигалъ. Просто не тушили и радовались. Не грабили, и порядокъ не нарушался.

Къ добровольцамъ населеніе относилось хорошо. Они не грабили населеніе.

Вечеромъ мы сидѣли въ небольшой комнатѣ за самоваромъ. Шли разговоры и заботы о продовольствіи. Намъ раздавали суточныя деньги по 90 рублей на человѣка. Но купить на эти деньги что либо было трудно.

Спали мы ночь на полу одѣтыми и при оружіи. Разговоръ шелъ мирный, какъ бываетъ обыкновенно на бивакахъ. Видно было, что люди уже втянулись въ боевую жизнь.

* * *

Рано утромъ 4-го октября у моста скопились толпы людей, стремившихся въ городъ. Психика этой толпы была

крайне неустойчива. Передвиженіе бѣженцевъ мѣшало ходу боя, и ихъ сегодня не пропускали черезъ мостъ. Шли пререканія, споры, доказательства. Рабочіе говорили, что безъ нихъ станетъ станція. Чиновникъ плакался, что тамъ остались дѣти некормленныя. А тутъ-же у моста стрѣляла пушка и чистился, готовясь къ выходу въ бой, броневикъ. Солдатъ разбиралъ пулеметъ и чистилъ части его, въ перемежку покусывая ковригу хлѣба. Смѣсь мирной жизни съ боевою.

А утро, холодное осеннее, ясное и свѣтлое было великолѣпно. Поверхность водъ Днѣпра была зеркальна и слегка дымилась утреннимъ туманомъ. За Днѣпромъ сверкали золотомъ купола Лавры.

У насъ не было продовольствія, и меня командировали въ Дарницу, гдѣ было интендантство и Земскій Союзъ. Мнѣ надо было раздобыть для нашего отряда хлѣбъ.

Я пошелъ пѣшкомъ. По дорогѣ шли люди, военные и штатскіе. Двигались повозки. Обычная картина окраины боевого участка. Въ Дарницѣ скопились штабы и тыловыя части. Тамъ стоялъ поѣздъ Главноначальствующаго генерала Драгомірова. Тамъ же скопились всѣ отошедшія гражданскія учрежденія. Они отошли наскоро и неожиданно перваго октября, по большей части вразбродъ и одиночнымъ порядкомъ.

Теперь вся эта масса людей съ тревогою ждала исхода боя, и невозможно сказать, что дѣлала бы она, если бы бой былъ проигранъ. Весь тылъ еще былъ въ рукахъ добровольцевъ. Когда перваго октября бросилась назадъ волна бѣженцевъ, они заполнили всѣ поѣзда и запрудили всѣ дороги. Были облеплены крыши и буфера вагоновъ. Стремились только уйти отъ большевиковъ. Эти волна откатилась на нѣсколько станцій. Съ перваго часа боя всѣ еще вѣрили, что успѣхъ большевиковъ временный, что подходятъ подкрѣпленія, и что добровольцы возьмутъ Кіевъ обратно.

На второй день волна бѣженцевъ остановилась, и теперь тысячи людей ожидали въ Дарницѣ. Увы, здѣсь были сотни военныхъ съ винтовками, которы ждали, вмѣсто того, чтобы итти въ бой.

Дарница напоминала военный лагерь и притомъ довольно безпорядочный. Во дворахъ стояли повозки, томились люди. Былъ осенній ясный день. Я направился въ Земскій Союзъ. Здѣсь сразу запахло третьимъ элементомъ. Это позорное учрежденіе сыграло не малую роль въ гибели Россіи и теперь продолжало свою гнусную работу по деморализаціи арміи. Вмѣсто хлѣба для роты мнѣ преподнесли ругань по адресу интенданта, который что-то де запретилъ. Мнѣ стоило многихъ словъ, чтобы доказать, что ротѣ, охраняющей мосты, нуженъ хлѣбъ.

Публика собиралась на завтра возвращаться въ Кіевъ. Я зашелъ на станцію и отыскалъ поѣздъ, гдѣ стояли члены моей комиссіи по разслѣдованію звѣрствъ большевиковъ. Они всѣ ушли изъ Кіева. Какъ разъ наканунѣ катастрофы я передалъ товарищу предсѣдателя Рейнботу всѣ мои работы по комиссіи и цѣнные подлинные документы съ протоколами смертныхъ приговоровъ черезвычайки, подписанными семью членами самой черезвычайной комиссіи. Эти документы Рейнботъ передалъ въ контръ-развѣдку для направленія въ военный судъ по дѣлу одного изъ задержанныхъ чекистовъ Валлера-Бальфосова. Сенаторъ Рейнботъ вышелъ изъ Кіева съ приключеніемъ, вынеся изъ вещей одинъ портфель съ документами. На улицѣ шелъ бой. Онъ замѣтилъ бѣжавшую по улицѣ осѣдланную лошадь безъ сѣдока, поймалъ ее и верхомъ уѣхалъ изъ города. Его документы были спасены.

Всѣ говорили одно и то же, что натискъ большевиковъ отбитъ, но пожимали плечами, и чувствовалось, что люди въ чемъ-то сомнѣваются. Настоящихъ войскъ нигдѣ не было видно: ихъ было слишкомъ мало. На обратномъ пути я видѣлъ много людей, возвращающихся въ городъ. У мостовъ уже было спокойнѣе.

Общей картины боя никто не зналъ. Передавали только отдѣльные эпизоды.

Въ это время добровольцы были уже подъ Орломъ. Черниговъ былъ нашъ. Но чувствовалось уже, что наступленіе захлестнулось, и что какая-то опасность виситъ надъ добровольческой арміей.

Этотъ вечеръ мы провели спокойно. Въ мысляхъ офицеровъ нашей роты царилъ удивительный сумбуръ политическихъ взглядовъ. Это были не настоящіе добровольцы, а присоединившіеся только теперь, со взятіемъ Кіева. Какъ кіевляне, они пережили уже 11 режимовъ и незамѣтно для нихъ самихъ были развращены политически. Каждый изъ нихъ вѣдь былъ, по правдѣ сказать, немного грѣшенъ въ измѣнѣ родинѣ, подъ флагомъ Петлюры, эсеровщины или подъ соусомъ гетмановщины. Теперь они шли къ добровольцамъ только потому, что ихъ рѣзали большевики, и что добровольцы казались сильными. Подъ шкурою офицера обнаруживался со всѣми своими качествами русскій интеллигентъ. Ему уже были внушены всѣ тезисы русской революціи, и для борьбы съ нею этотъ элементъ уже былъ негоденъ. Они сражались только противъ большевиковъ и бандитовъ, которые рѣзали ихъ какъ куръ. Но твердили они одно: „Только не монархія“, и больше всего боялись, чтобъ не запѣли русскій гимнъ. Это были полукадеты, полукеренцы, всѣ самоопредѣляющіеся и не поддающіеся управленію. Въ нихъ самихъ была заложена ихъ гибель. Они сами не знали,

чего хотятъ. Сражаясь съ соціалистами, они всѣ восхищались, что „землица“ путемъ ограбленія и разбоя досталась „народу“, и становилось порою непонятно, почему собственно они борятся съ большевиками. А если вспомнить о томъ, что многіе изъ этихъ офицеровъ также грабили населеніе и своевольничали, то мало можно было отличить ихъ отъ петлюровцевъ, большевиковъ и всякой другой мерзости.

За чайнымъ столомъ болтали, спорили и разсуждали. А ночью горѣлъ очередной пожаръ въ Слободкѣ, на который уже никто не обращалъ вниманія. Во всѣхъ мозгахъ была отрыжка революціи, и видно было, что плодъ ея далеко не созрѣлъ. Не было конечной цѣли, и что будетъ въ случаѣ побѣды добровольцевъ, никто не зналъ. Старой Россіи не хотѣли, а что такое „Новая Россія“, — никто не зналъ.

5-го октября рота получила приказаніе отправиться въ городъ. Мы шли строемъ. Городъ уже имѣлъ другой видъ. Бой слышался лишь издали. На улицахъ попадались трупы. Мы входили въ городъ въ роли побѣдителей, и поэтому, идя въ строю, люди чувствовали подъемъ и взгляды публики на себѣ. Всюду насъ встрѣчали привѣтливо, кое гдѣ аплодировали намъ и даже бросили два-три букета цвѣтовъ. Мы направились къ Бибиковскому бульвару, гдѣ въ гимназіи стоялъ штабъ батальона, и получили приказъ опять занять мосты. Я получилъ разрѣшеніе на минуту забѣжать къ себѣ на квартиру и воспользовался временемъ стоянки роты, расчитывая догнать ее на обратномъ пути.

Улицы уже оживали, по тротуарамъ двигалась публика. Дома меня встрѣтили радостно. Несмотря на то, что кругомъ эти дни падали снаряды, нашъ домъ не задѣло.

Пришлось и мнѣ пережить тяжелый душевный конфликтъ. На столѣ у себя я нашелъ отчаянное письмо, не съ мольбою, а съ воплемъ о спасеніи. Мать просила о погибающемъ сынѣ. Еще весною на своихъ лекціяхъ я обратилъ вниманіе на необыкновенно способнаго юношу — восемнадцати-лѣтняго еврея Кранца, который поразилъ меня своею начитанностью и бойкимъ соображеніемъ. Я подружился съ нимъ, и онъ сталъ заниматься у меня въ лабораторіи. Мы въ шутку называли его „приватъ-доцентомъ“ и я надѣялся, что изъ него со временемъ выйдетъ талантливый ученый. Отецъ Кранца былъ управляющимъ типографіей „Кіевской Мысли“. По внѣшности и по складу психики Кранцъ былъ типичнымъ еврейскимъ юношей. Онъ всей душою ненавидѣлъ русскихъ, презиралъ ихъ и имѣлъ чисто большевистскій кодексъ сужденій, что не мѣшало ему, однако, очень дорожить своею собственностью въ видѣ великолѣпнаго микроскопа, который подарила ему мать, и нѣсколькихъ книгъ. Мы съ нимъ много и долго вели за работою научныя бесѣды,

но какъ только дѣло заходило о политикѣ, онъ несъ нестерпимый бредъ. Онъ закусывалъ удила и оправдывалъ самыя дикія дѣянія чекистовъ. Было ясно, что въ лицѣ этого юноши мы имѣемъ непримиримаго врага Россіи, талантливаго и сильнаго. Я очень любилъ его, какъ своего ученика, хотя мы непримиримо расходились во взглядахъ. Тогда, подъ игомъ большевиковъ вѣдь было безнадежно наше положеніе, и ничего удивительнаго въ большевистскомъ міросозерцаніи не было.

Однажды ко мнѣ пришла его мать, превосходная женщина, добрая и умная. Въ ней было столько любви къ своему Бобѣ, который, между прочимъ, былъ столь же некрасивъ, какъ и талантливъ. Она знала, что сынъ ея друженъ со мною и пришла тайкомъ отъ сына спросить меня о немъ. Сердце матери радовалось, когда я рисовалъ ей блестящія перспективы жизни ея сына. Я сказалъ ей: „держите его подальше отъ политики". А Боба вращался среди еврейскихъ юношей чекистовъ и комиссаровъ, горѣвшихъ революціоннымъ фанатизмомъ. Мать понимала меня. Но не съумѣла повернуть руля судьбы.

Письмо матери гласило: „Спасите, Боба арестованъ". Быть арестованнымъ въ эти страшные дни значило погибнуть. Что могъ сдѣлать я теперь? Письмо было написано вчера, а въ это время еще вездѣ шелъ бой. Я долженъ былъ догонять свою роту и не могъ отлучиться изъ строя.

Мнѣ стало нестерпимо жалко. Я зналъ, что гибнетъ талантливый юноша, гибнетъ мой личный другъ и любимецъ. Но зналъ я и другое: въ его лицѣ гибнетъ непримиримый врагъ моего народа и Россіи. Насъ не жалѣли. За эти дни на улицѣ въ меня стрѣляли изъ оконъ, какъ въ зайца на охотѣ. Идетъ война. Кто изъ нашихъ попадался въ руки врага, — не видѣлъ пощады. Я вспомнилъ трупъ замученной сестры...

— Пусть совершится рокъ судьбы, — рѣшилъ я. Какъ человѣка-друга мнѣ жаль его. Но мой любимецъ былъ непримиримый врагъ Россіи, и послѣ его смерти ей станетъ легче. Спасти его значитъ измѣнить родинѣ. Я зналъ, что онъ попался не даромъ. И не ошибся. Его арестовалъ тотъ самый полковникъ Рутковскій, котораго я встрѣтилъ наканунѣ у заставы. У него была найдена пачка большевистскихъ воззваній и шифръ, принадлежащій большевикамъ. Его повели въ штабъ Стесселя и тутъ же на улицѣ „вывели въ расходъ".

Я вспомнилъ, что его мать — давнишній личный другъ Виктора Чернова, съ которымъ она жила во время эмигранства за границей.

Въ эти дни погибали многіе. Жалѣть другъ друга было нечего. Бой вѣдь еще не конченъ. Быть можетъ сегодня

участь Бобы постигнетъ и меня и ужъ, конечно, не стану я просить моихъ враговъ о помилованіи.

Я бросился догонять свою роту. На тротуарѣ у Крещатика я столкнулся со своимъ братомъ. Онъ удивился немного, увидѣвъ меня въ такой роли, но одобрительно улыбнулся.

Теперь на бивуакѣ у насъ уже шла обычная военная жизнь, какая бываетъ внѣ огня. Едва миновала первая волна опасности, по русскому обычаю воцарилась безпечность. За нашимъ чайнымъ стомъ, гдѣ обычно у русской интеллигенціи культивировался душевный развалъ, воскресала до мозга костей проѣвшая всѣхъ керенщина. Не похоже было на то, чтобы это были добровольцы, только что отбившіе большевиковъ. Съ паромъ самовара мѣшались эти ядовитые пары русской революціи. Когда наша рота шла и пѣла пѣсни, полковники все боялись, какъ бы не выбрали слишкомъ патріотической. Ясно, что такое офицерство было обречено на гибель, и впослѣдствіи нечего было удивлятся, что эта армія скоро погибла. Критика на своихъ такъ и лилась изъ устъ контръ-революціонеровъ. И, борясь противъ революціи, они пуще всего боялись признаться въ томъ, что они контръ-революціонеры, и спѣшили какъ можно больнѣе укусить царскій режимъ. Добро бы это были прапорщики запаса и мобилизованные студенты, нѣтъ: особенно усердствовали кадровые офицеры.

Я сидѣлъ и думалъ: неужели же не понимаютъ эти люди, отчего они гибнутъ? И гибель эта казалась мнѣ неизбѣжной. Съ такой психикой воевать нельзя.

Въ Слободкѣ я встрѣтился съ полковникомъ Мамонтовымъ, бывшимъ командиромъ чехословацкой дивизіи. Это былъ энергичный и смѣлый человѣкъ. Онъ теперь былъ начальникомъ штаба или командиромъ государственной стражи. Онъ разсказалъ мнѣ, что разбѣжавшіеся стражники теперь начинаютъ собираться, а полиція возстанавливаетъ въ городѣ порядокъ.

Слободка успокаивалась, и жизнь входила въ обычную колею.

6-го октября вечеромъ наша рота вернулась въ Кіевъ для несенія сторожевой службы, и я распрощался со своими временными боевыми товарищами, чтобы вернуться къ своей обычной работѣ.

* * *

Опять многострадальный залъ анатомическаго театра университета былъ полонъ труповъ, но это были трупы не изъ че-ка. То были жертвы страшной междоусобной войны

гдѣ братья убивали братьевъ. Тѣхъ, кто руководилъ этой бойней, среди труповъ не было. Они были слишкомъ умны для того, чтобы гибнуть въ бою: они стрѣляли изъ оконъ и представляли русскимъ убивать другъ друга.

Во времена большевиковъ всѣ трупы были изуродованы выстрѣломъ въ затылокъ. Теперь покойники лежали вплотную, рядомъ, какими они были подобраны на полѣ битвы. Все почти молодые деревенскіе парни безусые красноармейцы. Все сплошь „демократія" на сторонѣ красныхъ и офицеры у бѣлыхъ. На лицахъ нѣтъ выраженія ни злобы, ни страданій. Сотни жизней гибли безъ смысла и цѣли, въ угоду демагогамъ... Вся зала была уложена рядами труповъ большевиковъ.

Я пошелъ туда, чтобы отыскать среди нихъ тѣло моего любимца-ученика. Евреи не могли показаться сюда: ихъ слишкомъ ненавидѣла толпа. Тутъ только я узналъ, что Борисъ Кранцъ былъ лютеранинъ. Я нашелъ его въ ряду другихъ. Онъ лежалъ на полу съ окровавленнымъ лицомъ: пуля попала въ черепъ. Руки были перебиты, вѣроятно ударами прикладовъ. Такъ добивали въ экстазѣ мести врага, а Кранцъ вѣдь былъ непримиримымъ врагомъ русскаго народа. Мозгъ, носившій быть можетъ задатки генія, теперь былъ разможженъ.

Передъ зданіемъ анатомическаго театра я засталъ величественное зрѣлище: хоронили первую партію погибшихъ въ бояхъ добровольцевъ. Улица полна была народомъ. Длинная вереница катафалокъ, а за ними площадки ломовыхъ извозчиковъ стояли у подъѣзда. На каждой платформѣ стояло по два-три гроба. Покойникамъ отдавали воинскія почести. Каждая колесница была покрыта поверхъ гробовъ русскими національными трехцвѣтными флагами. Повсюду были вѣнки цвѣтовъ. Игралъ оркестъ военной музыки. Былъ выстроенъ батальонъ мѣстнаго гарнизона. Подъ звуки „Коль славенъ" выносили все новые гробы и батальонъ держалъ „на караулъ". Спокойно, торжественно и тихо. Часть гробовъ была открыта; въ другихъ гробахъ — закрытыхъ — были останки деформированныхъ и разорванныхъ снарядами тѣлъ. При звукахъ гимна замерла толпа. Сжималось сердце, подступали слезы и многіе тихо плакали.

За время революціи отвыкли отъ такихъ картинъ и отъ религіозныхъ символовъ. Мы видывали картины иныя — гражданскихъ похоронъ жертвъ революціи. Все было тамъ огненно-красно, кроваво и лица были освѣщены экстазомъ ненависти и злобы. На страхъ „ненавистнымъ буржуямъ" пародировали подонки пролетаріата и лживый языкъ демагога возбуждалъ низкіе инстинкты толпы.

Здѣсь было иное: вѣковыя формы жизни заковали въ

обряды вѣчно-юныя переживанія, которыя украшаютъ жизнь изъ тьмы вѣковъ. Ихъ создалъ не парламентъ, не сборище политическихъ авантюристовъ, а нормальная, здоровая человѣческая жизнь. У открытыхъ гробовъ никто не ненавидѣлъ и не поносилъ отбитаго врага. Отдавали дань уваженія погибшимъ за другихъ на полѣ брани. Плавно, не жестикулируя и не волнуясь, провожала толпа покойниковъ. Это вѣдь не послѣдніе! Ихъ много еще тамъ неопознанныхъ, смѣшавшихся съ врагами. Завтра будутъ хоронить вторую партію...

Когда на фронтѣ подъ громъ канонады мы хоронили своихъ товарищей, особенно торжественно звучалъ церковный хоръ. Съ этими символами была связана исторія великаго народа, который теперь такъ жестоко казнилъ и истреблялъ себя въ угоду своимъ врагамъ и честолюбцамъ.

XVII.

МЕТАМОРФОЗЫ ЖИЗНИ.

Въ тѣ счастливые времена еще не вся русская интеллигенція была заражена политическимъ бредомъ, и въ лабораторіи молодого доктора кипѣла научная работа. Самъ руководитель ея писалъ диссертацію на ученую степень и виталъ теперь въ сферѣ восторженныхъ теорій, къ которымъ приводили поставленные имъ эксперименты. Здѣсь не отравленные еще житейской прозой молодые люди по цѣлымъ днямъ внимательно слѣдили за колебаніями стрѣлки химическихъ вѣсовъ, считали капли титрующаго раствора и обсуждали результаты патолого-анатомическихъ вскрытій. Сама жизнь изъ нѣдръ этой лабораторіи казалась ея обитателямъ прекрасною, и надъ ихъ психикою обманчивымъ видѣніемъ носился свѣтлый образъ идеала служенія человѣчеству подъ знаменемъ науки, знанія и прогресса.

Здѣсь собралась никѣмъ не званная и ничѣмъ непринуждаемая молодежь, которая шла на огонекъ научнаго знанія, еще чуткая къ великому и непорочная. Только старикъ-служитель Ковтуненко по возрасту стоялъ особнякомъ. Но и фигура этого замѣчательнаго своею добротою и аккуратностью неисправимаго запойнаго алкоголика — необыкновенно хорошо гармонировала съ атмосферою лабораторіи. Ковтуненко любилъ и молодого доктора, и окружавшую его студенческую молодежь. Онъ былъ непремѣннымъ членом этого общества, спокойно и разумно чистилъ приборы, ухаживалъ за опытными животными и помогалъ въ экспериментахъ. Онъ мало говорилъ, никогда не сердился и весь, какъ

и хозяинъ лабораторіи, уходилъ въ работу. Но обыкновенно какъ-то сразу Ковтуненко начиналъ глохнуть, и это значило, что близокъ часъ. Вслѣдъ за этимъ вдругъ среди работы, даже въ самый разгаръ постановки эксперимента, Ковтуненко исчезалъ, и никакія силы не могли его удержать и никакой надзоръ за нимъ не могъ предотвратить его побѣга. Тогда лабораторія пустѣла, одного изъ ея членовъ недоставало, и становилось скучнѣе.

Дней черезъ пять вдругъ также неожиданно Ковтуненко появлялся въ лабораторіи и молча, безъ объясненій, принимался за дѣло такъ, какъ будто никакого перерыва въ его работѣ не было. Но, Боже мой, въ какомъ онъ появлялся видѣ! Оборванный, буквально въ рубищѣ, приниженный и тихій, съ лицомъ избитымъ въ кровь. Все, что было скоплено въ періодъ просвѣтленія, было пропито. Одежда „смѣнена“ по кабакамъ. И все, что было съ нимъ въ эти дни его второй жизни, оставалось покрытымъ безмолвіемъ. По какимъ притонамъ странствовалъ онъ въ этомъ состояніи полусна, онъ никогда не объяснялъ, а въ лабораторіи установился обычай никогда объ этомъ его не спрашивать. Просто съ появленіемъ Ковтуненко жизнь входила въ обычную колею, и счастливые дни самообольщенія научными миражами и идеалами высокаго служенія человѣчеству неслись съ невозвратимой быстротою.

Однимъ изъ добровольныхъ лаборантовъ и помощниковъ доктора былъ нѣкій Позенъ, оригинальная фигура котораго своеобразно выдѣлялась на фонѣ лабораторіи. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ; онъ отбывалъ въ психіатрическомъ отдѣленіи больницы, при которой находилась лабораторія, свой двухгодичный срокъ заключенія. Онъ былъ осужденъ за убійство, которое было признано судомъ совершеннымъ въ состояніи невмѣняемости. Еще молодымъ юношей онъ участвовалъ въ подкопѣ первыхъ террористовъ подъ Херсонское казначейство, былъ присужденъ къ смертной казни, помилованъ и отбылъ семь лѣтъ каторги. Затѣмъ отбылъ ссылку на Кавказѣ и возвратился домой. Но здѣсь его поджидала новая катастрофа: онъ убилъ своего дядю, возмутившись его жестокимъ обращеніемъ съ воспитанницею. Онъ былъ судимъ. Процессъ былъ сложный и громкій, весь построенный на психологическихъ диссонансахъ и подсудимый былъ признанъ совершившимъ убійство въ невмѣняемомъ состояніи.

Умное, выразительное лицо Позена гармонировало съ его нѣсколько театральными жестами. Его одѣяніе было оригинально, да и весь онъ билъ на оригинальность и нѣсколько позировалъ. Изъ больничнаго платья онъ сумѣлъ сдѣлать себѣ своеобразный костюмъ. Бритая голова была покрыта

чалмою изъ полотенца, руки были оголены выше локтей, а обросшая волосами грудь со знаками татуировки была полуоткрыта. Позенъ былъ гордъ и импозантенъ. Его сужденія были рѣзки, но поражали своимъ здравымъ смысломъ.

Въ противовѣсъ ему фигура студента Патокова была хмурою. Въ поблекшемъ неряшливо надѣтомъ форменномъ сюртукѣ онъ какъ-то ёжился. Движенія его были угловаты, мимика мало выразительна. По его блѣдному лицу съ голубыми глазами Мадоны, окаймленному слегка вьющимися свѣтлыми волосами, всегда витала мечта. Довольно красивые глаза на некрасивомъ лицѣ глядѣли неопредѣленно вдаль, и по выраженію его лица можно было узнать неисправимаго идеалиста, вѣчно витающаго далеко отъ жизни дѣйствительной, въ сферѣ грезъ и несбыточныхъ мечтаній. Обычно молчаливый и замкнутый Патоковъ былъ типомъ вѣчнаго студента. Онъ шелъ своимъ самостоятельнымъ путемъ, нисколько не считаясь съ оффиціальной смѣною семестровъ. Онъ то засиживался на одномъ семестрѣ, то на время вовсе отходилъ отъ университета. Но этотъ вольный путь онъ проходилъ не вслѣдствіе лѣни. Патоковъ былъ необычайно трудолюбивъ, прилеженъ и все свое время тратилъ на изученіе медицинскихъ наукъ. Но изучалъ онъ ихъ не по шаблону, а основательно. Онъ всасывалъ въ себя знанія какъ губка и не признавалъ при этомъ никакой системы. Занимался тѣмъ, что ему нравилось, работая самостоятельно и молча.

Теперь у него шла полоса анатоміи. Его не удовлетворилъ казенный анатомическій театръ, гдѣ трупы выдавались по очереди, и работа велась въ рамкахъ данной программы. Прослышавъ, что въ громадной губернской больницѣ, въ такъ называемой Сабурой дачѣ, расположенной на окраинѣ города, трупнымъ покоемъ завѣдуетъ молодой докторъ, энергично ведущій вскрытія, Патоковъ какъ бы позабылъ университетъ. Цѣлые дни проводилъ онъ или въ секціонной комнатѣ, или помогалъ доктору въ его лабораторіи, въ которой онъ занялъ особое, молчаливое и странное мѣсто. Къ Патокову скоро привыкли всѣ, но никому не удалось проникнуть въ его внутреній духовный міръ. Никогда не было въ этой компаніи произнесено ни слова на политическія темы, хотя идея служенія человѣчеству была несокрушимымъ догматомъ для всѣхъ ея членовъ.

Патоковъ нашелъ въ лабораторіи для себя подходящую атмосферу. Съ докторомъ онъ говорилъ мало и только на научныя темы, и вопросы личной жизни были слишкомъ далеки отъ этихъ тогда еще молодыхъ людей.

Только теперь, черезъ десятки лѣтъ, ставшему старымъ ученымъ доктору приходитъ часто на мысль вопросъ, что же таила въ себѣ эта странная фигура студента Патокова,

во внутреній міръ котораго такъ мало приходилось заглядывать въ то далекое, но незабвенно хорошее время?

Кромѣ упомянутыхъ, постояннымъ членомъ лабораторіи былъ восторженный юноша, фельдшерскій ученикъ Пычевъ. Тогда онъ былъ еще неоприв шимся юнцомъ, и сталъ членомъ этого общества не сразу.

Вскрывая ежедневно трупы въ полутемномъ залѣ, докторъ замѣтилъ мальчика, который всегда просилъ разрѣшенія присутствовать при вскрытіи. Постепенно докторъ привыкъ къ юношѣ, который обнаруживалъ необыкновенную любознательность. Скоро онъ сталъ активно помогать на вскрытіяхъ, и не было для него большаго удовольствія, какъ вскрыть самостоятельно хоть часть трупа. И однажды такая попытка увѣнчалась полнымъ торжествомъ. На одномъ изъ труповъ, при вскрытіи котораго докторъ ограничился изслѣдованіемъ мозга, его сотрудникъ нашелъ въ желчномъ пузырѣ необыкновенное количество желчныхъ камней. Находка была торжестенно доставлена въ лабораторію, и съ тѣхъ поръ юноша сталъ постояннымъ членомъ въ непрерывныхъ занятіяхъ доктора, съ которымъ сдружился на всю жизнь.

Какъ разны были люди, работавшіе въ лабораторіи, и какъ оригинальна была ихъ работа, въ которую они уходили съ головою!

Позенъ, вѣчно проникнутый ироническимъ скептизмомъ, часто резонировалъ на морально-философскія темы и къ вопросамъ науки относился слегка презрительно. Дѣлалъ онъ свое дѣло лаборанта хорошо. Съ нескрываемой брезгливостью переливалъ онъ по колбамъ анализируемую мочу, но просто говорилъ: „мнѣ около васъ хорошо“ и проводилъ въ лабораторіи все время.

Патоковъ сосредоточенно сидѣлъ у вѣсовъ или бюретки и методично отсчитывалъ гири или капли жидкости. Онъ никогда не высказывалъ своихъ сужденій о главной темѣ работы; впитывалъ въ себя все, что попадалось на пути, и никогда ни о чемъ не распрашивалъ. Увидитъ новый методъ анализа и овладѣетъ имъ въ совершенствѣ.

Пычевъ, напротивъ, на все глядѣлъ восторженно, съ неизсякаемымъ интересомъ, ко всему прислушивался, о всемъ распрашивалъ и, когда однажды докторъ сдѣлалъ свое открытіе и, найдя ядъ эпилепсіи, впрыснулъ его кролику, оба и докторъ и ученикъ, съ замираніемъ сердца сидѣли надъ животнымъ, ожидая приговора работѣ. И когда животное свалилось въ дикихъ судоргахъ, оба они вскочили какъ ошалѣлые...

— Мнѣ, мнѣ вспрысните!... — умолялъ юноша, искренно готовый принести себя въ жертву научному эксперименту.

Энергія Пычева была неистощима. Ставился ли опытъ, шло ли вскрытіе, или усмирялся буйный больной психіатрическаго отдѣленія, — онъ былъ тутъ какъ тутъ и всюду помогалъ.

Трудно было подыскать двѣ натуры столь различныя, какъ Пычевъ и Патоковъ. И однако здѣсь, въ лабораторіи, они сдружились „на ты". Когда работа въ лабораторіи на нѣкоторое время затихала, и докторъ предавался вычисленіямъ добытыхъ результатовъ, оба друга перекочевывали въ секціонный залъ и, пользуясь вскрытыми трупами, „раздѣлывали" покойниковъ по косточкамъ и мышцамъ. Оба они любили инстинктивно знаніе, науку, оба были честны и непорочны, и время проходило для нихъ какъ дивный сонъ.

* * *

Трупный покой представлялъ изъ себя старинный особнякъ во дворѣ больницы. Прямо противъ входа находилась небольшая комната служителя Евдокима Чередниченко, старика изъ Николаевскихъ солдатъ. Онъ ютился въ ней съ многочисленной семьей и малолѣтними дѣтьми. Налѣво отъ входа была комната съ протянутыми вдоль оконъ нарами. Туда складывали покойниковъ въ ожиданіи вскрытія или похоронъ. Направо отъ входа былъ низкій, довольно темный секціонный залъ. Противъ двухъ небольшихъ оконъ былъ расположенъ столъ для вскрытій, а въ глубинѣ комнаты полуосвѣщенные нары квадратной формы. Сюда складывались уже вскрытые трупы въ ожиданіи ихъ окончательной уборки, которую методично, съ философскимъ спокойствіемъ совершалъ Евдокимъ. У другой стѣны стояла полка съ банками, въ которыхъ хранились консервированные препараты.

Евдокимъ Чередниченко былъ также фигурой цѣльной. Онъ служилъ на этомъ мѣстѣ уже третій десятокъ лѣтъ. Его фигура и лицо выражали неуспѣвшій еще вымереть въ то время типъ Николаевскаго солдата. Сморщенное, бритое лицо съ остатками торчащихъ сѣдыхъ волосъ на головѣ. Лицо желтовато морщинистое, почти мумифицированное. Грубый, простодушный хохлацкій голосъ съ невозмутимо спокойною интонаціей. Евдокимъ всегда спокойно убиралъ трупы и горе было доктору, если онъ во время не успѣетъ отобрать интересные препараты: все отложенное въ сторону Евдокимъ смахнетъ вмѣстѣ съ покойникомъ въ приготовленный досчатый гробъ и въ отвѣтъ на упреки, спокойно скажетъ:

— А хиба-жъ я знавъ?

Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ анатомическій залъ былъ особенно непривѣтливъ. Шелъ проливной дождь, и

сумрачный полусвѣтъ склоняющагося къ концу дня тускло освѣщалъ лежащій на секціонномъ столѣ трупъ. Надъ нимъ въ своемъ неизмѣнномъ поношенномъ сюртукѣ склонился Патоковъ и отрабатывалъ скалпелемъ мускулы гортани. Противъ него, по ту сторону трупа, стоялъ Пычевъ и напряженно глядѣлъ на обнаруженную Патоковымъ рѣдкую аномалую въ расположеніи мышцъ. Оба — и студентъ и юноша — были всецѣло поглощены своимъ открытіемъ и обсуждали теперь вопросъ о томъ, какъ лучше сохранить столь рѣдкій препаратъ.

— Вѣдь все равно завтра будутъ хоронить, — предложилъ Пычевъ, — давай отрѣжемъ голову.

Патоковъ молчаливо приступилъ къ отдѣленію головы и долго еще потомъ, приблизившись къ свѣту, сидѣли молодые люди надъ отдѣленной головою человѣка.

И самый человѣкъ, которому когда-то принадлежала эта голова, былъ необыкновенно далекъ отъ воображенія молодыхъ людей. Они видѣли теперь только мускулы гортани и не помышляли о томъ, что недавно подъ этимъ обликомъ скрывалась человѣческая личность со всѣми ея страстями, мыслями, страданіями.

Неожиданный ударъ грома прорѣзалъ тишину анатомическаго зала, а фосфорическій свѣтъ молніи, сквозь сгущающіяся сумерки озарившій внутренность зала, заставилъ молодыхъ людей очнуться. Въ закрытыя створки оконъ барабанилъ дождь, и сильно разгоралась гроза.

— Вотъ, чортъ дери, домой-то какъ доберешься? — пробормоталъ Патоковъ, бережно откладывая въ сторону препаратъ и по обычаю анатомическаго театра покрывая его мокрою тряпкою.

— Подождемъ. Ничего, — замѣтилъ юноша.

И вновь пошли мечты о сдѣланномъ открытіи. Завтра непремѣнно надо законсервировать препаратъ. Достанемъ банку, формалинъ. А потомъ надо все описать подробно. Ну, да успѣемъ. А теперь, чортъ возьми, придется посидѣть, пока не разойдется гроза.

Не тутъ-то было! Наступала настоящая „воробьиная“ ночь. Раскаты грома сливались въ непрерывный гулъ. Вспышки молніи сливались съ игрой зарницы. Фосфорическимъ свѣтомъ освѣщался на мигъ весь мрачный залъ, и даже дальній уголъ за печкой съ нарами обрисовывался изъ мрака.

Зажгли огарокъ свѣчки и продолжали сидѣть у трупа.

Время шло. Въ дверяхъ показалась фигура Чередниченко. По привычкѣ онъ заглянулъ сюда.

— И шо цэ будэ? — спросилъ на свой обычный ладъ.

Патоковъ жилъ довольно далеко и теперь путешествіе

подъ проливнымъ дождемъ по окраинѣ города не обѣщало быть веселымъ.

Тихо и мрачно было въ залѣ. Ночь надвигалась быстро.

— А что если переночуемъ здѣсь? — вдругъ предложилъ Патоковъ.

— Что же, давай, — весело отозвался Пычевъ.

Мысль показалась даже оригинальной. А почему же, въ сущности говоря, и не переночевать? Что же тутъ особеннаго? И Патоковъ не сталъ смущаться. А удобства для молодого тѣла — это чепуха.

— Устроимся здѣсь, — показалъ Патоковъ рукою на нары.

Пычевъ на мгновенье вопросительно насторожился. Въ мысляхъ его пронеслось: „Какъ, здѣсь? На нарахъ? Рядомъ съ покойникомъ?"

Но тотчасъ же чувство профессіональнаго мужества одолѣло.

— На нарахъ, такъ нарахъ! — И оба молодые человѣка энергично принялись за приготовленіе ночлега.

Нары были довольно широки. У стѣнки лежалъ трупъ, но на него совершенно не обращалось никаго вниманія. Остальная часть наръ была свободна. Дѣло стояло за изголовьемъ.

При вскрытіяхъ обыкновенно употребляютъ особой формы колодки, которыя подладываютъ подъ шею трупа, когда вскрываютъ черепъ. Нашлись такія двѣ колодки. Подложивъ ихъ подъ голову, студентъ и юноша спокойно растянулись на гладкомъ досчатомъ помостѣ.

Затушили огарокъ, и въ залѣ воцарился мракъ.

Воробьиная ночь разгулялась во всю. Поминутно вспыхивала молнія и разлитымъ свѣтомъ непрерывно вздрагивающей зарницы озаряла эту идиллическую картину, въ которой жизнь сплеталась со смертью, въ которой спокойно дышащія два тѣла лежали рядомъ съ бездыханнымъ.

Патокову, идти домой было далеко. Но какая же сила могла заставить Пычева покоиться на жесткихъ нарахъ, въ атмосферѣ трупнаго зловонія, когда у него тутъ же въ усадьбѣ была своя кровать въ дортуарѣ фельдшерской школы?

И вспоминалось, какъ въ студенческіе годы съ особеннымъ удовольствіемъ, бывало, засидѣвшись въ анатомическомъ театрѣ надъ трупами, беззаботно перекусишь здѣсь въ веселой молодой кампаніи.

Двѣ молодыя души ушли въ міръ грезъ. И какъ адлеки были эти грезы отъ мрачной дѣйствительности, окружавшей ихъ тѣла!

Сгустилась ночь. Мало по малу затихли раскаты грома и отдалялась гроза. Эхомъ зарницы все рѣже освѣщалась

комната, и голова накрытая тряпкой, и безголовый трупъ, и недвижимая группа на нарахъ въ глубинѣ зала.

Молодой сонъ крѣпокъ. Уже ясно свѣтило солнце съ высоты безоблачнаго неба и золотистымъ лучомъ, въ которомъ играли взвѣшенныя пылинки, заглядывало вглубь комнаты до самыхъ наръ. Уже врывался въ раскрытое окно снопъ свѣжаго утренняго воздуха, когда юноша первый открылъ глаза и встрепенулся.

Да. Все это былъ не сонъ. Рядомъ еще глубоко спалъ Патоковъ и надо было хорошо потолкать его, чтобы онъ проснулся.

Было свѣтло. И такъ обыкновенна была картина. Да и въ самомъ дѣлѣ: живетъ вѣдь Чередниченко съ женою и дѣтьми въ этой атмосферѣ смерти и вѣроятно никогда не приходитъ ему мысль о необыкновенной обстановкѣ его жизни...

Встали молча. Патоковъ инстинктивно потянулся. Запрокинувшаяся рука какъ-то нечаянно коснулась шеи пониже затылка и... студентъ остолбенѣлъ: вся шея, все бѣлье, были сплошь покрыты паразитами какъ просомъ. Со всѣхъ покойниковъ, почуявъ живую снѣдь, потянулись сплошнымъ потокомъ къ спящимъ вши. Юношу постигла та же участь.

Молодые люди заволновались. Получили неожиданный сюрпризъ: этого не ожидали!

Сильное чувство брезгливости охватило любителей науки, которые пренебрегали и трупнымъ запахомъ и кровавыми пятнами на досчатомъ покровѣ наръ.

Но молодое воображеніе летаетъ быстро:

— Идемъ въ Немышль купаться!

Рѣка протекала въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ зданія.

— Постой, братъ, — спохватился Патоковъ. — А препаратъ?

Послѣдняя сцена гоголевскаго Ревизора не могла сравниться съ тою картиною окаменѣлаго изумленія, которую представляла теперь пара молодыхъ піонеровъ науки. Они оглядѣлись на нары, повернулись къ анатомическому столу, искали глазами накрытый тряпкою препаратъ...

Увы! Все было тщетно. Не было и трупа, съ которымъ рядомъ лежали спящіе. Пустъ и вычищенъ былъ столъ, на которомъ вчера лежалъ безголовый трупъ.

Рано утромъ, когда молодые тѣла лежали недвижимо, а духъ ихъ далеко странствовалъ по панорамѣ сновидѣній, Чередниченко спокойно сдѣлалъ свое дѣло. Вошелъ въ секціонную, взвалилъ на спину сначала покойника съ наръ и положилъ въ приготовленный заранѣе досчатый гробъ. Затѣмъ свалилъ въ другой гробъ безголоваго и безъ дальнѣйшихъ разсужденій смахнулъ туда и голову — священ-

никъ на кладбищѣ отпоетъ покойника въ наглухо заколоченномъ гробу, а что находится въ немъ, про то знаетъ Чередниченко...

„Довольно-де, тѣшиться ребятамъ"...

Безмолвно глядѣли молодые люди въ глаза другъ другу.

Такъ погибло ихъ первое открытіе аномаліи гортанныхъ мышцъ.

Къ счастью молодость незлопамятна. Черезъ десять минутъ студентъ и юноша усердно полоскались въ рѣкѣ и чистились, сметая остатки тяжелаго кошмара неудачи перваго научнаго творенія...

* * *

Лабораторія переживала свой первый тріумфъ: опубликованная научная работа была встрѣчена самымъ лестнымъ отзывомъ, а одинъ нѣмецкій критикъ, усмотрѣвъ въ твореніи молодого ученаго черты геніальности, выразилъ пожеланіе, дабы жизнь настоящая съ ея бурями не исковеркала мирнаго пути научнаго творчества.

И лабораторія на самомъ дѣлѣ была отдѣлена отъ жизни хрустальнымъ колпакомъ, сквозь который все казалось прекраснымъ. Великолѣпны были формы жизни подъ линзой микроскопа. Чудными казались реакціи въ ретортахъ, но выше всего сіялъ кумиръ изслѣдователь — *душа мудраго человѣка*. Эта таинственная сила создавала геніальныя творенія человѣческой мудрости и даже царившее кругомъ безуміе сумасшедшаго дома, не нарушало въ глазахъ членовъ лабораторіи красоты человѣческаго духа. Далека была въ ту пору мысль о томъ, что эта красавица земной природы можетъ меркнуть, стать безобразною, превративъ человѣка въ звѣря, а мудрость и добродѣтель, какъ свою функцію, смѣнитъ на глупость, порокъ и злодѣяніе!

Но грянулъ первый житейскій громъ и вызвалъ смятеніе духа у искателей научной истины.

И въ ученомъ мірѣ существуетъ іерархія и почитаніе старшихъ. Изъ столицы былъ назначенъ въ провинціальный университетъ старикъ-профессоръ. Ему пришлось не по душѣ, что молодой докторъ, выступившій съ докладомъ въ ученомъ обществѣ, не явился къ нему за предварительнымъ благословеніемъ. Онъ сталъ понемногу придираться въ преніяхъ по поводу доклада. Докладчикъ бойко парировалъ возраженія профессора. Старикъ сталъ горячиться и вдругъ на высотѣ дебатовъ, сразилъ противника приведенною на память англійскою цитатою. Докладчикъ былъ смущенъ, тріумфъ доклада поколебленъ.

На слѣдующій день въ лабораторіи волновались. Выкопали источники и стали искать уничтожающую цитату англійскаго ученаго.

Но гдѣ же? Гдѣ роковыя слова? Вотъ и статья, но въ ней совсѣмъ другое.

Всеобщее смущеніе... Неужели? Неужели старикъ сорвался, давъ ложную цитату?

Кипитъ негодованіемъ молодая кровь. И началъ нарождаться у доктора тотъ непокорный нравъ, который впослѣдствіи кидалъ его въ метаморфозахъ жизни въ конфликты и въ борьбу.

— Такъ нельзя! Я дамъ отпоръ!

И появилась въ представленной факультету на соисканіе ученой степени диссертаціи рѣзкая отповѣдь тому самому профессору, на разсмотрѣніе котораго, какъ химика, долженъ былъ поступить трудъ доктора.

Въ факультетѣ поднялась буря.

— Неслыханная дерзость! Нахалъ! Мальчишка! Споритъ съ учителями!..

Честь факультета была задѣта и никому не было дѣла до того, что „мальчишка“ былъ правъ...

Предсѣдатель ученаго общества пилилъ секретаря: какъ пропустилъ въ печати предательскую фразу? А секретарь посылалъ къ чорту непокорнаго доктора.

Друзья-покровители доктора поговорили со своимъ бывшимъ ученикомъ на тему о кротости и уваженіи къ старшимъ. Не отрицая того, что старичекъ-профессоръ потерялъ чувство душевной мѣры, взявъ невѣрную научную ноту, они говорили, что старику можно и спустить — мало ли-де, что случается! Сулили доктору и ученую степень и раннюю профессуру, лишь бы перепечаталъ страничку диссертаціи. Но докторъ уперся и плелъ нелѣпыя легенды о святости научныхъ истинъ, объ идеалахъ правды...

Наконецъ это надоѣло и доктору объявили, что ученой степени ему не видѣть, какъ своихъ ушей...

Но это не смутило дерзкаго Донъ-Кихота:

— „Ну что же? Бракуйте. Мы посчитаемся на диспутѣ“...

— „Не будетъ диспута. Мы просто возьмемъ изморомъ: продержимъ на разсмотрѣніи работу пять лѣтъ. Надоѣстъ вѣдь ждать“...

Прошелъ годъ и мѣсяцъ. Доктора наконецъ взорвало и онъ явился въ канцелярію:

— Скажите, когда будетъ разсмотрѣна моя диссертація?

— Никогда, — вразумительно отвѣтилъ ему.

— А по закону, сколько времени можно держать работу на разсмотрѣніи?

— Шесть мѣсяцевъ.

— Куда же надо обратиться за исполненіемъ закона?

— Попробуйте написать въ Петербургъ, — язвительно посовѣтовалъ секретарь.

— Ладно.

Докторъ написалъ заявленіе въ Петербургъ о томъ, что если его работа не годна, пусть забракуютъ, но осада изморомъ на научный трудъ должна быть прекращена. Черезъ двѣ недѣли въ факультетъ пришло требованіе исполнить законъ, а въ слѣдующій вторникъ докторъ получилъ отъ декана бумагу съ извѣщеніемъ, что работа его признана неудовлетворительной и диссертація къ защитѣ недопущена.

Вотъ онъ первый жизненный урокъ. Вотъ похожденія въ защиту научной истины!

Черезъ полгода докторъ за ту же диссертацію получилъ ученую степень въ столицѣ, а еще черезъ годъ ту же работу, увѣнчанную всемірной преміей, издала на французскомъ языкѣ иностранная академія, отмѣтивъ въ своемъ отзывѣ, что работа эта представляетъ собою образецъ научнаго творчества и что методы изслѣдованія въ ней примѣненные стоятъ внѣ всякаго упрека!

Такъ загорѣлась заря безпокойной жизни человѣка съ строптивой душой и непокорнымъ нравомъ, а лента жизни неровно ложилась въ координаты пространства и времени, причудливо рождая смѣны сложныхъ декорацій.

* * *

Прошло два года со времени воробьиной ночи въ анатомическомъ театрѣ. Вѣчный студентъ былъ все тотъ же. Юноша же оперился. Онъ перешелъ въ послѣдній классъ и жилъ теперь, лѣтомъ, съ матерью въ деревнѣ Безлюдовкѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ города. Онъ мечталъ сдать экзаменъ за курсъ гимназіи и подготовиться къ поступленію въ университетъ. Но жилъ онъ въ бѣдности и трудно было осуществить мечту.

Въ жаркій лѣтній день, когда въ знойномъ оцѣпенѣніи безмолвствовала природа, на пыльномъ шляху показалась все та же фигура студента Патокова въ томъ же потертомъ студенческомъ сюртукѣ. Въ рукѣ его была дубинка, а черезъ плечо была перекинута сумка съ книжками. Голубые глаза Мадоны все также неопредѣленно глядѣли вдаль.

У студента выдалась свободная недѣля и онъ, захвативъ съ собою алгебру и геометрію, направился къ своему другу пѣшкомъ за городъ, чтобы положить первый камень по новому пути будущаго доктора.

Войдя въ крытую соломой мазанку, онъ объявилъ объ

этомъ своему другу, и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ молодые люди приступили къ дѣлу.

Въ одинъ изъ этихъ дней на склонѣ холма спускавшагося къ рѣкѣ лежали отдыхая учитель и ученикъ. Золотистымъ отблескомъ заката заливало солнце широкій горизонтъ. Въ высокой синевѣ неба еще звучала пѣснь жаворонка, и вѣтеръ легкою волною колыхалъ наливающіеся колосья ржи.

Патоковъ своими голубыми глазами глядѣлъ въ безграничную ширь степного простора и, лежа на животѣ, мялъ въ рукѣ сорванный стебель травки.

— Да, — говорилъ онъ — человѣческая личная жизнь — ничто. Все только для человѣчества! Ты только пойми, — какое счастье отдать всего себя безъ остатка служенію идеѣ и человѣчеству! И знаніе и долгъ — все для другихъ...

Студентъ задумался, а Пычевъ, весь встрепенувшись, забылъ и пѣснь жаворонка и запахъ скошеннаго сѣна. Съ съ любовью глядѣлъ на друга и ждалъ...

— Учись! Такъ легче и лучше будетъ служить и оправдать свое существованіе. А личное счастье развѣ оно не въ подвигѣ самоотреченія? Развѣ не дастъ тебѣ твоя будущая врачебная работа того высокаго блаженства, во имя котораго мы учимся?

Съ духовнымъ трепетомъ благоговѣнья слушалъ Пычевъ своего друга. Радостно трепетало сердце и такъ хотѣлось скорѣе все познать, всему научиться.

Какъ сонъ пронеслась недѣля, и упало брошенное сѣмя на благодатную почву.

Когда раннимъ утромъ Пычевъ провожалъ своего друга, съ неизмѣнною дубинкою шагавшаго по направленію къ городу, онъ долго горячо жалъ ему руку и клялся въ своей душѣ быть вѣрнымъ завѣтамъ друга.

Сама природа благословляла мечты юноши, сіяя во всей красѣ великолѣпнаго лѣтняго утра.

* * *

Неудержимо развертывалась лента времени. Мѣнялись контуры наносимыхъ на нее фигуръ. Все проходило и то, что переставало существовать физически, хранилось въ памяти человѣка, воспроизводившаго прошлое въ живыхъ образахъ своей памяти. Вихрь жизни разметалъ и общество лабораторіи.

Докторъ закончилъ свою работу и, покинувъ Сабурову Дачу, совершалъ свой бурный путь ученаго и борца на аренѣ человѣческихъ страданій.

Ковтуненко первый завершилъ свой путь житейскій въ

одинъ изъ періодовъ своего запоя, окончивъ жизнь подъ заборомъ, какъ своевременно предсказывалъ ему докторъ. Позена прибило къ тихой пристани. Черезъ десятокъ лѣтъ вдругъ докторъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ нѣжно описывалъ свою любимую дочку. И нотка ироническаго скептизма по адресу міровыхъ вопросовъ теперь звучала слабо. Дѣйствительная жизнь вступила въ свои права. А въ годы первой революціи, въ одномъ изъ историческихъ журналовъ бывшій террористъ окинулъ трезвымъ взоромъ былое, не пощадивъ себя.

Когда-то Позенъ былъ спасенъ докторомъ изъ нѣдръ сумасшедшаго дома, а теперь на каминѣ у доктора стояла фотографія Позена въ причудливомъ одѣяніи съ надписью: „Вы спасли мнѣ жизнь, а я сохранилъ къ вамъ преданность“. Докторъ вспоминалъ теперь про тихую работу въ лабораторіи, что-то теплое звучало сквозь строки письма.

О Патоковѣ слухи какъ-то затихли. Онъ вышелъ наконецъ изъ сферы вѣчнаго студента, окончилъ курсъ и служилъ теперь врачемъ въ родильномъ заведеніи. Въ студенческіе годы Патоковъ дичился женщинъ. Онъ былъ всегда застѣнчивъ и нерѣшителенъ. Молчалъ и скромничалъ, когда кругомъ бурлила жизнь. Онъ находилъ покой и радость въ тиши лабораторнаго уединенія и въ книгахъ.

Причудливымъ ударомъ судьбы Патоковъ какъ-то совершенно неожиданно попался въ сѣти. Имъ овладѣла женщина. Простая баба-повитуха изъ родильнаго дома, толстозадая, съ жирной грудью. Это пышущее здоровьемъ произведеніе природы мертвой хваткой сдавило свою жертву, и хмурый идеалистъ Патоковъ изъ міра грезъ спустился на землю.

О томъ, какъ произошло это сліяніе душъ, исторія умалчиваетъ. Но кажется, что повитуха знала жизнь лучше, чѣмъ Патоковъ.

Путь юноши Пычева былъ не легокъ. Одинъ, громадными усиліями воли, онъ выполнилъ свою задачу и былъ студентомъ-медикомъ. Онъ не измѣнилъ своимъ завѣтамъ и впереди обманчивымъ видѣньемъ еще стояли мечты: наука, борьба за идеалы. И оставался онъ все тѣмъ же неисправимымъ идеалистомъ. Не прошла безслѣдно для него ни жизнь въ лабораторіи, ни прежнія мечты и рѣчи. Но ярче всего онъ помнилъ завѣты Патокова, которые преподалъ ему студентъ въ тотъ ясный лѣтній вечеръ.

Со своимъ бывшимъ другомъ однако онъ не встрѣчался давно.

Лѣтъ шесть спустя послѣ той ночи въ анатомическомъ театрѣ, которая такъ сблизила друзей, Пычевъ неожиданно столкнулся на вокзалѣ съ Патоковымъ. Это не былъ уже

хмурый студентъ въ поношенномъ мундирѣ. То былъ *обыкновенный* докторъ, который становился довольно извѣстнымъ въ городѣ. Видъ его также былъ обыкновенный. Въ немъ не было ни излишней щеголеватости, ни чрезмѣрной небрежности въ костюмѣ.

Друзья разцѣловались.

— А я, братъ, ѣду въ Мерефу. На роды вызвали. Но есть еще много времени, давай присядемъ за столомъ.

И оба сѣли.

— Ну что? Какъ поживаешь? Что новаго? — жадно вопрошалъ Пычевъ.

— Что значитъ „живу"? Недурно. Вотъ и сейчасъ вызвали къ роженицѣ. И отлично. Я заломилъ, братъ, триста рублей. Это какъ тамъ выйдетъ, живой иль мертвый ребенокъ, а ты мнѣ мои денежки подай...

И Патоковъ выразительно похлопалъ себя ладонью по карману на бедрѣ.

Пычевъ смутился.

— Ты какъ-то странно говоришь. Словно тебя больше радуетъ не то, что къ тебѣ обращаются какъ къ хорошему врачу, а то, что ты получишь триста рублей.

Голубыя глаза Патокова съ усмѣшкой глядѣли на Пычева.

— А ты какъ думаешь? Ну, да! Вѣдь это совсѣмъ недурно — триста рублей!

Пычевъ продолжалъ съ изумленіемъ глядѣть въ эти когда-то святые голубые глаза мечтателя.

— Да, да, братъ. Это такъ. Ты тоже спуску не давай!

— Постой... А какъ же?... Ты помнишь ли, какъ говорилъ ты мнѣ о человѣчествѣ, о долгѣ? Когда былъ у меня въ Безлюдовкѣ.

Патоковъ захохоталъ.

— Забудь тотъ вздоръ! То были бредни. Нѣтъ, братъ, теперь меня не проведешь! Помни: всѣ эти фразы о долгѣ — чепуха! Не ты надуешь, — тебя посадятъ ни съ чѣмъ. Брать надо! Требуй! За горло человѣчество, иначе оно надуетъ тебя.

Патоковъ выпилъ пиво и съ усмѣшкой посмотрѣлъ на взволнованное лицо Пычева.

— Брось, брось! Лишь бы платили, а тамъ... Впрочемъ звонокъ. Прощай! И тотъ глупый разговоръ забудь!

Торопливо расплатился извѣстный акушеръ и вышелъ на перонъ, неся въ рукахъ свой инструментальный наборъ въ кожанномъ чемоданчикѣ.

А Пычевъ долго глядѣлъ вслѣдъ удаляющемуся поѣзду. Въ памяти его оживали образы давно минувшаго: и пѣснь

жаворонка въ голубой выси, и ночь въ анатомическомъ театрѣ... А губы съ нѣмымъ укоромъ шептали, повторяя:

— Забудь... Забудь тотъ глупый разговоръ... Забудь!...

* * *

Капризничала жизнь.

Далеко метнулась лента времени и начертала на своей поверхности иные образы. Смѣшались жизненные пути и разметало небольшую группу лабораторныхъ обитателей по всѣмъ мѣстамъ земной поверхности.

Пычевъ сталъ докторомъ и былъ уже извѣстнымъ хирургомъ. Его восторженная душа не знала покоя, и, вѣрный своимъ завѣтамъ, онъ шелъ по твердому пути. Звучали еще душевныя струны, резонируя на доброе, и при первыхъ проблескахъ грозы, губившей родину, онъ отозвался, исполнивъ свой долгъ.

Въ то время вопросъ окраинъ былъ острымъ и въ годы первыхъ испытаній Великой Родины два члена лабораторіи — руководившій ею докторъ и его пылкій когда-то ученикъ — очутились, первый въ Манджуріи, второй въ далекой Персіи. Оба они служили Родинѣ подъ сѣнью Императорскихъ знаменъ и не угасшихъ тогда еще идей о долгѣ, славѣ и чести своего отечества.

Пычевъ теперь свершалъ походъ вглубь Персіи съ отрядомъ казаковъ, ведомыхъ русскими офицерами въ погоню за непокорымъ принцемъ Саларъ-Доулэ.

Походъ былъ въ духѣ Майнъ-Ридовскихъ приключеній, и требовалъ большого напряженія силъ.

Передъ глазами всадниковъ развертывались сказочныя картины Востока съ его угасшей цивилизаціей. Здѣсь нѣкогда была колыбель древней культуры. И теперь часто встрѣчавшіеся памятники массивнаго строительства говорили о другой когда-то царившей здѣсь жизни. И какъ не гармонировали эти памятники съ жизнью кочевниковъ, которые жили теперь животной жизнью среди звѣрей, ведя войну племенъ и возводя въ свой культъ разбой.

Когда отрядъ захватилъ гордаго принца, послѣдній сдружился съ Пычевымъ и много говорилъ ему о русскихъ. Тогда русскій народъ еще не закончилъ надъ собою великой операціи усѣкновенія, и въ дикихъ горахъ Персіи, гдѣ горделиво владѣли барсы, имя русскаго было окружено почетомъ.

Много подвиговъ мужества и терпѣнія выполнилъ отрядъ. И много лишеній пришлось пережить русскому доктору. Но онъ былъ въ полномъ разцвѣтѣ силъ. Бодро служилъ онъ

своему долгу, съ восторгомъ вспоминая родину, свой долгъ и честь народа, къ которому принадлежалъ.

* * *

Блестящая карьера молодого доктора, завѣдывавшаго когда-то лабораторіей, взнесла его на бюрократическую высь. Сановникъ, увидя однажды психіатра во всемъ блескѣ золота мундира и орденовъ, сыпавшихся на него какъ изъ рога изобилія, воскликнулъ:

— Si jeune et si decoré!

Министръ Имперіи, на удивленіе медицинскому департаменту, далъ въ своей рѣчи, произнесенной въ государственномъ совѣтѣ, блестящій отзывъ о новой грандіозной правительственной больницѣ и ея директорѣ, а самъ Императоръ на докладѣ генералъ-губернатора о томъ, что „врачебный персоналъ на полной высотѣ своего многотруднаго призванія“, начерталъ: „мнѣ пріятно было прочитать Вашъ отзывъ о новомъ сооруженіи“.

Увы! Судьба превратна. Есть вещи, которыхъ трогать нельзя. И скоро своею безпокойной дѣятельностью новаторъ задѣлъ благоволившіе ему верхи. Напрасно убѣждалъ либеральный директоръ департамента директора больницы, что и его „со всѣхъ сторонъ обкрадываютъ“, и что надо въ извѣстныхъ случаяхъ „умѣть молчать“. Строптивый докторъ не сдавался и въ результатѣ очнулся... чумнымъ врачемъ въ пустыняхъ Средней Азіи. Черезъ полгода туда дошелъ къ нему пакетъ съ послѣднимъ очереднымъ орденомъ на шею, при грамотѣ, что данъ-де сей знакъ Высочайшей милости „за отмѣнную и усердную службу“ Имперіи...

Орденъ былъ возвращенъ, съ указаніемъ начальству, что имъ введена въ заблужденіе Высочайшая власть. Кто правъ: карающій или Наградившій? И если правъ Награждающій, то какъ можетъ начальникъ департамента смѣстить чиновника, отличная служба котораго отмѣчена Царемъ?

* * *

Въ пустынѣ, на караванной верблюжьей тропѣ, подъ желтымъ флагомъ разбросано три юрты: въ нихъ расположенъ чумной карантинный пунктъ. На западѣ полоска моря. Со всѣхъ другихъ сторонъ, куда ни глянь — песокъ и небо. Томится душа заброшенныхъ сюда людей: безпокойнаго доктора, дороднаго фельдшера изъ ротныхъ, Федора Парфеновича, его сожительницы, солдатки Наташи — кухарки пункта — и санитара — туркмена Ашира, потомка Ассирійцевъ.

Уже полгода эти люди живутъ отрѣзанные отъ міра и проклята ихъ жизнь среди скорпіоновъ, фалангъ и змѣй.

Когда туркменъ Сафаръ, задержанный бурей на морѣ запоздаетъ привезти „тару“ съ прѣсной водой изъ Персіи, съ рѣки Гюргена, старый запасъ воды загниваетъ, киша червями, и отвратительно пить настоянный на ней чай. Когда съ сѣвера на горизонтѣ появлялся путникъ, приближавшійся по караванной тропѣ, сначала была видна лишь одна точка, потомъ въ миражѣ расплывался странный контуръ, и только совсѣмъ близко обрисовывалась типичная фигура туркмена на верблюдѣ, или всадникъ на дивномъ туркменскомъ конѣ.

Ближайшее сосѣдство — пріютъ для прокаженныхъ изъ аула Гасанъ-Кули, расположеннаго въ семи верстахъ къ югу. То сколокъ съ библейскихъ картинъ. Два досчатыхъ сарайчика, въ которыхъ, всѣми отвергнутые живутъ шесть прокаженныхъ, заживо разлагаясь.

Ихъ посѣщаетъ докторъ и радуются обезображенные люди, дебатируя о томъ, какое изъ двухъ лекарствъ — „судырманъ“ или „саръ-дырманъ“ лучше дѣйствуетъ на покрытые язвами обрубки пальцевъ или все изуродованное лицо.

Когда наступаетъ дневной зной, тѣло изнываетъ въ тяжеломъ оцѣпенѣніи, а душа живыхъ людей томится въ тоскѣ и мукѣ...

Sic transit!...

И только дивныя звѣздныя ночи, когда ляжешь лицомъ кверху на расположенную на кошмѣ, въ защиту отъ змѣй, походную кровать, наводятъ на безконечныя думы о превратности человѣческой судьбы и метаморфозахъ жизни.

* * *

Въ іюльскій вечеръ группа всадниковъ въ черкесскомъ одѣяніи объѣзжала съ начальникомъ авангарда передовыя позиціи манджурской арміи. На утро ожидался бой, и уже была извѣстна диспозиція наступленія.

Съ высокой сопки, на склонѣ которой въ полной боевой готовности замерла батарея, открывался дивный видъ на долину впереди. Въ подзорную трубу были видны японскія позиціи и какъ манекены стоявшія у пушекъ фигурки японцевъ въ своихъ курткахъ цвѣта хаки.

— Тамъ влѣво, въ долинѣ пріютился Тамбовскій полкъ, — сказалъ генералъ. — Отсюда завтра начнется наступленіе.

Было жутко и тихо на передовыхъ позиціяхъ. Закончивши объѣздъ, группа расположилась на откосѣ сопки невдалекѣ отъ батарей. Къ генералу подошли офицеры, начальники развѣдочныхъ командъ, и получили приказанія развѣдать путь наступленія.

Ночь спустилась лунная, великолѣпная. Люди расположились кругомъ костра. Одинъ изъ адъютантовъ въ полголоса, но очень музыкально, напѣвалъ аріи изъ оперъ и, слушая ихъ, докторъ уносился въ даль своихъ воспоминаній.

Послѣ полуночи пришла развѣдка и принесла вѣсть, что колона японцевъ выдвигается на лѣвый флангъ по направленію Тамбовскаго полка. Генералъ распорядился немедленно предупредить полкъ.

Попозже пронесся слухъ, что офицеры Тамбовскаго полка не очень повѣрили сообщенію и даже будто бы кто-то сказалъ:

— Пускай не безпокоятся. У страха глаза велики.

Передъ разсвѣтомъ группа всадниковъ снялась съ мѣста у батареи и перешла за сопку, гдѣ стоялъ въ резервѣ кавказскій кавалерійскій полкъ.

Уже свѣтало, когда совсѣмъ близко раздался первый орудійный выстрѣлъ и тотчасъ же заговорили всѣ батареи.

— Началось! — послышалось кругомъ.

Докторъ взглянулъ на часы. Было четыре часа утра. Генералъ съ начальникомъ штаба и докторомъ выѣхали впередъ по направленію къ батареямъ.

Картина была великолѣпная, но жуткая. Впереди надъ батареями и кругомъ по всему полю рвались японскія шрапнели и ударяли въ землю гранаты-шимозы. Справа и слѣва отъ группы регулярно вспыхивали клубы пыли впереди носа нашихъ орудій, и медленно передвигались небольшія боевыя части.

Впереди нашихъ батарей должны были наступать пѣхотные полки.

Не прошло однако и получаса, какъ пришло донесеніе о томъ, что съ наступленіемъ разсвѣта японцы внезапно и тихо подошли вплотную къ мирно спящему лагерю Тамбовскаго полка и, открывъ огонь пачками, выбили въ палаткахъ около восьмисотъ человѣкъ. Полкъ, несмотря на страшныя потери, оправился и отбилъ японцевъ.

По слухамъ былъ выбитъ весь медицинскій персоналъ.

— Докторъ, берите фельдшера моей бригады и поѣзжайте къ полку — послѣдовалъ приказъ.

Четыре всадника быстро понеслись впередъ.

На открытой полянѣ лежало въ безпорядкѣ много сотенъ убитыхъ и раненыхъ людей. Кругомъ рвались снаряды, въ воздухѣ жужжали пули. Здѣсь былъ настоящій адъ. Пока подоспѣетъ вызванный летучій отрядъ, пришлось работать одному, и докторъ до одурѣнія все перевязывалъ. Кругомъ въ повалку лежали окровавленные люди. Молодой солдатъ, съ особеннымъ выраженіемъ раненой газели, глядѣлъ на доктора и силился что-то сказать, но каждый разъ по-

токъ алой крови вырывался фонтаномъ изъ его рта. Три пули попали въ область желудка, и всѣ его надежды были напрасны.

Кругомъ непрестанно раздавались голоса, молящіе съ надеждой:

— Господинъ докторъ, меня, меня...

Разрывъ снаряда совсѣмъ вблизи заставлялъ тревожно отрывать взглядъ отъ исковерканнаго снарядомъ тѣла и озираться.

Когда изнеможеніе доходило до крайности, докторъ окатывалъ голову водою и снова купался въ крови, бросая отрывочные взгляды кругомъ. А въ психикѣ летѣли обрывки мыслей.

— Такъ вотъ она война... Вотъ подвигъ самоотреченья... Вотъ долгъ служенія человѣчеству...

И всюду кругомъ молящіе глаза и молчаливые укоры. Какъ будто виновенъ въ томъ, что не поспѣешь всюду...

Солнце стояло высоко паля немилосердно. Томила жажда, и тѣло цѣпенѣло. Работа становилась мукой...

Лишь къ десяти часамъ подъѣхалъ летучій отрядъ, и всадники кавказской бригады со своимъ врачемъ были отозваны на правый флангъ, гдѣ ихъ части вели въ ущельи жаркій бой.

Когда подвели доктору коня, его взглядъ случайно упалъ на уложенные въ стройномъ порядкѣ трупы убитыхъ, и вдругъ вниманіе привлекли сказанныя кѣмъ то слова:

— Вотъ это докторъ убитый...

Уже занеся ногу въ стремя, докторъ инстинктивно посмотрѣлъ на ближайшаго убитаго. У ногъ его лежалъ трупъ въ погонахъ врача. Лицо его было обращено кверху, и неподвижно открытые потускнѣвшіе уже глаза неопредѣленно глядѣли въ высь...

Что-то знакомое мелькнуло въ этомъ образѣ, и въ психикѣ пронеслисъ давно забытыя картины прошлаго.

То былъ трупъ доктора Патокова.

* * *

Прошли года. Неистовствовала жизнь. Смѣнились декораціи. Меркли духовныя цѣнности и въ человѣкѣ пробуждался звѣрь. Старый ученый бывшій когда-то молодымъ докторомъ, писавшимъ диссертацію, и пылкій когда-то фельдшерскій ученикъ — теперь заслуженный хирургъ, — выполнили свой долгъ и, выкинутые въ изгнаніе съ остатками разбитой арміи, встрѣтились на чужбинѣ, въ лагерѣ униженныхъ и оскорбленныхъ Они переживали со всѣми вмѣстѣ всю тяжесть горя побѣжденныхъ, безъ будущаго, безъ на-

деждъ. Но прошлое связало ихъ въ воспоминаніяхъ и долгими часами при встрѣчахъ они развертывали образы минувшаго.

Вспоминали лабораторію и то невозвратимое время научныхъ мечтаній, которое сблизило этихъ людей на всю ихъ длинную жизнь.

Въ лабораторіи впервые загорѣлся тотъ священный огонекъ, который позволилъ обоимъ собесѣдникамъ пройти весь путь тяжелыхъ испытаній безъ колебаній.

Было потеряно все, но оставались на душѣ далекія воспоминанія, и примирялась душа съ лишеніемъ того, что все равно не унесетъ съ собою человѣкъ въ могилу.

И, вспоминая студента Патокова, не сразу могли рѣшить друзья вопросъ о томъ, какой изъ двухъ образовъ былъ цѣльнѣе: хмурый ли мечтатель Патоковъ въ потертомъ студенческомъ мундирѣ или *обыкновенный* акушеръ, ѣхавшій въ Мерефу и обольщенный гонораромъ.

— Да, разныя бываютъ метаморфозы жизни, — задумчиво сказалъ Пычевъ.

О томъ, что погибли блага жизни горевать не стоитъ, а вотъ о томъ, какъ въ предсмертный часъ сведешь итоги жизни безъ идеаловъ, подумать надо.

— Да, — отвѣтилъ грустно профессоръ. — Что чувствовалъ и думалъ докторъ Патоковъ въ тотъ мигъ, когда сраженный въ палаткѣ японской пулей онъ долженъ былъ спросить себя: зачѣмъ онъ жилъ?

XVIII.

ГЛАСЪ ВОПІЮЩАГО ВЪ ПУСТЫНѢ.

Эта книга выпускается въ свѣтъ въ грозный для человѣчества часъ.

То, что переживаетъ теперь культурный міръ есть агонія страшной психической эпидеміи, которая охватываетъ весь міръ уже въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Какъ психіатръ, какъ профессоръ криминальной и соціальной психологіи, я вижу всюду теперь лишь безуміе и моральное паденіе въ пышной формѣ. Я испытываю скорбь — если врачу дозволено имѣть ее по отношенію къ безнадежному больному, — ибо время перескочило всѣ барьеры, на которыхъ безуміе могло быть остановлено.

Всѣ симптомы душевнаго разстройства современнаго общества — на лицо: обманы памяти, искаженіе прошлаго, иллюзіи, бредовыя идеи, резонерство, дикое буйство и без-

смысленное поведеніе. Психическая зараза и повальное внушеніе парализуютъ умъ человѣчества, а больное общественное мнѣніе бросаетъ его въ міръ легендъ, утопическихъ вѣрованій и несбыточныхъ надеждъ. На аренѣ сумасшедшаго дома, которую теперь представляетъ собою почти вся поверхность земного шара, люди мечутся въ тоскѣ и страхѣ, зараженные лживыми лозунгами, всѣхъ ненавидящіе и злые. Всюду лишь гибель и разрушеніе. Политическій бредъ, прививаемый демагогами царитъ въ многообразныхъ формахъ и паразиты-хищники соціальной жизни — политики, спекулянты, авантюристы-мошенники — вздымаются пѣной революціи на верхи взбаламученнаго людского моря. Уже формируются банды разбойническихъ атамановъ, которые въ моментъ надвигающейся анархіи выступятъ на сцену, чтобы убивать и грабить. Будущее цивилизованнаго человѣчества страшно.

Въ дни послѣднихъ выборовъ, когда англійскія женщины получили право голоса, я передалъ въ запечатаномъ конвертѣ въ редакцію „Новаго Времени" мое заключеніе подъ заглавіемъ „Finis Англіи". Я предсказалъ, побѣду рабочей партіи и конецъ Державы. Теперъ эта страна — разлагающійся трупъ и никакія усилія ее не спасутъ, если срочно не будутъ приняты чрезвычайныя мѣры. Погибнетъ скоро и другая великая Держава, вообразившая, что можно имѣть общеніе съ заразой не мывши рукъ, и не заразиться самой. Вихрь большевизма промчится по западной Европѣ, которая уже обречена.

Скоро будетъ поздно призывать къ отрезвленію: сила не сможетъ подавить безумія человѣчества, ибо массы уже вышли изъ повиновенія. Востокъ горитъ охваченный буйнымъ помѣшательствомъ, а западъ гніетъ и разлагается одурманенный демократическимъ бредомъ и либеральной идеологіей. Ядъ парламентаризма и борьбы партій смертоносенъ для государствъ и общества, становящихся жертвами политиковъ, нагло попирающихъ мораль и право.

На мою долю, какъ психіатра, выпалъ матерьялъ, который попадаетъ въ руки ученаго въ тысячелѣтіе разъ. Я изучалъ революцію, какъ ея современникъ, лично пережившій всѣ ея ужасы, какъ боецъ противъ нея съ оружіемъ въ рукахъ и какъ членъ комиссіи вмѣстѣ съ профессорами уголовнаго права, исторіи и судебной медицины научно изучившій злодѣянія че-ка.

Когда мы показали пріѣхавшимъ на пепелище большевицкаго разгрома Кіева представителямъ французовъ, американцевъ и англичанъ горы труповъ людей замученныхъ въ че-ка, документы, фотографіи и прочія доказательства, они, ошеломленные, отвѣтили:

— Да... Все это такъ. Но когда мы пріѣдемъ домой и

все разскажемъ и даже покажемъ фотографіи — намъ *не повѣрятъ.*

Пятнадцатъ лѣтъ не вѣрилъ и молчалъ цивилизованный міръ, провозглашая торговлю съ людоѣдами, устраивая аукціоны краденныхъ вещей и усаживая авантюристовъ-мошенниковъ на кресла дипломатовъ... Теперь близится день расплаты за содѣянное... Длинный рядъ преступныхъ демагоговъ-политиковъ ведетъ заблудшія толпы по пути Голгофы: Лойдъ-Джоржъ, Штреземанъ, Нансенъ. Эріо, Макдональдъ и Аристидъ Бріанъ. Это — могильщики Россіи. Они не долго будутъ кумирами больного общества: настанетъ и ихъ чередъ.

Уже кристализуется въ толпы убійцъ и грабителей наэлектризованная демагогами подлая чернь и выползаютъ изъ норъ шайки бандитовъ, которые будутъ править пиръ во время чумы, чтобы и самимъ быть поглощенными въ хаосѣ всеобщей гибели.

Что касается русской эмиграціи, я считаю ея пѣснь спѣтою, ибо дѣло ея разложенія завершено. Лучшія силы обладавшія знаніемъ и опытомъ вымираютъ отъ возраста. Остатки высшей, образованной интеллигенціи продолжаютъ пережевывать давно отжившій и сокрушенный дѣйствительностью катехизисъ либерализма съ примѣсью анархизма, разрушающій и отрицающій власть, бредящій парламентаризмомъ и конституціями. Остатки Императорской арміи охвачены гибельнымъ бредомъ аполитичности и непредрѣшенства, совершенно и навсегда выводящимъ ихъ изъ строя. Эти доктрины стоятъ въ противорѣчіи со всею структурою психики и съ біологіей инстинкта самосохраненія и самозащиты. И это въ то время, когда офицерство систематически вырѣзывается, а родина повергнута въ прахъ. Молодое поколѣніе воспитывается въ невѣдѣніи и искаженіи великаго прошлаго своей страны и денаціонализируется, зараженное практическими интересами борьбы за жизнь. Вся эмиграція охвачена бредомъ отрѣченія отъ прошлаго, самоопредѣленія, сепаратизма и партійными распрями. Патріотизмъ совершенно уничтоженъ. Новыхъ формъ не создано, а возвращеніе къ старымъ считается мракобѣсіемъ. Ясно, что съ такою психикою воскреснуть духовно невозможно и, быть можетъ лучшая культура, достигшая своего золотого вѣка еще въ эпоху Императора Николая I-го, обречена на гибель и вымираніе.

Возможно ли обуздать это всеобщее безуміе и остановить гибель культурнаго міра?

Конечно, да. Но для этого надо прежде всего остановить словесный блудъ и перейти къ дѣлу. Надо понять, что цензъ сѣдельнаго мастера или бомбиста-экспропріатора недостаточенъ для возглавленія государствъ. Надо уничтожить парламенты разрушающіе государства и обуздать раз-

вращающую прессу. А главное надо вырвать власть изъ рукъ авантюристовъ-политиковъ, не имѣющихъ за собою ни спеціальныхъ знаній, ни подготовки. На всѣ такія мѣры больное общество добровольно не пойдетъ, а организованную силу проникнутую соотвѣтственной идеологіей взять неоткуда. Надо свергнуть кумировъ-политиковъ обольщающихъ человѣчество лживымъ потокомъ словъ, и замѣнить ихъ государственными дѣятелями стараго закала, знающими свое дѣло.

Надо вступить на путь чрезвычайныхъ, рѣшительныхъ дѣйствій, которыя великолѣпно извѣстны настоящимъ государственнымъ дѣятелямъ съ соотвѣтственными знаніями и подготовкой. А главное — надо вернуться къ многимъ старымъ формамъ государственной жизни и правового порядка, выработаннымъ тысячелѣтнимъ опытомъ и освященнымъ прошлыми страданіями человѣчества. А все это свыше силъ одурманеннаго лживой либеральной фразеологіей и псевдодемократическими лозунгами цивилизованнаго общества.

Безумно мчится культурный міръ къ гибели и, ничто не спасетъ его.

Вѣкъ совершенной техники изобрѣлъ для гибнущихъ въ морской пучинѣ кораблей магическій призывъ по радіо. На этотъ призывъ со всѣхъ сторонъ мчатся къ погибающимъ спасательные пароходы. Но тщетно уже пятнадцать лѣтъ по всему міру раздается вопль о помощи великаго и сильнаго когда-то народа. Весь міръ молчитъ, скупая краденное, помогая грабителямъ и пожимая руки чекистамъ.

И также тщетно, скоро будетъ взывать о помощи весь міръ! Не будетъ славныхъ русскихъ моряковъ самоотверженно спасавшихъ погибающихъ въ Мессинѣ отъ землетрясенія...

S. O. S!

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СВЯТОСЛАВЪ"
МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА КОВАЛЕВА
ВЪ БѢЛГРАДѢ

Belgrad, M. Kovaljov Poštanski fah 177.

Н. Н. Брешко-Брешковскій „Подъ звѣздой дьявола", романъ (322 стр.) Цѣна 45 дин. — 0,85 ам. дол.

Его-же. „Печать проклятья", ром. (443 стр.). Цѣна 75 дин. — 1,25 дол.

Его-же. „На золотомъ тронѣ", ром. въ 3-хъ ч. (350 стр.). Цѣна 80 дин, — 1,50 дол.

П. П. Тутковскій. „Перстъ Божій" (Гибель Россійской коммуны), повѣсть. Цѣна 25 дин. — 0,50 дол.

Е. А. Пасыпкинъ. „Свѣтъ-побѣдитель", историческо-оккультный романъ изъ временъ древняго Египта. Цѣна 55 дин. — 1 дол.

Лина Изломова. „Женщина на распутьи", романъ. Цѣна 40 дин. — 0,75 дол.

Ея-же. „Хмѣль жизни", романъ. Цѣна 65 дин. — 1,30 дол.

С. Н. Палеологъ. „Около власти". Цѣна 40 д. — 0,80 дол.

Лука-Дюбретонъ. „Побѣгъ", переводъ съ французскаго О. В. Салтыковой. Цѣна 22 дин. — 0,40 дол.

Б. А. Кундрюцковъ. „Кожаные люди", романъ. Цѣна 25 дин. — 0,40 дол.

Евгеній Брантъ. „Ритуальное убійство у евреевъ" кн. I. 168 стр. и 7 рѣдк. иллюстр. Цѣна 50 дин. — 1 дол.

Его-же. Кн. II-я. 228 стр. и 2 иллюстраціи. Цѣна 65 дин. — 1,30 дол.

Его-же. Кн. III-я, 215 стр. и 7 иллюстрацій. Цѣна 65 дин. — 1,30 дол.

В. К. Варгунинъ. „Утопія мечты", повѣсть изъ жизни царства заколдованнаго. Цѣна 15 дин. — 0,30 дол.

Г. В. Бостуничъ. „Масонство въ его сущности и проявленіяхъ", 2-е изд. переработанное авторомъ, исправленное и дополненное текстомъ и рѣдкими иллюстраціями. 257 стр. и 27 иллюстр. Цѣна 50 дин. — 1 дол.

„ЛУЧЪ СВѢТА" № 6. Сборникъ, подъ редакціей Ф. В. Винберга. Цѣна 30 дин. — 0,60 дол. и № 7 25 д. — 0,50 дол.

Проф. Н. В. Краинскій. „Безъ будущаго" Психологическіе очерки о революціи и эмиграціи 187 стр. Цѣна 40 д. 0,80 дол.

2014021198